

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 3 (24)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (24)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рачич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессон (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Д.Н. Рамазанова, канд. ист. н., доц. (РГГУ),
Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ),
Ю.Э. Шустова, канд. ист. н., доц. (РГГУ),
С.Ю. Шокарев, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедческие исследования

Н.В. Жилина

Византийская эстетика и ее славяно-русская современность:
по материалам средневекового ювелирного искусства VI–XI вв. 9

Д.Г. Полонский

Первенство Рима в византийской и славянской гимнографии:
канон папе Льву Великому 26

К.Ю. Ерусалимский

Герик-Рюрик, его сподвижники и потомки
в сочинениях А.М. Курбского 33

А.А. Малыгина

Рисунок приема польского посольства Лжедмитрием I
в Грановитой палате 3 (13) мая 1606 г. в рукописи
из Библиотеки герцога Августа г. Вольфенбюттель (Германия):
источниковедческое исследование 50

С.В. Зверев

Региональные денежные реформы
на юго-западе Русского государства в 1677 и 1683–1686 гг. 59

В.А. Герасимова

«Жизнь и приключения» одного крещеного еврея:
к вопросу об адаптации неопитов в Российской империи XVIII в. 68

Д.Н. Рамазанова

Греческие рукописи библиотеки Московской
синодальной типографии: по материалам
Российского государственного архива древних актов 81

Ю.Э. Шустова

Художник Остап Белявский как продавец книг
Львовской Ставропигийской типографии 1788–1791 гг. 89

Публикации

Л.А. Молчанов

- «В Туркестане советская власть установила
небывалый до сих пор национальный гнет» 101

Критика и библиография

С.В. Зверев, А.М. Паиков, Е.В. Пчелов

- История научной геральдики в России как объект фальсификации:
о книге О.Н. Наумова 125

С.Ю. Шокарев

- Монография Л.А. Беляева «Некрополь Данилова монастыря
в XVIII–XIX веках» (М., 2012) и перспективы исследований
московского некрополя 135

Хроника

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

- Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим
дисциплинам ИАИ РГГУ: Хроника заседаний (*продолжение*) 149

- Abstracts 151

- Сведения об авторах 156

CONTENTS

Studying the Sources

N. Zhilina

Byzantine art and its Slavic-Russian contemporaneity.
Based on medieval jewelry art of 6–11th centuries 9

D. Polonsky

Rome primacy in Byzantine and Slavonic hymnography.
Canon to pope Leo the Great 26

K. Erusalimsky

Herik-Rurik, his companions and descendants
in works by prince A. Kurbsky 33

A. Malygina

Drawing of the reception of Polish ambassadors by Dmitry the False I
in Faceted chamber on the 3^d (13th) of May 1606 from the manuscript
of Herzog August bibliothek (Duke August library)
Wolfenbuttel (Germany). Source study 50

S. Zverev

The regional monetary reforms in South West of Russian state
in 1677 and 1683–1686 59

V. Gerasimova

“Life and adventures” of a converted Jew. To the issue of adaptation
of neophytes in the Russian empire of the 18th century 68

D. Ramazanova

Greek manuscripts from the library of the Moscow Synodal
printing-house. On the basis of documents from Russian state
archive of ancient acts 81

Yu. Shustova

Artist Ostap Belivsky as a seller of books from Lviv’s
Stauropigion Confraternity printing-house (1788–1791) 89

Publication

L. Molchanov

“The Soviet government established an unprecedented national oppression in Turkestan”	101
--	-----

Reviews and bibliography

S. Zverev, A. Pashkov, E. Pchelov

The history of the science of heraldry in Russia as the object of falsification. On the book by O.N. Naumov	125
--	-----

S. Shokarev

The monograph by L. Belyaev “Necropolis of Danilov monastery in 18–19 th centuries” (M., 2012) and perspective studies of the Moscow necropolis	135
--	-----

Actual events

Report on scientific seminar on heraldics and supporting and special historical disciplines (<i>continue</i>)	149
--	-----

Abstracts	151
-----------------	-----

General data about the authors	158
--------------------------------------	-----

Н.В. Жилина

Византийская эстетика и ее славяно-русская современность: по материалам средневекового ювелирного искусства VI–XI вв.

Один из главных принципов языческого искусства – представление о способности произведения к реальному действию в природном и человеческом мире. В IV–VII вв. в византийской философии происходит борьба мнений по поводу роли украшения в христианском искусстве. В VI–VII вв. славянские украшения соответствовали нормам языческой эстетики. Ювелирные украшения славянской элиты VIII в. не имели выраженной символики. В IX в. ювелирная культура вновь размыта образами языческой эстетики. По украшениям IX–XIII вв. простых технологий отмечается сосуществование двух эстетических культур: византийской ювелирной и славянской языческой. Главное в облике изделий древнерусского филигранного убора X в. – орнаментальность и красота. Эстетика поднимающейся славяно-русской знати в сакральном отношении оказывается свободной от идей.

Ключевые слова: эстетика, ювелирные изделия, искусство, славяне, Византия, Русь.

Ювелирные изделия обладают уникальной красотой и эстетикой. Единение совершенства формы и конструкции с материальной ценностью сохраняется веками. Роскошный блеск холодного металла создает ощущение возвышенного и вечного и как будто дематериализует и распространяет красоту. Это одна из вершин земной красоты. Драгоценные украшения властно и необъяснимо привлекают людей. Среди других вещей они изначально находятся в особой позиции – их практическая полезность состоит в том, чтобы украшать. Красота и утилитарность соединены. Они стали символами самой красоты, непорочности, вечности, божественности.

В эпоху раннего Средневековья ювелирные изделия явились сильным оппонентом философским трактатам, написанным в духе христианского аскетизма. Во многом именно благодаря прелести украшений христианская философия приняла земную красоту, а аскетизм смягчил свое отношение к ней.

Поставим задачу сравнить: 1) эстетическую оценку ювелирных изделий в письменных источниках; 2) эстетическое развитие изделий. Насколько они соответствовали эстетическим идеалам эпохи, какие взгляды отражали?

По мнению Е.В. Аничкова, до официального принятия христианства славянское искусство находилось на «доэстетическом» уровне, художественно оформленные предметы имели утилитарное назначение, люди не задумывались над назначением искусства и не ставили цели наслаждаться красотой. Произведения религиозного искусства принимались обществом, так как были предметами веры¹.

Религиозность не исключает эстетичности предметов культа, а утилитарность предметов не исключает эстетического воздействия, даже если человек не думает об этом. В официальном языческом искусстве драгоценность убранства несет большую символическую нагрузку. Описания языческих храмов и идолов свидетельствуют о бьющей в глаза роскоши. Здания и изваяния огромны, отделочные материалы разнообразны и яркие: много золота, драгоценных и полудрагоценных камней. Христианин Гельмольд отметил «невообразимость» языческих идолов. Традиционно они описываются как изобилующие драгоценными материалами: Масуди говорит об использовании для идола драгоценных камней четырех видов, Оттон Бамбергский – об изготовлении голов Триглава в Штеттине из золота и серебра². Аналогично описан в ПВЛ и идол Перуна, поставленный князем Владимиром в Киеве: «голова серебряная, ус злат».

В языческих храмах хранились пожертвованные драгоценности³. В 945 г. дружина князя Игоря в сопровождении греческого посольства в момент клятвы, подтверждающей договор, кладет оружие и золото на святылице Перуна в Киеве⁴. В число драгоценных даров могли входить золотые слитки, монеты и украшения.

Люди представляли, что дары реально переходят от людей к богам. Сакральные ювелирные регалии – золотые диадемы и гривны – увеличивали власть и силу богов⁵. Драгоценная красота должна была не только нравиться богам и украшать их, но величием и обилием подавлять отдельного человека, подчинять политической власти. Это воспринималось как прекрасное.

Драгоценные материалы были носителями магической силы. Золотыми, согласно фольклору, бывают сильные и важные органы зверей. Вечная красота и магическая сила драгоценных материалов естественно соединялись с божеством. Противоречий и соперничества между божественным и драгоценным не возникало. Красота драгоценных материалов стала символом власти и могущества и связанного с богом земного властителя: он добывал золото и для своей дружины и для бога.

Славянская языческая эстетика не была философской концепцией, она существовала в виде ощущений людей. Эстетика любой эпохи не монолитна, существует спектр эстетических представлений. Неортодоксальные эстетические взгляды можно уловить в произведениях искусства. Любование и мимолетное ощущение закрепляются в не каноничных для эпохи произведениях, мало связанных с практическими нуждами, идеями и общественными структурами. Это искусство и его эстетика находятся вне самой «идеи идейности», проявляют способность человека чувствовать красоту. Охотник любовался и восхищался зверем. Цветок привлекал яркостью красок, женщина манила красотой.

Тем не менее языческое искусство находится в системе религиозных представлений о природном мире как обиталище одушевленных стихий, предметов, природных и фантастических существ. Языческие божественные силы, боги и духи находят реальное место в произведениях языческого искусства. Так же как языческие боги считаются вселившимися в свои статуи, сила солнца, луны, плода или цветка воплощается в небольшом декоративном предмете или украшении, аналогичном по форме значимому в языческих представлениях природному объекту. Простая декоративная форма соотносится с определенным смыслом, тут же заполняется им и начинает обладать магическими свойствами. Произведение искусства приобретает способность к действию.

Анализируя явление фетишизма, Д.К. Зеленин отметил «особое практическое отношение верующих к своим религиозным объектам, резко отличное от христианского»⁶. Аналогично и при возникновении слова: «Содержание, семантический смысл произносимых слов и изречений сразу же, как бы чудесно, осуществляется на деле»⁷. В сознании людей закрепляется, что «чудесное» должно происходить и с произведениями языческого искусства. Украшения, амулеты «действуют» аналогично их реальным прототипам. И это тоже прекрасно.

Для произведения характерна буквальная вписанность в природный или окружающий мир, в его структуру. Само оно – мир.

Отображение мира на столпе идола – это глобальная схема⁸. Небольшая вещь, украшение – звено. Женщина в уборе с ювелирными украшениями – функциональная часть, рождающая детей, родственная матери-природе.

Изобразительное искусство сохраняет подражательность природным объектам, схематически их упрощая. Три яруса жизни, четыре стороны света на идолах простой схемой раскрывают сакральное и реальное для людей пространство. Это не условность, а передача объемного мира в схематической перспективе.

Таким образом, один из главных принципов языческого искусства – представление о способности произведения искусства к реальному действию в природном и человеческом мире. Это не равно утилитарности и не «доэстетично». Человек верит, что предметы действуют чудесным порядком. Эстетическое воздействие осуществляется реально. Любая форма красоты предмета (орнаментальность, красочность, гармоничное звучание) воздействует на психику человека, вызывая мысли, ассоциации, эмоции и даже действия.

В восприятии обычного человека красивое в языческой культуре – декоративная обработка природных материалов, подражание растительным и животным формам, отражение их в украшениях, предметах быта и культа (рис. 1: 1–8)⁹. Простейший символизм основан на аналогичности предметов и явлений¹⁰. Форма деталей конского убора включает изображение коня (рис. 1: 8). Чудесные ипостаси коня разъясняются на бытовых предметах (рис. 1: 1). Божественная сила концентрируется в амулетах (рис. 2: 1)¹¹.

Простые украшения личного убора аналогичны растительным и природным формам: цветам. Украшение натуральными цветами входило в систему языческих обрядов¹². Украшения из живых или искусственных цветов входили в свадебные головные уборы невест – миниатюрные веночки носили как натуральные височные кольца¹³. Славянские головные уборы и другие предметы одежды украшались раковинами¹⁴ (рис. 2: 3).

Височные металлические украшения VI–VIII вв. продолжают роль природного цветка, вероятно, действуя как цветок в языческих обрядах. Человек сделал искусственные проволочные цветы также естественно, как природа, на основании рациональных соотношений, исходя из свойств материала и заготовок, проволоки и пластины. Круговой, лучевой, ромбической орнаментикой височные кольца соответствуют природным прототипам (рис. 1: 9–12). Геометрические элементы образуют и форму вещей. Смысл природного прототипа «как-то сразу» соединяется с новой вещью.

Как естественный цветок украшает плодоносящее растение, височные кольца украшают девушку и женщину, рожаящую детей. Наблюдение внешнего сходства предметов и явлений приводит к размышлениям о сходстве по структуре и сущности, способствует выделению структуры и сути.

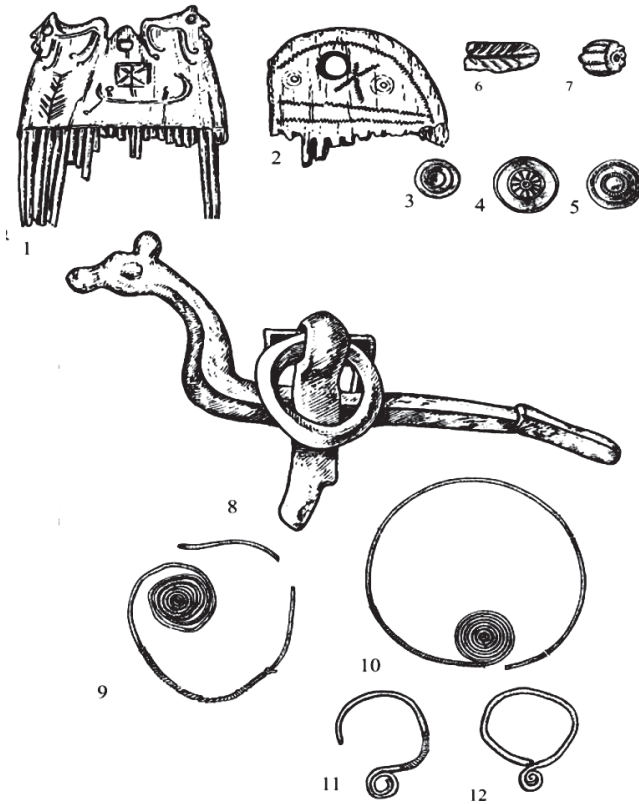

Рис. 1. Орнаментация славянских бытовых предметов второй половины I тыс. н. э.:

1, 2 – гребни, Псковское городище; древности словен новгородских:
 3–6 – металлические бляшки, 7 – Слобода-Глушица, смоленские кривичи; 8 – бронзовый псалий (часть конского снаряжения); славянские височные украшения VI–VIII вв.; 9, 10 – Среднее Поднепровье, Мартыновский клад, 11 – Семенки, 12 – Старая Ладога

Прототипами звенящих металлических бубенчиков, вероятно, были созревшие и гремящие природные семена¹⁵ (рис. 2: 2). Подвеска с бубенчиками должна была действовать – отгонять злых духов звоном. К ней также относятся слова «бубенное плескание», вид языческого музыкального искусства.

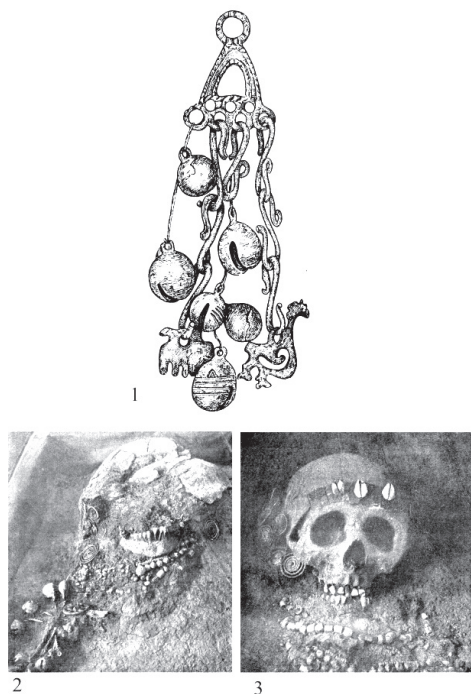

Рис. 2. Предметы языческого культа в славяно-русском уборе:

1 – Бочарово, амулет;

2–3 – подвеска из бубенчиков, украшения из раковин, погребения XI в. из курганов у с. Броварки на р. Суле

К древнерусскому периоду амулеты получили изобразительно-символическую форму кольца на цепочке с множеством подвесок, каждая со своей функцией. Прекрасна и декоративная обработка искусственных форм, орудий и бытовых вещей. Ножички, ложечки, ковшики и гребешки, призванные благословлять достаток, благополучие и чистоту, миниатюрней, «милей» реальных вещей. Объединившись в ансамбль, они приобрели новую красивую форму волшебной связки (рис. 2: 1).

Специальных трактатов по эстетике в Древней Руси неизвестно. К.В. Шохин назвал краткие письменные свидетельства «эстетическими фрагментами»¹⁶. По мнению В.В. Бычкова, проделанный им анализ философских, литературных и фольклорных произведений является вербализованным аспектом изучения древнерусской и византийской эстетики. Поле изучения эстетики по произведениям конкретных видов искусства остается обширным¹⁷.

По словам В.В. Бычкова, эстетическое сознание средневекового человека улавливало в первую очередь предметы ювелирного искусства как источник эстетических переживаний. Храмы и церкви в древнерусской литературе описывались не столько как архитектурные сооружения, сколько как ювелирные изделия. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» подчеркивается красота драгоценных материалов собора Богоматери во Владимире, а об архитектуре и живописи почти не говорится¹⁸.

Такое отношение к ювелирным изделиям в эпоху Средневековья неслучайно. Христианская цивилизация относится к красоте как к доказательству существования (бытийственности) вещей и мира. Правильность построения – это закон мироустройства. Согласно Константину Багрянородному, красивая дворцовая церемония отражает совершенство замысла творца¹⁹. Отсюда внимание и к такой квинтэссенции земной красоты, как драгоценная вещь, эстетическому символу средневековой эпохи. Но на такую философскую высоту украшения встали далеко не сразу.

В IV–VII вв. в византийской философии идет борьба мнений о роли украшения (и ювелирных украшений) в христианском искусстве, а затем – выработка позитивной программы, находящая драгоценной и ювелирной красоте достойное место. Материал об этом суммирован В. Бычковым²⁰. Наша задача – на основании этих же источников выделить эстетическую оценку ювелирных украшений.

Первоначально материальная красота выступает как противоположность красоте духовной. Аскеты и иконоборцы понимают красоту драгоценностей как ее искажение. По терминологии теории символов, аскетический взгляд предпочтет для отображения возвышенного «несходный образ» – червя, а не ювелирную цепь – «сходный образ». Гниющая плоть подвижника при сравнении с драгоценными металлами признается во много раз красивей. Женская красота и красота драгоценностей оцениваются как два вида низкой и недостойной красоты, затмевающей суть подлинной, а вместе являются сгустком отрицательной энергии и способны преследовать отшельника в пустыне. Климент Александрийский и Тертуллиан полагают, что подобной красоты надо избегать, ее надо скрывать.

Но материальной красоте нельзя отказать в сходстве с духовной красотой. Одинаково построены красивое и верное, хорошее, здоровое. Согласно Плотину, источником красоты является Единое, Благо; красота тела соответствует здоровью и благу. Сам человек, по представлениям Иренея Лионского, – украшение мира, а совершенствование человека сродни художественному творчеству.

По Тертуллиану, украшение аналогично творению, является его продолжением, закономерной стадией сотворения мира после соединения необработанных элементов. В самом осуждении прикладного искусства апологетами за то, что художник соперничает с Богом, звучит признание сходства человеческого и божественного творчества. Аналогия приводит к признанию необходимости украшения. Украшаться нужно духовностью, грамотностью, непорочностью – и даже увечьями – но украшаться. Все перечисленное, по мнению Климента Александрийского, украшает праведника лучше драгоценностей, но украшает же. Церковь должна быть украшена догматами, изливающими свет, как разнообразная драгоценная одежда.

Сходен и труд по созданию духовной и материальной красоты. Духовную красоту надо создавать так же неустанно и трудолюбиво, как женщины поддерживают свою физическую красоту. Достоин похвалы и труд художника, мастера, ювелира. Нищего, по мнению Макария Египетского, следует одеть в роскошные царские одежды. То есть роскошные украшения достойны духовной красоты человека, отказавшегося от мирских благ. Блаженный сравнивается с чистым золотом.

В патристике в IV–VII вв. формируется христианская концепция художественного произведения как образа Первообраза – высшей божественной духовной красоты. Это несет верную идею об отличии произведения искусства от реальности. Образы отражают. Этот взгляд расходится с принципами языческой эстетики.

Ориген выступает против отождествления произведения искусства с действительностью, осуждая массовое и зрелищное искусство. Федор Студит обосновывает несвязанность произведения искусства с природой Первообраза.

Иоанн Златоуст (344–407) ставит красоту драгоценных камней в параллель красоте Священного Писания. Бог и его свойства могут символически выражаться различными земными образами (в том числе ювелирными украшениями). Это понимание становится основой символично-аллегорических художественных направлений в ювелирном деле.

Разрабатывается представление о многоступенчатости образов. Климент Александрийский выделяет три типа образов: подражатель-

ные, символические и знаковые. Символический образ высказывает истину в украшенном виде. Значит, она нуждается в украшении для проявления себя.

Божественная красота, по Псевдо-Дионисию Ареопагиту, является важнейшей характеристикой первопричины и Бога, одно из доказательств существования вещи. От божественной красоты исходят лучи, сообщающие каждой вещи отличительную красу. Каждая из трех ступеней красоты: 1) абсолютная божественная; 2) красота небесных существ; 3) красота предметов и явлений материального мира – содержит информацию об абсолютной красоте.

Ступени иерархичной красоты объединены непостижимой разумом связью: светом. Свет (светодаяние – фотодосия) – посредник между земным и трансцендентным уровнями бытия²¹. Красота сияет и сообщает свет остальному. Осияние украшает неукрашенное, придает ему вид (форму). Свет воспринимается духовным зрением. Золотой цвет – материализованный божественный свет. (После этих слов перед глазами уже возникают ювелирные изделия.)

Знаковая форма символа доступна посвященным, образная же доступна всем (образ может быть взят из реальной действительности). Чины земных украшений – отражение гармоничности и упорядоченности божественного. Так, по Ареопагиту, для ювелирных изделий находится достойная ступень, они – «сходные» образы.

Золото и драгоценный камень выступают символами тела и души. Золото противопоставлено менее достойным материалам, меди, свинцу и серебру. Тело сопоставляется с золотом, оправляющим драгоценный камень – душу. Фибула может быть символом самого человека или его сути, соединяющей тело и душу.

С.С. Аверинцев отметил, что стремление к драгоценности изделий является одинаково сильным в античной и в христианской культурах²². Но в язычестве золотой дар-пожертвование двигается от человека к Богу не меняясь. В христианстве связь осуществляется от Бога к человеку, в виде ступенчатого нисхождения красоты к людям. На ступенях красота преобразуется качественно, одну из них составляют золото и ювелирные изделия.

Теория образа нашла завершение у Иоанна Дамаскина (675–754 г. н. э.). Количество ступеней увеличилось до шести. Сама духовная красота неизобразима, для нее не пригоден миметический образ. Символические и аллегорические образы, актуальные для ювелирных произведений, занимают ступень сразу после человека, который сам есть образ и подобие Божье. Человеческое искусство начинается с третьей ступени нисхождения. Ювелирным искусством можно отобразить и земное для земной цели, и земное как

символ высшего, и образ высшего. Ниже располагаются миметические и дидактические образы. Аналогия ювелирной и божественной красоты поднялась до высокой роли ее образа.

Патристическая эстетика сыграла роль вдохновляющей программы для ювелирного творчества. Ювелирное изделие способно воплотить и проиллюстрировать философские тезисы. Золотое изделие из перегородчатой эмали сияет, изливая преобразованный божественный свет, запечатлевает на себе святой образ, является образом первообраза. На основе идеи образа развивается богатая конкретная символика драгоценных материалов и ювелирных украшений.

В IX–XII вв. в эстетике Византии развивается антикизирующее направление, связанное с усилением интереса к материальной красоте и земному наслаждению. Это направление встает между крайностями аскетизма и античного иллюзионизма. Земная красота соотносится не с божественной красотой, а с красотой ювелирного искусства, утвердившей себя в качестве рукотворного эстетического идеала.

Красота звездного неба сравнивается в Хронике Константина Манасси (XII в.) с шитым жемчугом золототканым плащом, с тканью, «горящею каменьею красотою». По Михаилу Пселлу, искусное соразмерное соединение малоценных камней, сделанное ремесленником, позволяет создать головной убор – образец красоты²³.

Влияние византийского ювелирного дела на славянскую культуру ощущается с VI–VIII вв. (рис. 3: 1, 2)²⁴. Распространяются амфоровидные и звездообразные серьги или подвески к головному убору из золота и серебра (рис. 3: 5, 6). Они являются близким повторением византийского образца, отступают от норм языческой эстетики, уходя в красоту искусственного ювелирного мира – прелести драгоценных материалов и тонких ювелирных техник, правильной организации мельчайших элементов формы (рис. 3: 3–6)²⁵. Филигрань дает новые ювелирные миниатюрные орнаментальные элементы, тиражируемые литыми изделиями: зернистый треугольник или ромб и филигранный завиток. Множество мелких элементов разбивает гладкие плоскости, организуя и регулируя само сияние металла. Эти вещи были роскошней других славянских украшений того времени. Смыслом их ношения в реальности был социально-имущественный престиж, возбуждение зависти и благоговения по отношению к их носителям. Изделия не воплощали собой норм патристической эстетики, но противоречили эстетике аскетизма, выходили за рамки сформулированных ею эстетических принципов.

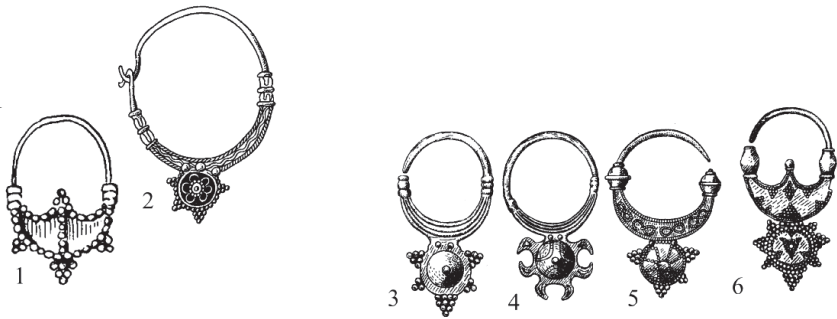

Рис. 3. Славянские украшения VII–VIII вв. и их прототипы:
 1, 2 – серьги византийского круга; 3 – амфоровидная подвеска,
 золото, Харьковский клад; звездообразные подвески: 4, 5 – литые,
 Пастырское городище, 6 – филигранные, серебро,
 Харьковский клад Сумской обл.

В самой Византии светские ювелирные украшения также не всегда претендовали на их воплощение²⁶. Изделия созданы по законам симметрии, упорядоченного расположения ювелирных филигранных элементов, конкретная символика не ощущается (рис. 3: 1, 2; 4: 1, 2)²⁷. Светское и религиозное искусство Византии в это время довольно разграничены, в декоративном искусстве символика практически отсутствует²⁸. Ювелирные украшения хорошо соответствовали одной из трех главных составляющих императорской доктрины Юстиниана в области архитектуры и искусства – *cosmesis* (украшение)²⁹.

В жизни проявлялось именно то качество материальной красоты, которую раннехристианские мыслители осуждали. В действительности украшения распространялись с большим успехом, ими дорожили, им стремились подражать. Это проводилось в жизнь ювелирными мастерами Византийской империи, работавшими вместе со славянскими учениками.

Дальнейшая история ювелирного искусства славян VIII–IX вв. показывает, что ювелирная эстетическая культура в народном уборе размывается прежними природными символами языческой эстетики. Славянские височные кольца VIII–IX вв. используют простейшую спиральную орнаментацию, известную по древностям VI–VII вв. (рис. 4: 5, 6). Развиваются орнаментальные формы роста (не без связи с византийским искусством, но более простые), цветочной лепестковой розетки, луча (рис. 4: 3, 4).

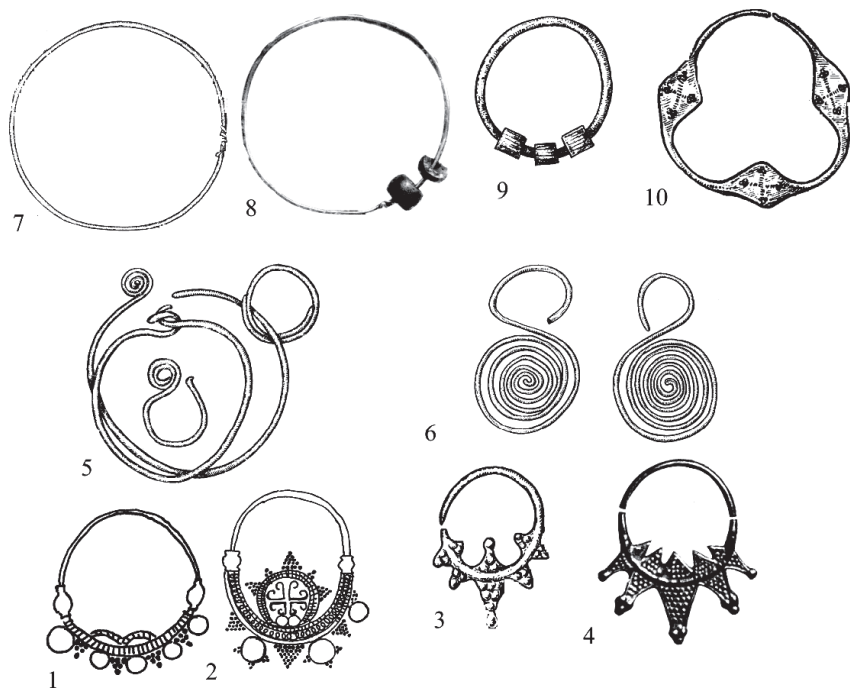

Рис. 4. Славянские украшения IX–XI вв. и их прототипы: 1, 2 – византийские серьги; височные кольца: 3 – клад, городище Новотроицкое, 4 – Зарайский клад, 5 – дреговичи (верхнее Понеманье, Брестское Побужье), Бретьянка, 6, 9 – северяне, Гочевские курганы, 7 – кривичи, Погост, 8 – Гнездово, клад 1867 г., 10 – словене новгородские

К IX в. славянские кольца утратили круглый выделенный медальон, плоскостная форма была лучше приспособлена к ношению в традиционном уборе (рис. 4: 3, 4). Основной рабочей деталью конструкции стало широкое кольцо (рис. 4: 7–10). На кольца надевались бусины и ювелирные (рис. 4: 8, 9). Формировались ромбоштитковые и семилопастные височные кольца, в которых ювелирные детали (бусины и зерновые треугольники) превратились в плоскости, орнаментированные традиционными славянскими геометрическими элементами (рис. 4: 10).

В подвесках ожерелий и нашивных бляшках IX–XIII вв. отмечается сосуществование двух эстетических культур. Развивается

орнаментация, происходящая от филигранных элементов – зернистого треугольника и филигранного завитка (рис. 5: 14, 15, 17)³⁰. Тиснение приносит с собой лаконичную художественную форму ростка-трилистника (рис. 5: 16). В языческом направлении используются лучевые, солярные, цветочные и ромбические и крестообразные мотивы и элементы (рис. 5: 5–13). Разрабатываются зооморфные мотивы (рис. 5: 1–4).

Рис. 5. Ювелирная и народно-языческая эстетические традиции в славянском искусстве X–XII вв.:

2, 10, 14, 15 – Гочевские курганы (северяне); 1, 3, 12, 13, 16, 17 – курганы Брянской губ. (радимичи); подвески: 4 – Багриново, 6 – Харлапово (кривичи); 5 – поясные бляшки, Калиновщина (хорватско-тиверские древности); подвески: 7 – Осьмино, 8 – Яскелево (новгородские словене); 9 – поясная бляшка, Большое Боршевское городище (вятичи); 11 – курганы из раскопок В.З. Завитневича (дреговичи)

Рис. 6. Серебряный славяно-русский зерненный убор X в.:
1 – реконструкция Н.В. Жилиной (рис. О.В. Федорова)

Следующий этап развития ювелирных украшений связан с формированием к X в. общеславянского серебряного зерненого убора на основе синтеза местных славянских форм, византийской передовой ювелирной технологии и приобретенных собственных навыков. Языческая природная символика оказывается практически подавленной. Преобладает суховатая орнаментация в линейно-геометрическом и геометрическом стилях (рис. 6). В уборе есть корбочки-амулетницы, которым в народном уборе предшествовали кошельки для хранения реликвий. На корбочке из Гнездовского клада 1867 г. в филигранной технике выполнены изображения быков, имеются подвески на цепочках³¹. Но культовое назначение уходит на второй план. Главное в облике изделий – орнаментальность и красота. Крестообразные подвески воспринимаются по большей части как растительные, а не христианские символы. Лунницы ожерелий, ранее, вероятно, несшие

символику связи небесного огня с земным, совмещавшие в орнаментации крестообразные, круговые и полукруговые фигуры, в этом уборе приобрели декоративно-растянутую по горизонтали форму для лучшего соответствия широкому тяжелому ожерелью. Их орнаментация утратила зональность и приобрела сплошной покрывающий характер. Эстетика поднимающейся славянской знати в сакральном отношении оказывается безыдейной. Убор показывает социальный престиж, достаток и богатство.

После конца X в., ставшего решающим для древнерусской культуры в целом в связи с принятием христианства, в древнерусской эстетике происходят глубокие изменения. Но это предмет для разговора на другом материале.

Примечания

- ¹ *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. М.: Индрик, 2003. С. XIV–XVI, 220, 221.
- ² Гельмольд: Славянская хроника. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 186; *Срезневский И.И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846. С. 54, 55, 57; *Он же.* Архитектура храмов языческих славян // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. № 3. С. 45, 46.
- ³ Гельмольд: Славянская хроника. С. 45, 129; *Срезневский И.И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. С. 61; *Он же.* Архитектура храмов языческих славян... С. 46–48.
- ⁴ Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 2004. С. 102, 103.
- ⁵ *Срезневский И.И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. С. 45–51; *Он же.* Архитектура храмов языческих славян... С. 56–61.
- ⁶ *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре: 1934–1954 гг. М.: Индрик, 2004. С. 209.
- ⁷ Там же. С. 49.
- ⁸ *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 462–464.
- ⁹ Ссылки на приведенные изображения рис. 1 см.: 1, 2 – *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. Табл. XIX: 2, 17; 3–5, 6, 8 – Табл. XXI: 2–4; 35, 9; 7 – Табл. XVIII: 15; 9, 10 – Табл. VI: 11, 12 – Табл. IV: 1, 2.
- ¹⁰ *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. С. 20.
- ¹¹ Ссылки на приведенные изображения рис. 2 см.: 1 – *Седов В.В.* Указ. соч. Табл. XLII: 11; 2 – авторская прорисовка; 3, 4 – *Хвойко В.В.* Раскопки могильника при селе Броварки Гадячского у. Полтавской губ. // Древности. Т. 20. Вып. 2. М., 1904. С. 44–45. Рис. 1, 2.
- ¹² *Аничков Е.В.* Указ. соч. С. 251, 252.

- ¹³ *Симоненко И.Ф.* Свадебные обряды в Закарпатской области // СЭ. 1946 № 4. С. 125–127; *Он же.* Быт населения Закарпатской области // Там же. 1948. № 1. С. 85. Рис. 12; *Шмелева М.Н.* Типы народной одежды украинцев Закарпатской обл. // Там же. № 2. С. 137.
- ¹⁴ *Хвойко В.В.* Указ. соч. С. 44–45. Рис. 2; *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь: Таврия, 1996. Табл. 73: 4.
- ¹⁵ *Хвойко В.В.* Указ. соч. С. 42. Рис. 1.
- ¹⁶ *Шохин К.В.* Очерк истории развития эстетической мысли в России: (древнерусская эстетика XI–XVII веков). М.: Высш. шк., 1963. С. 5.
- ¹⁷ *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М.: Мысль, 1995. С. 11.
- ¹⁸ *Бычков В.В.* Эстетическое сознание Древней Руси. М.: Знание, 1988. С. 35; *Он же.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. С. 135, 136.
- ¹⁹ *Mathew G.* Byzantine Aesthetics. L.: J. Murray, 1963. P. 126.
- ²⁰ *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С. 16–117.
- ²¹ *Mathew G.* Op. cit. P. 18–20; *Аверинцев С.С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия, Южные славяне, Древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М.: Наука, 1973. С. 47, 48.
- ²² *Аверинцев С.С.* Указ. соч. С. 44.
- ²³ *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. С. 240, 241, 326.
- ²⁴ *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Табл. 72: 1аб., 2в; 73: 2аб, 3аб. С. 663. Кат. 89, 5–8. С. 406, 662; Ссылки на приведенные изображения рис. 3 см.: 1 – *Niederle L.* Příspěvky k vývoji byzantských šperků: ze IV.–X. Století. Praha: Česká akademie věd a umění, 1930. Obr. 70, 5; 2 – *Айбабин А.И.* К вопросу о происхождении сережек Пастырского типа // Росс. археология. 1973. № 3. Рис. 3, 4; 3–6 – *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ: Наукова думка, 1980. Рис. 13.
- ²⁵ *Айбабин А.И.* Указ. соч.
- ²⁶ *Попова О.С.* Изобразительное искусство // Культура Византии: вторая половина IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 550.
- ²⁷ Ссылки на приведенные изображения рис. 4 см.: 1, 2 – *Жилина Н.В., Макарова Т.И.* Древнерусский драгоценный узор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: Гриф и К, 2008. С. 186, 187. В – 11, 13; 3 – *Седов В.В.* Указ. соч. Табл. XXXII: 1 – *Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. № 176/3; 8 – *Жилина Н.В.* Указ. соч. № 23/8; 5 – *Седов В.В.* Указ. соч. Табл. XXX: 1–3; 6 – Табл. XXXVI; 5, 6; 7 – Табл. XLIX: 1; 9 – Табл. XXVII; 2; 10 – Табл. LI; 4 – *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Рис. 14.

²⁸ *Mathew G.* Op. cit. P. 78.

²⁹ *Ibid.* P. 86, 88.

³⁰ Ссылки на приведенные изображения рис. 5, см.: *Седов В.В.* Указ. соч. 1 – табл. XLVI: 14; 2, 15 – Табл. XXXVI: 14; 1; 3, 12, 13, 16, 17 – Табл. XLVII: 8, 3, 15, 7, 21; 4, 6 – Табл. L: 20, 6; 5 – Табл. XXXI: 49–55; 7, 8 – Табл. LIII: 28, 9; 9 – Табл. XL: 9; 10, 14 – Табл. XXXVII: 5, 1; 11 – Табл. XXIX: 25.

³¹ *Жилина Н.В.* Указ. соч. № 23/21.

Первенство Рима
в византийской и славянской гимнографии:
канон папе Льву Великому

В статье рассматриваются исторические обстоятельства создания и распространения в византийской, восточно- и южнославянской гимнографии церковной службы папе римскому Льву Великому, вошедшей в XII–XVII вв. в рукописи служебных февральских Миней. Содержание необычного для православной гимнографии канона папе Льву объясняется взглядами его автора Феофана Начертанного (Грапта), принадлежавшего к монашеской оппозиции иконоборческим властям Византии первой половины IX в.

Ключевые слова: Лев Великий, римское первенство, гимнография, Византия, славянские рукописи, служебные Минеи, Феофан Начертанный (Грапт).

Теме притязаний римских епископов эпохи поздней античности и раннего Средневековья на высший духовный авторитет и верховную каноническую власть над другими церквами христианского мира посвящено немало обстоятельных исторических исследований¹. Эти притязания, основанные на идее уникальной провиденциальной роли апостола Петра как первого епископа Рима, начали систематически проявляться в риторике и установлениях римского понтификата начиная со второй половины IV в.² В середине V в. концепция юридической преемственности папами римской кафедры как «апостольского престола» непосредственно у св. Петра была по-новому обоснована Львом I Великим, занимавшим эту кафедру в 440–461 гг.³

В 451 г. более 300 епископов, созданных императором Восточной Римской империи Маркианом на IV Вселенский собор

в Халкидоне, утвердили в качестве важнейшего вероучительного документа направленное против монофиситов догматическое послание папы Льва (известное также как *Leonis Magni Tomus ad Flavianum*, или Томос) о соединении в одном лице божественной и человеческой природы Иисуса Христа⁴. Участники собора сочли сформулированный понтификом догмат «столпом» христианской веры, которую, как решили епископы, через папу Льва провозгласил сам апостол Петр⁵. Папа Лев отсутствовал на IV Вселенском соборе, но посланные им легаты, а затем он сам и его преемники на римской кафедре не признали и активно оспаривали установленное тем же собором 28-е правило, согласно которому Константинополь, имевший статус имперской столицы на христианском Востоке, был уравнен в церковно-административных правах с Римом⁶. Несмотря на это, выдающаяся роль папы Льва Великого в ниспровержении доктринального господства монофиситов послужила причиной почитания римского понтифика в Византии. Начало такого почитания можно отнести к 518 г., когда император Юстин I предписал подданным исповедание принятой IV Вселенским собором христологии, повелев внести имя папы Льва в диптихи⁷.

В Византии память о папе Льве отразилась в таких источниках, как памятники гимнографии: греческие служебные Минеи на февраль под 18-м числом содержат текст песенного последования, в котором прославляются имя и деяния римского понтифика как автора Томоса. Обзор греческих рукописей февральских Миней X–XIV вв., сохранивших текст службы папе Льву, сделан Г. Ротэ⁸, под редакцией которого немецкими славистами наряду с греческим был опубликован и восточнославянский перевод службы понтифику⁹ по рукописи Минеи из Синодального собрания ГИМ № 164 (XII в.), причем для сопоставления разночтений исследователи привлекли также кодексы февральских Миней конца XI–XII в. из фонда Рукописного отдела Библиотеки Синодальной типографии¹⁰. Жанровая структура службы папе Льву в этих рукописях традиционна для IX–XII в. и включает седален, три стихиры, а также канон¹¹.

В отличие от рукописей древнейших восточнославянских Миней в греческих кодексах содержатся упоминания¹² о том, что канон принадлежит авторству знаменитого византийского гимнографа Феофана Начертанного, или Грапта (ок. 778–845), – палестинского, а с 813 г. константинопольского монаха и поборника иконопочитания, пострадавшего вместе с братом Феодором, согласно «Хронографии» Продолжателя Феофана, за свою стойкость и ученость от императора-иконоборца Феофила (813–842)¹³ и по завершении

иконоборческого кризиса возведенного в 843 г. в сан митрополита Никейского¹⁴. Указание на авторство Феофана находится также в описании песенных последований в день памяти папы Льва 18 февраля, содержащемся в созданном для одного из константинопольских монастырей Евергетидском типиконе, который был составлен во второй половине XI в.¹⁵ и по греческой рукописи начала XII в. опубликован А.А. Дмитриевским¹⁶.

Восточнославянская традиция распространения перевода греческой православной службы в память о папе Льве не ограничивалась XII в.: впоследствии текст службы (имеющий, однако, разночтения с рукописями старших списков) вошел, например, в кодексы февральских Миней XV–XVI вв. из собраний Иосифо-Волоколамского монастыря и Троице-Сергиевой лавры¹⁷, а в XVII в. служба была включена в Минеи, изданные на Московском печатном дворе¹⁸.

В болгарской и сербской традициях на протяжении XIII–XVII вв. служба папе Льву также присутствует. Ее старшие списки представлены рукописями Минеи праздничной на февраль–август (без марта; иногда необоснованно называемой Второй Добриановой Минеей¹⁹), найденной В.И. Григоровичем в Зографском монастыре на Афоне, а ныне хранящейся в Одесской национальной научной библиотеке²⁰ (конец XIII – первая половина XIV в., среднеболгарского письма)²¹; Минеи служебной на декабрь–февраль из собрания болгарской Национальной библиотеки свв. Кирилла и Мефодия в Софии (конец XIII – начало XIV в., сербская)²²; Минеи служебной на февраль из Библиотеки Великой Лавры св. Афанасия на Афоне (начало XIV в., среднеболгарская)²³. К поздним спискам, содержащим службу понтифику, относится, в частности, кодекс февральской служебной Минеи²⁴, переписанный в 1608 г.²⁵ в Троицком монастыре близ г. Враца переселившимся в Болгарию сербским монахом Иовом Шишатовцом, позднее трудившимся и на Афоне²⁶.

Таким образом, обзор гимнографических рукописей и изданий источников позволяет полагать, что на протяжении XII–XVII вв. служба римскому папе Льву Великому никак не могла быть маргинальным для православной традиции сочинением и, очевидно, ежегодно звучала в греческих, болгарских, русских и сербских храмах. Примечательные особенности содержания службы папе Льву заставляют остановиться на них подробнее.

Уже в начале древнейшего славянского текста службы (в первой стихире) папа Лев охарактеризован как «глава правоверия Церкви Христовой» и «установитель истине», а далее в переводе

канона Феофана Начертанного понтифик прославляется как «наследник» апостола Петра, имевший его «волю и рвение веры» (песнь первая)²⁷. В соответствии с формулировкой Халкидонского собора Томос папы Льва назван в тексте службы «столпом правоверия», который, согласно метафорике гимнографа, понтифик воздвиг против еретиков (песнь третья)²⁸. Дважды гимнограф уподобляет деятельность «треблаженного» папы утреннему сиянию, возникшему «от Запада» и пославшему Томос «яко луч Церкви» (песнь четвертая); а также провозглашает, что Лев, будучи «весь светел, яко солнце», воссиявшее опять же «от Запада», явился как второй Моисей, «собору честных учителей, вопия: дети, благословите» (песнь восьмая)²⁹. Последние слова показывают, что Феофан Начертанный, видимо, не знал о том, что папа Лев не принимал личного участия в заседаниях IV Вселенского собора. Однако символическое уподобление римского папы ветхозаветному пророку, явившемуся заседавшим в Халкидоне епископам, хотя и не отвечает историческим обстоятельствам, ясно демонстрирует представления гимнографа об иерархических отношениях понтифика и собора. Наконец, в финале канона (песнь девятая) содержится резюмирующая характеристика «всеславного» папы Льва как иерарха – своеобразный итог песнопения, где понтифик назван «истинным патриархом», которому принадлежит церковное «первостояние» (в болгарских рукописях XIV в. – «пръвосѣдалище») как «престола», так и «чина» (в оригинале: «...προεδρεία τε καὶ θρόνοι καὶ τάγματα, Λέων πανόλβιε...»)³⁰.

Как показывают приведенные цитаты, византийский гимнограф прославлял первоиерарха христианского Запада не только за его выдающуюся роль в борьбе с монофиситами, но также – фактически вопреки 28-му правилу Халкидонского собора – специально подчеркивал верховный статус папы Льва в отношении духовного авторитета и церковно-юридических прерогатив, обусловленных положением преемника «апостольского престола» св. Петра. Это выделяет сочинение Феофана Начертанного как необычное для православной гимнографии произведение, исторические обстоятельства создания которого нуждаются в объяснении.

Еще Г.А. Острогорским была предложена интерпретация мотивов византийского иконоборчества, связанных, по мысли исследователя, с христологией монофиситов³¹: отрицание человеческого во Христе влекло неприятие изображений Бога как кощунства и ереси. В соответствии с этой интерпретацией И. Мейендорф также полагал, что «монофиситство тайно или явно снабжало иконоборцев сутью их богословских аргументов»³². Поэтому прославление

папы Льва как инициатора борьбы с монофиситами можно было бы считать естественным для Феофана как православного сочинителя, пострадавшего от иконоборческих гонений. Это, впрочем, не объясняло бы превознесения в каноне иерархического статуса папы. Однако С. Брок аргументированно отвел интерпретацию Г.А. Острогорского и его последователей в этом вопросе, показав, в частности, что она плохо согласуется с изобразительной традицией монофиситов, и заключив, что «иконаборческие споры не имели ничего общего с христологией»³³. Поэтому причины появления необычных проримских пассажей в тексте службы папе Льву нужно, очевидно, объяснять иными факторами.

Известно, что византийскими церковными писателями, особенно во времена иконоборчества, деятельность апостола Петра трактовалась как основание, на котором воздвигнута вся Церковь³⁴. Особое место среди этих писателей принадлежит Феодору Студиту (759–826) – апологету иконопочитания, эрудиту и влиятельному лидеру восточнохристианского монашеского движения, конфликтовавшему с византийскими патриархами, причем как иконоборцами, так и православными³⁵. Примечательно, что Феодор Студит около 815 г. обращался с письменной поддержкой к осужденным в ходе иконоборческих гонений братьям Феофану и Феодору Начертанным³⁶. Вместе с тем в переписке с папами Львом III (795–816) и Пасхалием I (817–824) Феодор Студит не раз ссылался на принцип апостоличности как на критерий церковного авторитета и выражал высокое почтение Риму, в котором видел опору истинной вере³⁷, называя римскую Церковь «первой среди Церквей Божьих, всегда ясным и всегда чистым источником православия»³⁸. Схожее отношение к папскому престолу усматривается и у другого выдающегося сторонника иконопочитания, ученого монаха и писателя Мефодия (ум. 847), прожившего в эмиграции в Риме 815–821 гг., по возвращении в Византию подвергнутого ссылке иконоборческими властями, а после их падения в 843 г. избранного патриархом Константинопольским и поставившим Феофана Начертанного в сан митрополита³⁹.

Итак, просопографические сведения позволяют полагать, что византийский гимнограф Феофан Начертанный разделял взгляды на первенство Рима своих выдающихся современников и авторитетов в кругах монашеского движения Феодора Студита и Мефодия, находившихся в оппозиции иконоборческим правителям Византии. Видимо, эти взгляды гимнографа обусловили содержание написанного им в память о римском папе Льве Великом канона, которой впоследствии вошел в восточно- и южнославянскую гимнографию XII–XVII вв.

Примечания

- ¹ *Michel A.* Der Kampf und das politische oder petrinische Prinzip der Kirchenführung // Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart. Bd. 2. Würzburg, 1953. S. 491–562; *Dvornik F.* Byzantium and the Roman Primacy / Transl. by E.A. Quain; 2nd ed. N.Y., 1979; *Меуендорф И., протопр.* Единство империи и разделения христиан: Церковь в 450–680 гг.: Пер. с англ. М., 2012.
- ² *Задворный В.Л.* Сочинения Римских понтификов эпохи поздней Античности и раннего Средневековья (I–IX вв.). М., 2011. С. 143–145; *Захаров Г.Е.* Римское первенство и развитие института церковного собора в эпоху арианских споров // Вестн. ПСТГУ. Сер. II. 2015. Вып. 1 (62). С. 7–25.
- ³ *Klinkenberg H.M.* Papsttum und Reichskirche bei Leo d. Gr. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1952. Bd. 38. S. 37–112; *Ullmann W.* Leo I and the Theme of Papal Primacy // Journal of Theological Studies. 1960. Vol. XI (1). P. 25–51; *Idem.* A Short History of the Papacy in the Middle Ages. 7th ed. L.; N.Y., 2003. P. 11–16.
- ⁴ Численность участников собора оценивается в источниках по-разному, см.: *Goemans M.* Chalkedon als “Allgemeines Konzil” // Das Konzil von Chalkedon. Bd. 1. Würzburg, 1951. S. 261–262.
- ⁵ *Sellers R.V.* The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey. L., 1961. P. 109–115; *Меуендорф И.* Указ. соч. С. 231–236.
- ⁶ *Martin T.O.* The Twenty-Eighth Canon of Chalcedon: A Background Note // Das Konzil von Chalkedon. Bd. 2. S. 433–458; *Hermann E.* Chalkedon und die Ausgestaltung des konstantinopolitanischen Primats // Ibid. S. 459–490.
- ⁷ *Vasiliev A.A.* Justin the First. Cambridge (MA), 1950. P. 141–143.
- ⁸ Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: Auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Teil 2: 10. bis 19. Februar / H. Rothe (Hrsg.). Paderborn, 2006. S. XXIX–XXXII.
- ⁹ Ibid. S. 536–580.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 103. Л. 8об. – 12; № 104. Л. 110–115.
- ¹¹ Ср.: *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886. С. LXVII–LXXXII.
- ¹² Gottesdienstmenäum für den Monat Februar... S. 544.
- ¹³ Продолжатель Феофана: Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я.Н. Любарский. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 70–72.
- ¹⁴ *Cunningham M.B.* The Life of Michael the Synkellos: Text, Translation and Commentary. Belfast, 1991. P. XV–XVI.
- ¹⁵ *Желтов М., диак.* Евергетидский Типикон // Православ. энцикл. Т. 17. М., 2008. С. 139–143.
- ¹⁶ *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Ч. 1. Киев, 1895. С. 417–418.
- ¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 113. № 99. Л. 135об.–140об.; Ф. 304. I. № 523. Л. 127об.–133; № 524. Л. 138об.–144об.; № 525. Л. 83–86; № 526. Л. 131–135об.

- ¹⁸ Миния служебная, февраль. М., 1622. Л. 180–185 3-го сч.; Миния служебная, февраль. М., 1646. Л. 233–237об.; Миния служебная, февраль. М., 1690. Л. 208–213об.
- ¹⁹ *Турилов А.А.* Добриан Многогрешный // Православ. энцикл. Т. 15. М., 2007. С. 464–465.
- ²⁰ ОННБ. № 1/5. Л. 26об. – 28об.
- ²¹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С. 304. № 360.
- ²² НБКМ. № 895. Л. 86об. – 88.
- ²³ Библиотека монастыря Великая Лавра св. Афанасия (Афон). № Z53. Л. 64–67. Рукопись изучалась по микрофильму, хранящемуся в Патриаршем Институте патристических исследований при монастыре Влатадон (Фессалоники).
- ²⁴ НБКМ. № 141. Л. 75–78об.
- ²⁵ Записи опубликованы: *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на български книжовници X–XVIII вв. Т. 2. София, 2004. С. 231, примеч. 256.
- ²⁶ *Турилов А.А.* Иов Шишатовец // Православ. энцикл. Т. 25. М., 2010. С. 320–321.
- ²⁷ *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar...* S. 538, 540, 546.
- ²⁸ *Ibid.* S. 549.
- ²⁹ *Ibid.* S. 555, 568, 570.
- ³⁰ *Ibid.* S. 578.
- ³¹ *Ostrogorsky G.* Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. S. 26–28, 40.
- ³² *Meyendorff J.* Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. 2nd ed. N.Y., 1983. P. 42, 44.
- ³³ *Brock S.* Iconoclasm and the monophysites // Iconoclasm: Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, Univ. of Birmingham, March 1975. Birmingham, 1977. P. 53–57.
- ³⁴ *Meyendorff J.* Op. cit. P. 57, 58, 97.
- ³⁵ *Marin E., l'abbé.* Saint Théodore (759–826). P., 1906; *Доброклонский А.П.* Прп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 1–2. Одесса, 1913–1914; *Pratsch T.* Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. Frankfurt a/M., 1998.
- ³⁶ *Efthymiadis S.* Notes on the Correspondence of Theodore the Studite // *Revue des études byzantines.* 1995. Т. 53. P. 141–163.
- ³⁷ *Van de Vorst C.* Les relations de S. Théodore Studite avec Rome // *Analecta Bollandiana.* 1913. Vol. 32. P. 439–47; *Salaville S.* La primauté de saint Pierre et du Pape d'après saint Théodore Studite (759–826) // *Échos d'Orient.* 1914. Т. 17. № 104. P. 23–42; *Meyendorff J.* Op. cit. P. 57–58. Ср.: *Dvornik F.* Op. cit. P. 101–102.
- ³⁸ *Marin E.* Op. cit. P. II; *Salaville S.* Op. cit. P. 25.
- ³⁹ *Bithos G.P.* Methodios I patriarch of Constantinople: churchman, politician and confessor for the faith: Ph.D. thesis. Durham, 2001. P. 265–266.

Герик-Рюрик, его сподвижники и потомки
в сочинениях А.М. Курбского

На примере исторических представлений князя А.М. Курбского автор показывает, как были переосмыслены в историописании середины – второй половины XVI в. истоки российской правящей династии и московского боярства. Наряду с легендой о германской этничности Рюрика и его сподвижников Курбский отстаивал идею исконного имперского статуса «Великой Руси», первенства святых князей и их потомков в правах на власть в русских землях и права Острожских и Слуцких на верховную власть в русских землях Речи Посполитой и всей Русской земли.

Ключевые слова: историческая культура, Рюриковичи, варяжский вопрос, А.М. Курбский, Сборник Курбского.

Имя Рюрика встречается в сочинениях князя А.М. Курбского единожды – в мартирии Морозовых, включенном в «Историю о князя великого московского делех». Говоря о смерти Андрея Ивановича Шеина, он вспоминает о происхождении Морозовых из рода, основатель которого был сподвижником Рюрика: «...яже еще вышли от Немец вкупе со Гериком [гlossa: с Рюриком] прародителем русских княжат семь мужей храбрых и благородных, той то был Мисса Морозов един от них»¹. Упоминание «прародителя русских княжат» и пояснительная гlossa подтверждают, что речь идет именно о летописном Рюрике, с которым новгородцы договорились о княжении около 862 г. И все же этот факт не решает множества других вопросов, которые мы здесь подробнее обсудим. Во-первых, почему у Рюрика появляется германское имя и почему он «из Немец»? Во-вторых, чьим «прародителем» был Рюрик? В-третьих, кто такие «русские княжата»? В-четвертых, на каких

землях они княжили? И наконец, кто эти сподвижники Рюрика, в числе которых был Мисса Морозов?

Почему «из Немец»?

Прежде всего, в архетипе всех ранних списков «Истории», очевидно, читалось германизированное «со Гериком» и к нему была на поле пояснительная глосса «с Рюриком». Следовательно, таким, вероятнее всего, был этот текст в недошедшем до нас протографе Сборника Курбского конца 1570-х или начала 1580-х годов. Курбский часто в своих литературных сборниках пользуется пояснительными глоссами. Среди них односложные – это почти всегда транслитерации на польско-литовском или московском русском, латыни, греческом, татарском. В данном случае в основном тексте приведено имя «Герик», и обращает на себя внимание то, что в Уваровском списке № 301 встречаются следы различения графемы *z*, которая передавала фрикативный *ʒ*, и диграфа *kz*, который обозначал взрывной *z*. Конечно, в московской рукописной традиции это различие очень быстро изгладилось, и из более поздних рукописей диграф исчез. Однако в интересующем нас случае возможна постановка вопроса об использовании Курбским какой-то ранее неизвестной в русских текстах европейской транслитерации имени Рюрика (*Hroerekr*, *Hrodric* и т. д.).

В других случаях Курбский говорит, что Рюрика сопровождали «княжата Решские», что транслитерирует польск. *rzesza* с герм. *Reich* и означает, что указание на выезд Рюрика «из Немец» – знак его происхождения из земель Священной Римской империи. Убеждение в немецком происхождении Рюрика было для XVI в. общепризнанным и в Москве, и в польско-литовской хронистике. Европейские читатели познакомились с этой версией из трех основных источников – благодаря Я. Длугошу, С. Герберштейну и московской дипломатии. Длугош и Герберштейн пересказали доступный им текст «Повести временных лет» без особых комментариев. Длугош считает Рюрика пришлым незаконным правителем, чей сын Игорь сверг законную киевскую власть в лице Аскольда и Дира, по его мнению – лехитов и польских князей, потомков Кия². Герберштейн не сомневается в княжеском достоинстве Рюрика, но не называет Рюрика императором и говорит только о его княжении в Новгородском княжестве (“*Rurick principatum Novuogardiae obtinet*” / “*Rurick namb das Fürstenthumb Großnegarten*”). Однако оценка Рюрика москвитами кажется ему преувеличенной: «Рус-

ские похваляются, что эти три брата вели свой род от римлян, как и, по его собственным словам, нынешний московский государь»³. М. Стрыйковский не принял концепцию Длугоша и на ее месте создал свою. По его мнению, славяноязычные варяги-вандалиты (по происхождению – римляне) основали Вагрию недалеко от Любека, и оттуда-то «руссаки выбрали себе князей из этих вагров или варягов и вандалитов, из народа своего славянского». Этой яркой идее была суждена долгая, до сих пор делящая жизнь в историографии. Любекско-славянская гипотеза Стрыйковского опровергала идею чужеродности Рюрика на славянских землях, но примиряла изобретенное славянство Рюрика с его немецким происхождением, принятым и в так называемом «западнорусском летописании» (Никифоровская, Слуцкая, Супрасльская летописи), в котором с конца XV в. «3 брата» во главе с Рюриком выводились «из Немец»⁴.

Великокняжеская дипломатия Москвы опиралась на те же летописные тексты, дополненные «Сказанием о князьях владимирских». В период между «Летописцем вкратце» Михаила Медоварцева конца 1520-х годов и до Государева Родословца, составленного около 1553–1555 гг., было сфабриковано сказание об имперском римском происхождении Рюрика. Его родство с императором Прусом, легендарным братом императора Октавиана Августа, было определено сначала в 14-й степени, а затем в ряде памятников (и в том числе в Государевом Родословце) в 4-м колене, т. е. Рюрик был объявлен его правнуком. Полного слияния имперской версии с варяжской в московском летописании так и не произошло, но это могло быть вызвано и неопределенностью местонахождения «варягов» для московских книжников. При этом имперский титул Рюрика прямо не заявлялся, а колена, отделяющие его от Пруса или Августа, никем не уточнялись. К началу Ливонской войны данная фабрикация имела крайне сырой вид, но это позволяло ее при необходимости наполнять все новыми подробностями. В московских переговорах июля–августа 1561 г. с представителями шведского короля Эрика XIV русское государство московского царя произведено московскими дипломатами «от великого царя русского Рюрика и Владимира, крестившаго Русскую землю»⁵. Употребленный в единственном числе царский титул в этой формулировке был признан московской дипломатией за князем Владимиром не позднее 1554 г., но в отношении Рюрика этот же титул звучал впервые, а в указанном виде представлял собой авантюру, направленную на создание дипломатического прецедента. Вряд ли Курбский, как юрьевский наместник, мог не знать предписаний

этикета в отношениях с Швецией. Однако данная авантюра не получила развития в летописных памятниках 1560–1580-х годов, а Курбский точно в соответствии с московской нормой передает имперский статус Владимира I и Владимира Мономаха с помощью эпитета «Великий» (используемого и в целом для домонгольской Русской земли), однако Рюрика царем не считает.

Чей прародитель?

Статус «прародителя» был хорошо известен и русскому летописанию, и польско-литовской ренессансной хорографии. Особую популярность в конце XV–XVI в. приобретают эпонимы, которые остро обсуждаются даже в дипломатической переписке. Великопольская хроника XIV в. открыла дискуссию о происхождении и старшинстве братьев Чеха, Леха и Руса. Обсуждались и такие эпонимы, как основоположник сарматских народов Асармот или пруссов Прус. В этом ряду Рюрик оказывается не столько народным, или этническим, «прародителем», сколько княжеским, а сам княжеский род приобретает статус особого народа. С точки зрения польско-литовских хронистов, опирающихся на «Польскую хронику» Я. Длугоша и ее переработки, Рюрик был исключительно «прародителем» русских и московских князей, причем его приход из германских земель, т. е. с неславянских территорий, создавал проблему, поскольку оказывалось, например, что Рюрик не являлся потомком прародителей Чеха, Леха и Руса и не был вообще сарматского происхождения. Кроме того, его основные спутники, как правило – Синеус и Трувор, не имели потомства, а другие слуги и дружинники Рюрика были безыменны (если не считать Олега, к которому никто себя не возводил), а это создавало проблему происхождения знати вокруг Рюриковичей. Но все же никто из хронистов, начиная с Длугоша и заканчивая Гваньини, прямо не высказал вывода, который мог бы напрашиваться у читателей: сами по себе Рюриковичи не имеют исторических прав ни на один народ европейской Сарматии. Этот вывод был бы легко оспорен из этноцентричной перспективы, если бы Рюрик опирался на элиту, давшую основание «народу», как это было, например, у венгров, поляков, литвинов или древних пруссов. Вспомним программный в этом смысле стих М. Стрыйковского, современный «Истории» Курбского, в котором восхваляются народы, возникшие из перебежчиков и изгнанников:

Była też to jawna kaźń w Rzymie
 wywołanie,
 Za występki do cudzych krain
 odsyłanie,
 Gdzie według winy s prawa, tak
 długo mieszkali,
 Aż pokutę spełnili, albo przejednali.
 Dobre też wywołano czasem i bez
 winy,
 Jak Scipio, Camillus, niedawszy
 przyczyny
 Cierpeili, Brutus mężny, Cicero
 uczoney,
 I on Naso był w Pontskie wywołany
 strony.
 A drudzy też już nazad, i do Włoch
 nie chcieli,
 Gdy się na wywołaniu lepiej niż tam
 mieli;
 Jak i dziś od nas z Litwy nie każdy się
 spieszy,
 Lepiej ich hojna Ceres niż tam figa
 cieszy,
 Z tych wygnańców w Daciej Włoszy
 są spłodzeni,
 I w Taurice, gdzie Kapha, s tych też
 rozmnożeni,
 Z tych w Sio (kędym sam był) w
 Greciej osiedli,
 Nie dziw tedy do Litwy, iż też swój
 ród wwidli.
 Genuenses w Taurice Kaphę fundowali,
 Krim, Azow i Kilia, gdy Pont
 zholdowali,
 Dziś Tatarowie s Turki w tych polach
 mieszkają:
 Tak się państwa z narody za czasem
 mieszają.
 W dzikich też polach i dziś mury
 stoją stare,
 Gdzie przed tym Grecy żyli, rzecz
 sama zna wiarę.

В Риме была открытая казнь – из-
 гнание,
 За преступления – высылка в чу-
 жие края,
 Где они по закону, в меру вины,
 жили так долго,
 Пока не покаются или их не вернут.
 Добрых тоже изгоняли, иногда
 и без вины,
 Например, Сципиона, Камилла,
 без причины
 Страдали они, мужественный
 Брут, ученый Цицерон
 И Назон был изгнан в Понтийские
 края,
 А иные уже и назад, в Италию не
 стремились,
 Так как в изгнании им было лучше,
 чем там.
 Как и сейчас от нас из Литвы не
 каждый торопится,
 Щедрая Церера радует их больше,
 чем тамошние фиги,
 От этих изгнанников в Дакии про-
 изошли валахи,
 И в Тавриде, где Кафа, от тех же
 размножились,
 От них в Сию (где я сам был) в Гре-
 ции осели.
 Неудивительно, что и в Литву свой
 род они привели,
 Генуэзцы в Тавриде возвели Кафу,
 Крым, Азов и Килию, когда Понт
 подчинили,
 Сегодня татары и турки в этих по-
 лях живут:
 Так государства и народы со вре-
 менем смешиваются.
 В диких полях и сегодня стоят ста-
 рые стены,
 Где раньше жили греки, что и так
 понятно,

A dziś Tatarzyn strzela tam dzikie
kobyły,
Gdzie pierwiej mocne zamki, wieże,
z miasta były.
I on Eneas z Trojej tak długo żeglował,
Tak u Scyle i Sirtim w strachu
pielgrzymował,
Afryckie pierwiej brzegi, potym
Włoskie strony
Osiadł, naród rozmnożył trojański
strapiony⁶.

А сегодня татарин там стреляет
диких лошадей,
А прежде были сильные замки,
башни и предместья.
Так и Эней из Трои долго плыл,
Так мимо Сциллы и Харибды
в страхе он путешествовал,
Сначала на африканских берегах,
потом в Италии
Осел он и размножил несчастный
троянский народ.

При всем многообразии исторических примеров, вплоть до современных татар и литвы, русинам и москвитам в этой похвале эмиграции нет места. Их происхождение остается проблемой, в которой этнический прародитель и князь-основатель выезжают из разных земель. В этом же русле написана и первая печатная публикация по генеалогии московских князей – изданная в Кельне 22 мая 1576 г. анонимная «Краткая генеалогия великих князей Московских, извлеченная из их собственных рукописных летописей». Здесь возведение Рюриковичей к Прусу уподоблялось античным греческим и римским родословиям⁷. Для Речи Посполитой 1570 – начала 1580-х годов восхождение к общим предкам-сарматам или к библейскому Иафету было знаком этнического родства. Однако как раз в 1570-е годы здесь были подвержены критике и осмеянию этнические права Пястов на королевский титул и обостренно обсуждался вопрос об этнических истоках тирании. Еще Бартоло де Сассоферрато в середине XIV в. классифицировал тиранов на *tyrannus ex defectu tituli* (тиран-узурпатор) и *tyrannus ex parte exercitii* (тиран по способу правления). Правитель первого типа считался тираном в силу своего незаконного, неместного, чужеземного происхождения. Однако вопрос о предопределенности народов к деспотии и тирании начал обсуждаться под влиянием аристотелианства, открытия «двух Сарматий» М. Меховским и московской «Руссии» С. Герберштейном⁸. Во французской историографии впервые во второй половине XVI в. этот вопрос получил решение в пользу прямой связи между этничностью и политическим типом. Выражением таких взглядов были «Речь против Макиавелли» Инносан Жантийе и «Чудесная речь о жизни, деяниях и поведении Екатерины Медичи, Королевы-матери», в которых тирания королевы выводилась из ее итальянских привычек, причем

ее иностранное происхождение, управление по-итальянски, или по-флорентийски, было представлено как главное доказательство ее тирании⁹.

Сочинения Курбского отражают тот поворот к этноцентричной интерпретации политики, который обозначился в то же время во французской историографии, но был чужд М. Стрыйковскому. Место «Екатерины Медичи» в тексте князя Андрея Михайловича занимает московский тиран, родившийся с помощью чародеев от немощного старика и чужеземки. Князь не сомневается в происхождении русских князей от Рюрика, но он выражает сомнение, что Иван IV унаследовал свои качества правителя от Василия III и Ивана III. Показательно, что этот аргумент напрямую соотносится с той поддержкой, которую Курбский в годы первого и второго бескоролевий в Речи Посполитой оказывал клану православных магнатов, вступивших в борьбу за Польско-Литовский престол, – кн. К.К. Острожскому и кн. Ю.Ю. Слуцкому. Острожский конструировал свое происхождение от галицко-волынских Рюриковичей, и особенно – от католического короля галицкого князя Даниила Романовича¹⁰. Православной альтернативой ему был Иван Грозный, и перед титулованными православными магнатами Речи Посполитой стояла непростая задача – доказать, что кандидатура Острожского или Слуцкого более приемлема, чем московская. Не обсуждая этот вопрос прямо, Курбский в своей «Истории» показывал, что подлинным предводителем «сынов русских» был Рюрикович и сын защитника православия, его покровитель, а не московский тиран. Заявленное в «Истории» имперское происхождение Рюрика решало вопрос о выборе между имперской и православной кандидатурами в пользу того же Острожского, тогда как происхождение Рюриковичей от Пруса в тот же период разоблачалось польско-литовской дипломатией, хронистами и поэтами. На сочинениях Курбского легенда о Прусе никак не отразилась.

Кто такие русские княжата?

Княжественные потомки Рюрика и Гедимины делятся в сочинениях А.М. Курбского на «пленицы» и «колена», однако никаких аллюзий на местничество и вообще на иерархию княжеских родов мы у него не обнаружим. Княжеские фамилии указываются тремя взаимосвязанными способами: личным или семейным прозвищем, владельческим определением и описательным титулом. Фамилии, образованные от прозвищ, часто вводятся с помощью

связок «глаголемый», «нареченный» и могут выступать лишь как часть фамильной характеристики¹¹. Владельческие определения появляются после связок или непосредственно после имени. В ряде случаев семейное прозвище отсутствует или отождествляется с владельческим или родовым: «княжа Пронский Юрей» и он же стратиг Юрий «именем с роду княжат Пронских»; «княжа Ряполовское Дмитрей» и брат его прадеда Семен «глаголимый Ряполовский»; видимо, Мстиславль А.М. Курбский считал родовым владением кн. И.Ф. Мстиславского, упоминая «Ивана княжа Мстиславское».

Такие титульные характеристики, как «от роду великого Владимира» (Ряполовские, Черниговские, Ярославские, Московские), «с роду княжат Литовских» (И.Ф. Бельский, М.Б. Трубецкой, Е.А. Хованская, Е.Д. Бельская, В.И. Патрикеев), «с роду княжат Суздальских» (А.М. Шуйский, П.И. Шуйский), «с роду княжат Смоленских и Ярославских» (С.Ф. Курбский, И.И. Кубенский, Ф.И. Львов, А.М. Курбский), «с роду великих княжат Тверских» (И.И. Дорогобужский, С.И. Микулинский), «с роду княжат Торуских и Оболенских» (Ф.И. Овчинин) или «з роду княжат Черниговских» (М.А. Оболенский, А. Ярославов, В.К. и Д.И. Курлятевы), «с роду княжат Стародубских» (А.В. Тулупов), «с роду княжат Белозерских» (Неудача Цыплятев), являются продолжениями семейных и владельческих прозвищ и типологически сходны с «описательным титулом». Конструкция «с роду» выступает в сочинениях Курбского в том же качестве, что и европейские фамильные предлоги *de, von, van* и т. д., но в ней не выражен вотчинный подтекст. Родовые определения у А.М. Курбского лишь очерчивают ту территорию, которая была ранее подвластна роду; единственное исключение – происхождение от какого-либо Владимира Великого, символизирующее как единство княжеского дома, так и равные права его представителей на власть в Русской земле.

За каждым княжеским родом обнаруживается свой предок, часто святой. Княжата Литовские восходят к Ольгерду, но интересуют автора «Истории» еще и тем, что являются сородичами польского короля Ягайло. Суздальские и, по Курбскому, Тверские произошли от Андрея Суздальского. Смоленские и Ярославские (один род) у Курбского – от Федора Ростиславича Черного. Торусские и Оболенские – от Михаила Всеволодовича Черниговского. Родовые предки князей Стародубских, Рязанских, Ростовских, Белозерских, Московских Курбским не обозначены. Они возводятся, наравне с другими русскими князьями, к Владимиру Святому и Владимиру Мономаху Великим.

До сих пор неясно, какого Андрея Суздальского Курбский считал общим предком Суздальских и Тверских, но заметим, что при жизни Курбского в России были известны две версии происхождения князей Суздальских – от Андрея Александровича Городецкого и от Андрея Ярославича Суздальского. А в политической элите Речи Посполитой к концу XVI – началу XVII в. бытовало представление о том, что после князя Андрея Суздальского и, в том числе, при монголах в Северо-Восточной Руси власть передавалась между суздальскими князьями. Откуда могло возникнуть это неточное представление?

В одной родословной росписи середины XVI в. упомянут тверской князь Андрей. Речь идет о сфабрикованной генеалогии литовских князей, ведущей их род от полоцкого князя Ростислава Рогволодовича и его сыновей Давила и Мовколда¹². Старшим сыном Давила, старшего из Ростиславичей, назван в этой легенде Вид I, или Волк, который при крещении принял имя Андрея и стал тверским князем. Младший сын Давила Вид II был отцом Пройдена и прадедом Гедимины. Эта генеалогия неоднократно с начала 1560-х годов служила опорой Посольского приказа для обоснования прав Ивана Грозного на литовский престол и должна была стать известной выдвинувшемуся тогда же на первые позиции в Москве Курбскому. Если Курбский принял тверского князя Андрея за суздальского Андрея, то возникала бы возможность рассматривать в рамках данной генеалогии суздальских и литовских князей как представителей одного рода, причем суздальские получали старшинство не только над всеми князьями русскими, но и над князьями литовскими и могли бы рассматриваться в качестве претендентов на московский и литовский престолы одновременно.

Потомками суздальских князей считали себя Слуцкие Олельковичи, создавшие, по всей видимости, легенду о своем происхождении по женской линии от Андрея Суздальского и дочери Даниила Романовича Галицкого. На Юрия Юрьевича Слуцкого в 1570-е годы возлагал особые надежды еще один русский шляхтич – Мачей Стрыйковский. Его сочинения были известны не только в Речи Посполитой. В июле – начале августа 1581 г. в королевском военном лагере готовился ответ на обширное и язвительное послание царя, к этому ответу были присоединены сочинения о тирании «Московита». В опровержение генеалогической легенды о происхождении литовских князей Иван Васильевич получил полоцкую летопись, а о московской тирании – целую подборку, в которую вошли Записки о Московии Сигизмунда Герберштейна, Описание Европейской Сарматии Александра Гваньини (de facto в соав-

торстве с М. Стрыйковским)¹³ и Вандалия Альберта Кранция¹⁴, причем король – его письмо составлялось коллективно под руководством канцлера Яна Замойского – обещал в случае необходимости прислать царю другие сочинения¹⁵. Реакция царя на эту посылку также известна, и из ответа ясно, что прислана была одна книга с выписками: «А что прислал к нам книгу свою, и мы коли вычтем, тогда тому и ответ учиним»¹⁶.

На каких землях княжили?

Во вводных словах к «Истории» истоки трагедии, постигшей покинутое отечество, определены Курбским в глубокой исторической перспективе: «...аще бы изначала и по ряду рекл, много бы о том писати, яко в предобрых русских княжат род всеял диявол злые нравы... яко и во израильтеских царех»¹⁷. Русских князей Курбский сравнивает с израильскими царями, придерживаясь параллелизма между русским великокняжеским титулом и царским титулом Иудеи и Израиля. Царский титул в сочинениях Курбского последовательно отличается от княжеского, следовательно, сравнение русских княжат (причем даже не великих) с царями является литературным приемом. Однако в этом сравнении подспудно утверждается идея полноты суверенитета князя на его земле, от которой отходили и в Москве, и в Речи Посполитой.

Из предков московского государя кн. Андрей Михайлович призывает царя ориентироваться на «княжат русских святых». Князьям принадлежит заслуга достижения суверенитета и объединения земли. Также и распад княжеской общности произошел, согласно Курбскому, не вследствие ответвления от генеалогического ствола «плениц» и «колен», сепаратизма или политической борьбы. Автор подчеркивает, что царь опалился на «своих единоплемянных и единойзычных, не противящихся ему». Некоторые из них еще сидят «на своих уделех» и верно служат своему государю. Единый род «предобрых русских княжат» стал жертвой дьявольских козней, и это тем болезненнее для его отпрыска, что разрушение рода происходило на его глазах и роковым образом отразилось на его жизни. Противостояние между царем и его подданными в «тамошней» Русской земле показано в «Истории» как борьба всего княжеского рода и знати, возглавляемой нетитулованными потомками «княжат Решских», против разрушителей земли, избираемых царем из незнатных поповичей и дьяков, а также из простонародья. Унижение знати и забвение ценностей княжеского рода впервые

описано московитом в категориях, близких к аристотелианству: царь поработил равных себе и уподобился татарским ханам. Превращение князей в холопов, вероятно, впервые в русской культуре именно у Курбского вызывает резко негативное отношение как еще не совсем оформившийся факт.

В глоссе к переводу Слова о рождестве Иоанна Предтечи кн. А.М. Курбский предложил свой политический идеал русского царства. Земли великих княжат должны находиться в подчинении царей с такими же широкими свободами, как земли «царей от Бога помазанных венцоносных» в подчинении у подлинных христианских цесарей¹⁸. Примеры близкие к идеалу встречаются, по мнению писателя, как в христианских, так и в мусульманских государствах. Все ордынские цари занимают подчиненное положение по отношению к «великому царю ордынскому»; западные короли (цари) получают согласие на свои действия от цесаря Священной Римской империи и папы Римского; восточно-христианские цари подчинены греческому императору и патриарху Константинопольскому. Если цесари иногда упоминаются А.М. Курбским как «цари», то русские правители, удостоившиеся царского титула, ни разу не названы им «цесарями», несмотря на используемое им понятие *Святорусская империя*. Вместе с тем нет в сочинениях Курбского и его ближайших сотрудников претензий на то, чтобы аналогию княжат с царями, заявленную в цитированной выше глоссе, довести до утверждения о равенстве полномочий княжат с полномочиями московских царей. Венчание, помазание от Бога на православное царство превращает князя в главу над остальными князьями, но эта дистанция не является, с его точки зрения, непреодолимой, поскольку царь избирается внутри всего рода по своим достоинствам.

Как понимается Андреем Курбским род, претендующий на царский титул в русских землях? В письме Грозному от 3 сентября 1579 г. Курбский упрекает царя: «...погубил еси славу блаженные памяти великих княжат русских, прародителей твоих и наших, в великой Руси царствующих блаженне и преславне»¹⁹. Нигде в своих сочинениях А.М. Курбский не пишет, что в период монгольского ига кто-либо из русских князей был царем; и наоборот: «...еще в неволи были княжата руские у ордынского царя и от его руки власти приимовали»²⁰. Ближайшие предки Ивана Грозного также не удостоились от Курбского царского титула. Следовательно, «блаженне и преславне» князья царствовали до татаро-монгольского нашествия. В «Истории» «Великая Русь» равнозначна актуальному для автора Святорусскому царству²¹. Очевидно, тот же эпитет относился Курбским к периоду до монгольского нашествия. Во втором

послании царю он пишет: «Уже не токмо единоплемянных княжат, влекомых от роду великого Владимирера, различными смертми поморил еси...»²². Но «великим» (без княжеского титула) в текстах Андрея Михайловича выступает князь Владимир Святославич; в мартирии князей Ярославских указан их предок, также «великий», Владимир Мономах. Этих совпадений достаточно, чтобы относить «Великую Русь» в переписке к Киевскому периоду²³. Таким образом, «великой» Русь, по мнению Курбского, была с перерывом, и это позволяет пересмотреть устоявшееся в историографии понимание *Святорусского царства*, или *Святорусской империи*, как вневременного идеала.

В истории «Кирилловского езда» (1553) встречается «Великая Русь», но в отношении того времени, когда были благодаря советам Вассиана Топоркова «посечены» «благородные и славные», что при всей хронологической неопределенности повествования «Истории» не может относиться к периоду более раннему, чем падение Избранной рады (около 1560 г.). *Русская земля* упоминается еще раз в похвале царю и «избранным» советникам, завершающей рассказ о кануне и первых годах Ливонской войны. Уже в повести о падении Избранной рады говорится о губителях «всего Святорусского царства»²⁴, в рассказе о походе Девлет-Гирея в 1571 г. на Москву – об опустошении «Русские земли»²⁵, а в боярском и дворянском мартирологе – о «Святорусской земле»²⁶, «империи Святорусской»²⁷. В легитимного царя Иван, согласно Курбскому, превратился благодаря патриаршему благословению на венчание и уже в 1561 г. принесенной в Россию греческими послами «книге царского венчания»²⁸. Таким образом, Русская земля не тождественна в представлениях А.М. Курбского Русскому царству (империи). Иван IV постоянно именуется в трудах Курбского «великим князем» как правитель единой Русской земли, а «царем» и «христианским царем» в разных смыслах – как поддержанный христианским «избранным советом» монарх, как царь мусульманских орд и лишь в последнюю очередь, вследствие патриаршего благословения и венчания по византийскому чину, как глава *Святорусского царства*.

Кто сподвижники Рюрика?

Курбский не упоминает ни Синеуса, ни Тривора. Зато среди его героев оказываются князья Решские, т. е. другие князья, выехавшие из Священной Римской империи, «с племени княжат Решских». Это предки крупнейших московских нетитулованных

боярских фамилий – Воронцовых, Колычевых, Шереметевых. С их помощью заполняется тот пробел, о котором говорилось выше: русская знать получает генеалогическое право на владение землей, становится политическим народом наподобие литвинов или поляков. Курбский хорошо знал польско-литовскую историческую модель, сложившуюся к середине XVI в. Его ссылка на «Хронику всего света» М. Бельского в «Истории» показывает, что сходства исторических представлений между двумя этими авторами являются результатом внимательного освоения Курбским сочинения предшественника. В частности, тезис Бельского о поволжском происхождении славян был творчески переосмыслен в «Истории» Курбского, и в его географическом кругозоре Русская земля состоит из московских, польских, литовских и волынских русских. Причем заметное у Курбского обособление волынцев от литвинов и поляков является идеей Бельского, принятой М. Кромером, М. Стрыйковским и А. Гваньини. Волынские «сыны русские» во главе со своими могущественными князьями – последний оплот княжеской власти в русских землях. С этим связаны и все те надежды, которые Курбский возлагает на кн. К.К. Острожского. Отчасти это мировоззрение подтверждало значимость и самого Курбского для объединения Руси.

По отцу Курбский был потомком князя Федора Ростиславича и всех трех упоминаемых им великих домонгольских русских князей: Рюрика, Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Если принять во внимание новгородско-киевские основания царской власти в русских землях, Курбский был таким же полноправным претендентом на русские престолы, как и московские великие князья. По матери, Тучковой Морозовой, род князя Андрея Михайловича восходил к легендарному сподвижнику Рюрика князю Решскому. В личности Курбского соединялись две княжеские ветви, служащие оплотом русской знати. При этом на момент написания «Истории» князь оказался единственным таким родословным претендентом. Близкие по значению кланы Федоровых-Челядних и князей Бельских были уничтожены. Мисса Морозов, как уже отмечалось исследователями, – это родословный предок Морозовых Миша. Его имя во всех ранних списках «Истории» пишется через сдвоенные *ss*. Такое сочетание заставляет предположить, что какая-то часть мартириев «Истории» была до создания кириллического текста написана латиницей. В польской графике звук «ш» в XVI в. передавался как через *sz*, так и сдвоенную *ss*, что и могло заставить переписчика передать имя Миши в форме «Мисса».

Ни о каких семи «мужах», вышедших вместе с Рюриком на Русь, современные Курбскому источники не говорят. Можно предположить, что на создание легенды о «семи мужах», пришедших с Рюриком на Русь, оказало влияние житие Александра Невского, в котором перечислены шесть «мужей храбрых и силных», поддержавших князя Александра в Невской битве: Гаврило Алексич, новгородец Збыслав Якунович, полочанин Яков, новгородец Миша, дружинник Сава и княжеский слуга Ратмир²⁹. Новгородца Мишу Морозовы считали своим предком. Но отразился ли на сообщении Курбского именно переосмысленный житийный сюжет, сказать трудно, тем более что многократно упомянутые Курбским Ратшичи, потомки Гаврилы Алексича, никакой генеалогической легенды от автора не устаиваются.

Предок Воронцовых, Колычевых и Шереметевых нигде у Курбского не назван тем же именем, что и предок Морозовых. Однако ясно, что их предки вышли в одно и то же время. Курбский впервые и ошибочно, с точки зрения московских родословных традиций, относит их выезд к эпохе Рюрика, делая это, видимо, чтобы удревнить московскую нетитулованную знать, приравнять ее предков к предкам московских великих князей и подчеркнуть, что московские тираны нарушили равноправие в едином народе Святорусского царства. На этом фоне необходимо еще раз подчеркнуть, что и само понятие Святорусской империи (или царства), неологизм Курбского и гапакс для московской книжности, точно калькирует название родины князей Решских – «Священная Римская империя». Это понятие входило в моду и в Речи Посполитой, где как раз при жизни Курбского под центральноевропейскими влияниями все чаще встречается определение Речи Посполитой как «святой и фалебной». При этом в московской посольской документации в правление Ивана Грозного называть Священную Римскую империю «святой» было непринято.

В сочинениях Курбского воплощено представление об идеальном княжеском роде Святорусского царства. Родовое единство внутри знати обеспечивается генеалогической преемственностью в трех княжеских ветвях – Рюриковичах, Гедиминовичах и князьях Решских. Первая и третья группы сложились в Киевской «Великой Руси». Властные полномочия («старшая власть») принадлежали в тот период только киевским Рюриковичам. В период татарского ига верховная власть принадлежала хану, а русские великие князья были равны между собой. Легитимные наследники Владимира Святославича и Владимира Мономаха в Русской земле князья Суздальские, после них в равной мере великие князья Рязанские,

Тверские, Ярославские, Литовские, Московские и др. Трудно сказать что-то определенное о «Решских князьях» и семи мужах, сопровождавших Герика-Рюрика «из Немец» в Русскую землю. Одним из семи был Михаил Морозов, которого можно отождествить с Михаилом Прушанином ранних родословных книг, но с существенной оговоркой: приход Михаила датируется у Курбского эпохой князя Рюрика. Еще шесть мужей, надо полагать, также признавались в XVI в. основателями боярских родов, но в официальных источниках следов этой легенды не обнаруживается.

Примечания

- ¹ *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2 (далее – СК и номер листа Уваровского списка). Л. 99.
- ² *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / Науч. ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010. С. 87–89.
- ³ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / Русские переводы с латинского А.И. Малеина, А.В. Назаренко; с ранненововерхненемецкого – А.В. Назаренко. М., 2008. С. 44–45, 92–93. Вплоть до А. Гваньини все польско-литовские хронисты, испытавшие влияние Герберштейна, подчеркивали, что Рюрик не был царем, а был князем или, как у Гваньини, великим князем. Это служит одним из аргументов в пользу того, что царский титул московские великие князья приписывают себе незаконно. См.: *Гваньини О.* Хроніка Европейської Сарматії. 2-ге вид., доопр. / Упор. та перекл. з польськ. о. Юрія Мицика. Київ, 2009. С. 402, 588, 626.
- ⁴ *Мьльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 52–54.
- ⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 90. См. также в предыстории «нашего стана» Ивана IV: «...почен от великого Рюрика, который в Великом Новгороде государил, и от великого Владимера, которой всю Русскую землю просвятил святым крещением, болши шти сот лет по ся места всей вселенней ведомо, каково наше государство есть» и т. д. См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: В 10 т. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 206–207 (Старица, 14 сентября 1581 г.).
- ⁶ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi / Wyd. przez M. Malinowskiego. Warszawa, 1846. Т. 1. S. 63–64.
- ⁷ *Мьльников А.С.* Указ. соч. СПб., 1999. С. 115.

- ⁸ *Poe M.T.* “A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; L., 2000.
- ⁹ *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 18–19, 224–225.
- ¹⁰ *Соболев Л.В.* Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–44.
- ¹¹ *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: История и перспективы. М., 2004. С. 55–56.
- ¹² *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 35–36.
- ¹³ *Jurkiewicz J.* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europaeae descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93.
- ¹⁴ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 219–220. Примеч. 3; *Grala H.* Die Rezeption der «Rerum Moscoviticarum Commentarii» des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999 / Jubiläumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002. S. 322.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 79: Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 13. Л. 333 об. К этому событию Гваньини должен был поднести королю экземпляр подготовленной им хроники, что повлекло за собой судебный процесс со Стрыйковским. Примерно в то же время, вероятно, составлялись другие сочинения о тирании Ивана Грозного. Одно из них – История А.М. Курбского. Как раз тогда король (или, вероятнее, канцлер Ян Замоиский) проявил интерес к переписке Курбского с Иваном Грозным. Подробнее см.: *Юзефович Л.А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // Археограф. ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 143–144; *Грехем Х.Ф.* Вновь о переписке Грозного и Курбского // Вопр. истории 1984. № 5. С. 174–178.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 78: Сношения России с Папским двором. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284 об.
- ¹⁷ СК. Л. 1 об.
- ¹⁸ ОР ГИМ. Синодальное собр. № 219. Л. 137 об.
- ¹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г.] (далее – ПИГАК) / Отв. ред. Д.С. Лихачев; подгот. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 113 (Л. 152).
- ²⁰ СК. Л. 86.
- ²¹ СК. Л. 38 об.
- ²² ПИГАК. С. 101 (Л. 138 об.).
- ²³ Ср.: *Соловьев А.* Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 491.
- ²⁴ СК. Л. 69 об.; см. также: ПИГАК. С. 110 (Л. 146).

- ²⁵ СК. Л. 87 об.–88.
- ²⁶ СК. Л. 100 об., 101 об.; ПИГАК. С. 110 (Л. 145).
- ²⁷ СК. Л. 101, 102 об.
- ²⁸ СК. Л. 124–124 об.
- ²⁹ *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 4–5, 21, 75, 129–130; Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 192; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 293 (Л. 164–164 об.); М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 224–225 (Л. 143–143 об.); М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 308–309 (Л. 267 об.–268 об.); М., 2004. Т. 23. С. 78–79 (Л. 126 об.–127); М., 2000. Т. 24. С. 95 (л. 135 об.–136); М., 2000. Т. 10. С. 122; М., 2000. Т. 15. Летописный сборник, именуемый тверскою летописью. Стб. 378–379; М., 2004. Т. 43. С. 93 (Л. 172 об.–173); М., 2001. Т. 7. С. 148; СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 283–284 (Л. 474–474 об.) и др.

Рисунок приема
польского посольства Лжедмитрием I
в Грановитой палате 3 (13) мая 1606 г.
в рукописи из Библиотеки герцога Августа
г. Вольфенбюттель (Германия):
источниковедческое исследование

В статье приводится сравнительный источниковедческий анализ изображения приема польского посольства Лжедмитрием I из рукописи Филиппа Хайнхофера с картиной аналогичного сюжета из собрания Будапештского Национального музея и ее копии из Исторического музея в Москве.

Ключевые слова: Лжедмитрий, Смутное время, История России, история искусства.

В продолжение доклада, опубликованного в сборнике конференции по вспомогательным историческим дисциплинам в 2014 г.¹, в статье будет более подробно рассмотрен интереснейший изобразительный источник эпохи Смутного времени – рисунок приема польского посольства в Грановитой палате в рукописи из Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (Германия). В русской историографии до недавнего времени было известно два изображения этого события: оригинал, увиденный автором статьи в Венгерском Национальном музее (Будапешт), описанный ранее А.С. Уваровым², и его копия, хранящаяся в Историческом музее в Москве. В рамках исследования копии будапештской картины автором уже опубликована статья в «Бюллетене истории искусства» польской Академии наук³, в которой рассмотрены и проанализированы происхождение и сюжет как копии, так и оригинала. Как уже упоминалось в предыдущей публикации, рисунок был выявлен в процессе изучения каталога выставки «Сокровища королевских дворов. Тюдоры, Стюарты и русские цари»⁴, проходившей в 2013 г. в музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Лист с изображением приема посольства в Грановитой палате вклеен в рукопись, которая в основном содержит описание путешествия аугсбургского купца и антиквара Филиппа Хайнхофера (1578–1647) ко двору герцога Штеттин-Померанского⁵. В день отъезда 2 октября 1617 г. Хайнхофер получил в подарок рисунок приема посольства от некоего Антониуса Шверцкава. Незадолго до этого при Штеттинском дворе была принята польская делегация, при отъезде которой аугсбуржец пировал с упомянутым Шверцкавом, «секретарем принцессы из Швеции». Судя по всему, Хайнхофер принимал участие в мирных переговорах противоборствующих сторон Польско-Шведской войны (1600–1629), в те годы разгоревшейся с новой силой.

Коллекция рукописей Хайнхофера является одной из фондообразующих для Библиотеки герцога Августа и поступила в нее из собрания знаменитой семьи Фуггер, в свое время одной из богатейших в Европе. Необходимо отметить, что оригинал «Приема послов» попал в Национальный музей Будапешта из коллекции Миклоша Янковича, однако прежде картина также находилась в коллекции семьи Фуггер в Аугсбурге⁶.

Рукопись представляет собой кодекс размером 33×21 см, переплет – доски в пергамене – оригинальный, соответствует времени создания рукописи (путешествие в Померанию 1610–1617 гг.). Шифр по каталогу: Cod. Guelf. 23.2 Aug. fol. 2°. Номер по каталогу: Heinemann – Nr. 2255. Заголовок рукописи: Relation über Phillipi Hainhofers (Реляция Филиппа Хайнхофера). На листе форзаца водяной знак: двуглавый орел, близкий к подобному на листах 301–302 рукописи, датируется 1622 г., таким образом, по залежности бумаги можно датировать 1619–1625 гг. Всего в составе рукописи 556 листов, часть которых вплетены или вклеены и по формату больше остальных.

Состав рукописи чрезвычайно разнообразен, включает в себя как рукописный текст на старонемецком языке на различной по качеству бумаге, так и многочисленные изображения – рисунки (черно-белые и раскрашенные), гравюры (черно-белые и раскрашенные), также есть вплетенные части печатного текста и даже отрывки нотных партитур.

В связи с «пестротой» конволюта водяные знаки⁷ дают большой разброс по времени, что могло бы осложнить датировку, однако сам текст и характер сборника позволяют датировать его однозначно событиям дипломатической миссии Хайнхофера 1610–1617 гг., материалы о которой и были собраны в рукописи. Водяной знак на листе форзаца рукописи подобен водяному знаку листов 301–302 –

двуглавый орел, над головами корона, на груди в форме сердца изображена литера *A*, сбоку от каждого крыла изображение литеры *M*, что, в свою очередь, говорит об оригинальном переплете не ранее 1617 г. Лист 134 оборот, лист 136 – водяной знак – литера *A* в круге⁸ – датируется 1617 г. Лист 184 – водяной знак подобен: щит с полосой наискось, делящей щит на две равные части, в каждой из которых шестиконечная звезда⁹, датируется 1544 г., возможно, рисунок более поздний, чем бумага. Лист 221 оборот – водяной знак подобен: корона с двойной аркой, с жемчужинами, над аркой крест со звездой над ним¹⁰, датируется 1534 г. Лист 280 – водяной знак – двуглавый геральдический орел с короной и щитом на груди, в который вписана литера *K* датируется 1571 г.¹¹ Лист 327 – водяной знак – виноградная гроздь в щите, над которым литеры *I* и *W*, под щитом литера *A* (также листы 331, 368, 370, 371), датируется 1627 г.¹² Лист 436 формат 1° – водяной знак – щит с волнистой полосой посередине, над щитом корона, датируется 1596 г.¹³

Изображения в рукописи служат не просто иллюстративным материалом – это очень важная информация о событиях, в которых Хайнхоферу довелось участвовать на протяжении семи лет. На втором листе, сразу после титула помещена замечательная гравюра в барочной стилистике с гербом Аугсбурга – родного города автора. В центре – гербовый щит с изображением шишки пинии (сосны) с щитодержателями по бокам. Вверху и внизу – девиз на латыни. Вверху: «Подобает, чтобы доблести всегда сопутствовала честь». Внизу: «Доблесть и честь словно в едином месте пребывают». Среди рисунков и гравюр встречаются виды различных городов – Шлезвиг, Бранденбурга, Люнебурга и др., портреты герцогов и королей, зарисовки оружия и даже животных. Нельзя не отметить рисунки, связанные с художественными кабинетами *Kunstschränk*, создание которых было одной из своего рода «страстей» Хайнхофера.

Текст рукописи, к сожалению, не содержит упоминаний об исследуемом рисунке, поэтому в работе рассматриваться не будет.

Аугсбургский купец и антиквар Филипп Хайнхофер получил блестящее образование в Сиенском, Падуанском и Болонском университетах, владел несколькими языками, в том числе древними, много путешествовал по Европе и составил блестящую карьеру в сфере арт-дилерства¹⁴. Во время путешествий он составлял заметки обо всех интересных событиях, которые позже передавал своим покровителям, в том числе герцогу Брауншвейг-Люнебургскому, в коллекции которого позже оказалась описываемая рукопись. Однако основной сферой деятельности Хайнхофера было, конечно же, искусство. Именно ему принадлежит поистине гениальная

идея создания «Художественных кабинетов», которые могли себе позволить исключительно богатые и интеллектуальные люди.

В конце XVI–XVII в. получили большую популярность шкафы-кабинеты для хранения различных предметов. Идея соединения подобного хранения с размещением законченных и редких коллекций вписала имя аугсбургского антиквара в историю художественного рынка и коллекционирования. При создании подобных кабинетов использовались самые лучшие материалы, а для наполнения подбирались предметы искусства, диковинные артефакты, натуралии и даже вполне утилитарные предметы, например туалетные и письменные принадлежности¹⁵.

Как упоминалось выше, рисунок приема посольства Лжедмитрием было получен Хайнхофером на пиру от «секретаря принцессы из Швеции». Этой принцессой могла быть не кто иная, как Анна Ваза, родная сестра царствовавшего тогда короля Речи Посполитой Сигизмунда III из шведской династии Ваза. Анна Ваза присутствовала на краковском обручении *ślub per grosica* «в жениха место» посла Лжедмитрия Афанасия Власьева с Мариной Мнишек. Ее имя не единожды упоминается в описании обручения из документов польского Сейма¹⁶.

Все изображения, описанные выше, в том числе картины из коллекции Исторического музея¹⁷, составляют единый замысел и образуют «пантеон славы» семейства Мнишков¹⁸.

Живописные изображения приема польского посольства Лжедмитрием идентичны по композиции и имеют различия лишь в цветовой гамме, что, скорее всего, связано с реставрацией оригинала в начале XXI в., тогда как копия была изготовлена в 1873 г. и отражала тогдашнее состояние полотна с потемневшим лаком. Наиболее вероятно, что автор картины писал ее по памяти и мог присутствовать на церемонии. Однако в диариуше Вацлава Диамантовского, который подробно описал состав свиты послов и Юрия Мнишка, насчитывавших около 2000 человек¹⁹, нет упоминаний о каком бы то ни было художнике. Однако им мог быть львовский уроженец, дворовый художник Мнишков Шимон Богушович. Наиболее точно в письменных источниках событие описано в «Дневнике польских послов»²⁰, который был составлен кем-то из свиты Николая Олесницкого и Александра Гонсевского. Сравнивая изображения с «Дневником», можно прийти к выводу о почти полном соответствии церемонии.

Говоря о том, что изображение приема было написано по памяти, важно отметить, что в XVII и даже в XVIII в. не было практики изображений «с натуры» в современном контексте.

Любое изображение требовало многочисленных предварительных набросков и эскизов.

Таким эскизом как раз мог послужить рисунок из рукописи Хайнхофера. Выше уже упоминались обстоятельства его появления в конволюте, однако причина, по которой он был подарен автору, неясна.

Переходя к описанию самого рисунка, можно сделать вывод о достаточно точном сходстве сюжетов. Запечатленный художником момент подробно описан в «Дневнике польских послов»²¹, когда Лжедмитрий отказался принять королевскую грамоту, в которой за ним не признавался не только титул «непобедимого цезаря и императора», но и даже великого князя-царя. Изображенная на всех источниках сцена приема практически идентична по композиции. Но рисунок в некоторой степени упрощен, например, схематично, без узоров прорисованы ковры на полу Грановитой палаты. Однако необходимо отметить более грамотное построение перспективы всей сцены рисунка. Сидящие по левому и правому краям группы бояр органично вписываются в пространство, тогда как на картине они как бы «выпадают» за рамки полотна, хотя, вполне вероятно, картина могла быть позже обрезана. Также очень четко прорисован своего рода помост, на котором расположился Лжедмитрий со свитой. По левую руку от Лжедмитрия мы видим сына дьяка Афанасия Власьева, держащего «великокняжеский платок» и державу, которую, по словам послов, он «иногда подавал царю и принимал от него скипетр», далее – мечника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Перед царем четверо рынд – князь Трубецкой, братья Кольцовы-Мосальские и князь Мещерский. Слева – патриарх Игнатий и семь представителей высшего духовенства.

У стен палаты сидят бояре в горлатных шапках и стоят рядами дворяне. Справа от рынд стоят окольниковый Григорий Микулин и дьяк Афанасий Власьев, исполняющие дипломатические обязанности. Польские послы находятся на переднем плане, спиной к зрителю, в руке у Николая Олесницкого – пресловутая королевская грамота. Справа от послов, в профиль, – Юрий Мнишек. По традиции царь находится не посередине палаты, а в ее правом «красном» углу и польские послы в окружении свиты располагаются перед Лжедмитрием рядом с помостом.

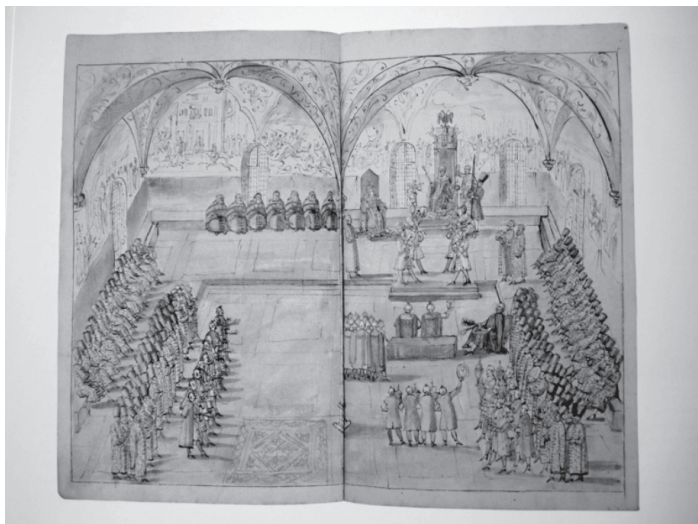

Рисунок приема польского посольства Лжедмитрием I
в Грановитой палате 3 (13) мая 1606 г.
в рукописи из собрания Библиотеки герцога Августа
(г. Вольфенбюттель, Германия)

Прием польского посольства Лжедмитрием I
в Грановитой палате 3 (13) мая 1606 г.
Картина из собрания Венгерского национального музея
(Будапешт)

Наиболее важным представляется вопрос о том, какое из изображений предшествовало другому. Как уже говорилось ранее, для создания картины требовались наброски и эскизы. Вероятно, художник присутствовал на приеме, и ракурс изображения говорит о его нахождении в «смотрительной палатке» Грановитой палаты. Возможно даже, Лжедмитрий не подозревал о том, что церемония фиксируется подобным образом. Хотя, с другой стороны, мог ли иностранец без ведома царя и его охраны оказаться в таком месте? После детального сравнительного анализа и консультаций автора данной работы с искусствоведами²² можно прийти к выводу о том, что рисунок предшествовал картине. Характер мелких расхождений и определенная свежесть и живость рисунка также уверяют в этом. Сам рисунок довольно схематичен, в нем нет некоторых мелких деталей, например, таких как узоры на коврах, или они даны лишь намеком. Логично предположить, что художник сохранил в памяти недостающие детали рисунка и уже потом воспроизвел их на картине. Возможно, рисунок сделан уже после самой церемонии, но, несомненно, художник был очевидцем приема. Подобные рассуждения приводят к мысли об одном человеке, который провел все этапы создания полотна от эскиза до готовой работы. Если предположить, что именно «дворовый» художник Мнишков Шимон Богушович является автором рисунка, хотя и по косвенным признакам, то он вполне мог проделать весь путь от наброска до картины. Потому что вряд ли здесь могла осуществляться система разделения труда, как, например, в мастерской Рубенса, когда мастер делал лишь эскиз, доверяя остальную работу ученикам. Вероятно, описываемый рисунок не является самым первым в череде этюдов и мог служить художнику уже руководством к созданию масляного полотна. Как уже упоминалось ранее, рисунок был подарен Хайнхоферу в 1617 г. перед отъездом из Померании. Существовала ли уже в этот момент картина, неизвестно, однако можно с уверенностью сказать, что в 1638 г. она была продана в Венгрию²³. Также неизвестно, почему именно Хайнхоферу Шверцкав подарил рисунок и почему он вообще оказался у «секретаря принцессы из Швеции». Если придерживаться версии о том, что рисунок был конечным эскизом, то, вероятно, картина уже существовала в 1617 г., иначе рисунок все еще хранился бы у художника.

В начале 2000-х годов в Будапеште проводилась реставрация оригинала картины «Прием посольства», и существуют данные рентгенологического и инфракрасного исследований, однако пока автору данной работы не хватает информации, чтобы полностью расшифровать результаты, которые могли бы выявить основу картины.

- ¹ *Малыгина А.А.* Рисунок приема польского посольства Лжедмитрием I в Грановитой палате 3(13) мая 1606 г. в рукописи из собрания Библиотеки герцога Августа г. Вольфенбюттель (Германия): проблемы атрибуции // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призывание, творчество, общественное служение историка: Материалы XXVI Междунар. науч. конф. Москва 14–15 апреля 2014 г. М.: РГГУ, 2014. С. 240–243.
- ² *Уваров А.С.* Неизвестный русский памятник 1606 г. // Тр. Моск. археолог. о-ва / Под ред. В.Е. Румянцова. М., 1874. Т. 4. Вып. 3. С. 171–176.
- ³ *Malygina A.* Obraz Przyjęcie posłów polskich przez Dymitra Samozwańca I w Granowitoy Pałacie 3 (13) maja 1606 roku ze zbiorów Państwowego Muzeum Historycznego w Moskwie w świetle źródeł // *Biuletyn Historii Sztuki*. 2013. Nr. 2. S. 327–340.
- ⁴ *Dmitrieva O., Murdoch T.* Treasures of the Royal Courts. Tudors, Stuarts and the Russian Tsars. L.: V&A Publishing, 2013.
- ⁵ Cod Guelf. 23.2 Aug 2°, on fol. 319.
- ⁶ *Javor A., Miko A.* A Magyar Nemzeti Galéria kiadványai. [Budapest,] 2002. # 1.
- ⁷ Выражаю искреннюю благодарность доктору истории Михаэлю Венцелю, сотруднику Библиотеки герцога Августа г. Вольфенбюттель, за предоставление атрибуции памятника и часть описаний водяных знаков.
- ⁸ Piccard watermark collection No. 26528. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Inventory J 340. См.: <http://www.piccard-online.de/detailansicht.php?PHPSESSID=&klassi=025.001.004.001.001&ordnr=26528&sprache=en> (дата обращения: 19.11.2015)
- ⁹ Briquet, Les Filigranes, Nr. 1012. Stadtarchiv Augsburg 1544. См.: http://www.ksbm.oew.ac.at/_scripts/php/loadRepWmark.php?rep=briquet&refnr=1012&lang=fr (дата обращения: 19.11.2015)
- ¹⁰ Piccard watermark collection No. 54880. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Inventory J 340. См.: <http://www.piccard-online.de/detailansicht.php?PHPSESSID=&klassi=001.004.005.003&ordnr=54880&sprache=en> (дата обращения: 19.11.2015)
- ¹¹ Wasserzeichen-online.de. No. AT3800-PO-28512. Austria, Innsbruck, Tiroler Landesarchiv. 1571 Friedberg. См.: <http://www.wasserzeichen-online.de/wzis/detailansicht.php?id=3990> (дата обращения: 19.11.2015)
- ¹² Piccard watermark collection No. 129637. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Inventory J 340. См.: <http://www.piccard-online.de/detailansicht.php?PHPSESSID=&klassi=014.001.004.003&ordnr=129637&sprache=en> (дата обращения: 19.11.2015)
- ¹³ Wasserzeichen-online.de. No. DE8100-HBVI46_999. Württembergische Landsbibliothek, Innsbruck 1596. См.: <http://www.wasserzeichen-online.de/wzis/detailansicht.php?id=77735> (дата обращения: 19.11.2015)
- ¹⁴ *Балаш А.Н.* Художественные кабинеты Филиппа Хайнхофера // *Вопр. музеологии*. 2012. № 1(5) С. 35.

- ¹⁵ Балаш А.Н. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁶ См.: Отрывки из дневника польского сейма 1605 г., относящиеся к Смутному времени // Рус. ист. б-ка. М., 1872. СПб., Т. 1.
- ¹⁷ ГИМ. Инв. № 8404/И – I – 3465. Портрет Лжедмитрия I. Неизв. худ., холст, масло 113×113 см. (круг); ГИМ. Инв. № 8405/И – I – 3466. Портрет Марины Мнишек. Неизв. худ., холст, масло 113×113 см. (круг); ГИМ. Инв. № 8402/И – I – 3469. Обручение Марины Мнишек в Кракове. Неизв. худ., холст, масло 155×230 см.; ГИМ. Инв. № 8403/И – I – 3470. Въезд Марины Мнишек в Москву, коронация Марины Мнишек. Неизв. худ., холст, масло 155×230 см.; ГИМ. Инв. № 8401/И – I – 3468. Коронавание Марины и Дмитрия. Неизв. худ., холст, масло 170×375 см.
- ¹⁸ Малыгина А.А. Проект живописного плафона имени Мнишков Ляшки Мурованы: источниковедческое исследование // Вестн. РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 79–89.
- ¹⁹ Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII // Zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III. Lwów, 1901. S. 23–26.
- ²⁰ Дневник польских послов // Сказания современников о Дмитриии Самозванце. СПб., 1859. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Polsk_posol1606/text1.phtml?id=1127 (дата обращения: 19.11.2015).
- ²¹ Там же.
- ²² В роли консультантов любезно выступили: научный сотрудник Отдела изобразительных материалов Исторического музея Людмила Юрьевна Руднева и ведущий сотрудник Галереи искусства стран Европы и Америки XIX–XX вв., хранитель французского рисунка XVI–XX вв. ГМИИ им. А.С. Пушкина Виталий Александрович Мишин.
- ²³ Gębarowicz M. Początki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1981. С. 60–65.

Региональные денежные реформы
на юго-западе Русского государства
в 1677 и 1683–1686 гг.

Статья посвящена региональным денежным реформам на юго-западе Русского государства: узакониванию в 1677 г. обращения в регионе польских монет, и в 1683–1686 гг. ограничению использования только «чехов» – монет 1 ½ гроша – и попытке ввода в обращение в 1686 г. низкопробных «севских чехов», которые вскоре были девальвированы и в 1689 г. запрещены.

Ключевые слова: денежная реформа, польские монеты, севские чехи.

Во второй половине XVII в. на присоединенной к Русскому государству части Украины продолжали использовать различные европейские золотые, серебряные и медные монеты. В 1670-х годах началась «экспансия» польских монет в приграничные русские области и на юго-западе Русского государства сформировался ареал смешанного денежного обращения. В платежах использовали мелкие монеты в 6 грошей, получившие прозвище «шестаки», монеты в 3 гроша, называемые «шаги». Наибольшее распространение получил биллонный польский полторагрошевик, прозванный на Украине «чехом». В категорию «чехов» также попадали равноценные польским полторагрошевикам германские и прибалтийские драйпёлькеры, которые также давно участвовали в украинском денежном обращении¹.

Например, в 1675 г. было «взято в Севску в приказную избу севских таможенных и кабацких зборных денег на жалованье Великого государя ратным людем 2208 рублев 12 алтын с денгою. И те денги медные литовские чехи и шаги и шестаки. А по скаске головы с целовалники те де денги имали они в Севску за государеву

питье, за мед и за вино, а с продажных товаров пошлины, вместо серебряных денег, чех за две денги, шаг за 4 денги, шестак за 8 денег, для того что в Севску и в Севском уезде торговые и всяких чинов люди товары и хлебные запасы покупают и продают на те литовские денги»².

Ситуация в денежном обращении региона вызывала беспокойство властей. Севский воевода Л.Р. Неплюев и дьяк Б. Остолопов сообщали 1 ноября 1676 г. царю Федору Алексеевичу о торговле на польские монеты без царского указа: «В Севску, государь, всяких чинов торговые люди и верной голова, и целовальники в таможене пошлины збирают и на кружечном дворе вино и мед продают на чехи и на шаги и на шестаки. А о тех, государь, денгах, что ими торговать, отца твоего государева блаженные памяти Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца и твоего Великого государя указов в Севску нет. А о том что ты Великий государь укажешь?»³.

Особое беспокойство вызывали потери из-за более низкого фактического курса польских мелких монет. Осенью 1676 г. стряпчий конюх Ф. Мачехин писал в Москву, что «в Путивле де всяких чинов люди лошади покупают и продают и меняют, а пошлины с тех лошадей платят полскими денгами чехами а не серебряными. А в Путивле де те чехи вместо серебряных денег гораздо дешевле и от того де у него, Федора, той Великого государя казне, конской записной пошлине чинитца поруха и недобор большой»⁴.

В конце 1676 – начале 1677 г. была сделана попытка вообще запретить использование польских монет в русских городах. Уже 17 ноября 1676 г. в Путивле и в Путивльском уезде «на конских площадках, которые всяких чинов люди станут лошади покупать и продавать и менять, и с тех лошадей пошлины указал Великий государь платить серебряными денгами, а не полскими чехами»⁵.

В царском указе, направленном 29 декабря 1676 г. в Севск, было велено, чтобы «таможенную пошлину и за кабацкое питье у всяких чинов людей имали серебряными денгами московского дела, а литовских бы вышеимянованных денег отнюдь не имали». Польские монеты было разрешено брать в казенные платежи «по самой конечной нужде» и обменивать их «на серебряные денги московского дела в городех Малые России с тамошними жители», чтобы жалованье «ратным людям и на всякие росходы давать мелкими серебряными денгами московского дела»⁶. Аналогичный указ был послан 11 января 1677 г. в Путивль⁷.

Но уже не позднее 19 февраля 1677 г. севский воевода и дьяк сообщали о безуспешных мерах по запрещению использования

в платежах польских денег: «И Малороссийских, государь, городов жители приезжая в Севску и Севского уезду в селех и в деревнях меж себя и с рускими людьми товары продают и купят на литовские денги. И у которых, государь, русских людей медные денги объявятца и тех имая, велим приводить в приказную избу, и тем, государь, всяких чинов руским людем мы, холопи твои, приказываем под страхом накрепко, что б они однудь впредь литовскими денгами не торговали. А Малороссийских городов жителем без твоево государева указу ничего и руским людем жесточи чинить не смеем. А медные, государь, денги и преж твоего государева указу перед серебряными московскими денгами в мене на рубль наддачи по гривне. И в Севску, государь, в приказной избе в твоей Великого государя казне чехов и шагов, и шестаков в зборе сто дватцать рублев»⁸.

Севский таможенный и кружечного дворов голова С. Курзомцов 12 февраля 1677 г. писал в Москву еще категоричнее: «И будет Великий государь таможни и на кружечном дворе пошлины и за кабацкое пите литовских денег имать не укажет, и у ево Великого государя денежной казны в таможни и на кружечном дворе недобор будет большой, для того что у севчан у торговых и у всяких чинов людей Малороссийских городов з жители за тем промеж торгами промыслы станут а государеве казне збору недобор будет большой. А только те литовские денги и отвозить в Малороссийские города, а менять на московские денги из наддачи. И наддачи на рубль давать будет по гривне и болши»⁹.

Правительство вынуждено было смириться с тем, что не только в Малороссии, но также в некоторых русских городах на юго-западе страны польские монеты «ходят против московских серебряных денег», их принимают в казну и «государевым ратным людем жалованье дают против серебряных же денег потому, что те города, Севск и Путивль, блиско Малороссийских городов»¹⁰. В марте 1677 г. последовал указ царя Федора Алексеевича о разрешении использовать в платежах польские деньги по курсу чех по две денги, шаг по четыре денги, шестак по восьми денег, «смотря того накрепко что бы в тех литовских денгах против московских серебряных денег умаления не было» и чтобы «те зборные денги давать на жалованье нашим Великого государя ратным людем. А будет чего таких денег в расход не отдасца и те денги заменять на московские серебряные денги им де голове с целовалники. Имать московские денги на дачю, как их торговые люди меняют. И торговым людем теми литовскими денгами в Севску торговать беспенно»¹¹.

Таким образом, весной 1677 г. была проведена региональная денежная реформа, с некоторыми ограничениями включившая

значительную часть русских земель на юго-западе в ареал европейского денежного обращения.

В 1683 г., уже в период регентства царевны Софии Алексеевны при малолетних царях-соправителях Иване и Петре Алексеевичах, последовал указ, разрешавший хождение только польских «чехов», официально паритетных копейке, «в городех которые смежны и поблиску с Польскими и с Черкасскими городами». Платежное значение «чехов» было ограничено территорией Севского и Белгородского разрядов. Предписывалось «в тех Украинных городех таможенных и кружечных дворов головам и всяких чинов жителям заказ учинить накрепко, с великим подтверждением под смертною казнию, чтоб они, головы, собирали и торговые люди меж собой торговались на серебряные мелкия деньги и на польские медные чехи и чтоб медные чехи с серебряными деньгами были равно без наддачи»¹².

Но несмотря на грозные царские указы, на рынках польский чех ценили ниже копейки. В июле 1686 г. в царском указе курскому воеводе было отмечено, «что в Курску и в Белгороде и Белгородцкого полку в городех торговые и всяких чинов люди для своих прибылей медные чехи меняют на серебряные денги с наддачею большою». Указ определял, «чтоб в городех торговые и всяких чинов люди всякими товары торговали на чехи против серебряных денег ровно, а ис прибыли и ни для чего чехов на серебряные денги ништо не меняли, так же и в товарах цены на чехи не прибавляли и в таможнях и на кабаках головы б и целовалники, и земские старосты над торговыми и всяких чинов над людьми смотрили того накрепко, что б отнюдь чехов на серебряные денги ништо ис прибыли не меняли и цены не прибавляли»¹³.

Однако на рынке «наддача» сохранялась, а «указная цена», приравнивавшая польский полторагрошевик к копейке, давала возможность выгодно отдавать чехи в казну. В итоге для выплаты жалованья гарнизонам в наличии были только низкопробные польские монеты. Иноземные офицеры Севского полка направили 10 октября 1686 г. царям Иоанну и Петру Алексеевичам челобитную о выдаче жалованья серебряными русскими деньгами, а не чехами, поскольку «Малороссийских городов приезжают черкасы и меняют чехи на серебряные денги, и наддают на серебряные денги на рубль по десяти алтын и по полуполтине»¹⁴. Рыночная оценка польских монет фактически уменьшала жалованье на 25–30%.

Следующим шагом региональной реформы стала попытка противопоставить иностранным монетам в регионе особую русскую монету европейского образца. В 1686 г. «для Крымского

воинскому походу и для пополнения своей Великих государей казны» в Севске был налажен выпуск низкопробных «чехов» с именами Ивана и Петра Алексевичей (латинской аббревиатурой) на особом «чеховом денежном дворе»¹⁵. Летом 1686 г. севский воевода окольник Р.Л. Неплюев получил из Москвы целый ряд документов по организации «чехового дела» и новое проектное описание монеты: «А на тех чехах печать – на одной стороне орел двоеглавый с тремя венцами, а на другой стороне держава, а около того печатать латинскими гладкими одними начальными словами Великих Государей именование – Иоанн Алексевиц, Петр Алексевиц Божию Милостию цари и великие князи всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы. А на другой стороне около державы: Монета новая делана в Севску 1686 г.»¹⁶ Таким образом, на монете около орла была помещена латинская аббревиатура: «I.A.P.A.D.G.C.&M.D.T.M&P&A.A» (Iohannes Alexiewitz, Petrus Alexiewitz Dei Gratia Caesres Et Magni Ducis Totius Magnae et Parvae et Albae Autocratores), а на оборотной стороне вокруг державы: «MON. NOV.FACTa.SIEV.A.1686» (Moneta Nova facta Sievsk. Anno 1686)¹⁷. Прототипом лицевой стороны видимо стал драйпёлькер Священной Римской империи, а держава на оборотной стороне осталась как традиционный элемент оформления монет этого номинала, используемый поляками и многими другими эмитентами¹⁸.

Архивные документы об организационном этапе работы Севского «чехового денежного двора» в июле–ноябре 1686 г. были подобраны и систематизированы в начале XX в. М.Г. Деммени¹⁹, позднее его выписки были подробно изучены В.Н. Рябцевичем²⁰. Уже по этим материалам ясно, что с первых дней существования Севского монетного двора к работе были привлечены мастера из мастерских Московского Кремля – Оружейной и Серебряной палат, Бархатного двора, Московского денежного двора²¹.

Другие документы, обнаруженные в РГАДА, дали дополнительные сведения о деятельности мастеров, позволили уточнить их имена, вывить периоды работы²². Севский «чеховый денежный двор», работавший в 1686–1689 гг., был крупной государственной мануфактурой, где была применена новая для русского денежного дела способ изготовления монет вальцовкой. Видимо, весь период работы на монетах продолжали ставить дату начала выпуска – 1686 г. Документы доказывают использование пунсонов при изготовлении штемпелей, привлечение несколько десятков местных кузнецов для проковки металла. Большие объемы громоздкого оборудования косвенно указывают на значительные размеры производственных и складских помещений²³.

Ареал обращения севских чехов был также ограничен территорией Малороссии, Севского и Белгородского полков. Но все усилия противопоставить иноземной монете особую русскую монету европейского образца окончилась неудачей. Из-за технических трудностей работа налаживалась весьма медленно, и ожидаемая правительством масштабная эмиссия чехов в Севске оставалась проблематичной. Очевидно, что работа Севского монетного двора не стала определяющей в финансировании походов на Крым.

В 1687 г. из Разрядного приказа было послано участникам похода на 173 116,575 руб. русских денег, на 1000 руб. соболей и только на 8 916,595 руб. чехов²⁴. Также в январе–марте 1687 г. казна обменяла на Украине 10 000 золотых червонцев на польские чехи, что дало 12 562,25 руб.²⁵ Следует сделать вывод, что основная часть выплат участникам Первого Крымского похода была сделана русскими деньгами, а польские и севские чехи составляли значительно меньшую долю.

Севские чехи получили еще более низкую котировку на рынке, чем польские, а официальное равенство копейке сделало эти непопулярные монеты преобладающими в налоговых поступлениях, пошлинах, кабацких сборах. В результате в местном бюджете на жалование ратным людям были только севские чехи, и поэтому города, где размещались крупные воинские силы, стали аккумулировать крупные суммы «чехов нового дела». В то же время в документах отмечено, что в некоторых малороссийских городах севские чехи «не хаживали не по чему» и даже на территории Севского и Белгородского разрядов в ноябре 1689 г. в небольших городах (Ахтырка, Мирополье) «в зборе нового севского дела чехов нет»²⁶.

Не имел успеха царский указ от 16 сентября 1687 г. об обязательном, под страхом смертной казни, использовании в платежах на юго-западе страны севских чехов «против того, как торгуют полского дела чехами»²⁷. Севские стрельцы жаловались в Москву, что в 1687–1689 гг. «дано нам холопом вашим ваше Великих государей денежного жалование и за хлеб за рож и за овес новыми чехами, а те государи новые чехи ходили против старых чехов вполы»²⁸. Отмечен даже более низкий курс, который казна была вынуждена признать. Например, севские приходо-расходные книги 1689 г. фиксируют наличие «таможенных и кабацких чехов севского нового дела 1735 рублей 16 алтын и пол-пол-1 денги»²⁹. Из Острогожска в Москву «в привозе налицо нового дела чехами пятьдесят четыре рубли дватцать восемь алтын пол-пяты денги». В ноябре 1689 г. сре-

ди денежных сумм Разрядного приказа отмечено «чехов севского дела 1078 руб. 7 денег»³⁰. Такие дробные суммы позволяют определить, что севский чех оценивали в $\frac{3}{8}$ копейки.

Вскоре после свержения царевны Софьи Алексеевны последовала отмена севских чехов. Царским указом от 8 ноября 1689 г. было запрещено принимать в казну и торговать «новыми чехами севского дела». Осенью 1689 г. в документах зафиксирован прием их в казну на сумму только около 9 500 рублей³¹. Запрет был сделан в ущерб населению, поскольку не предусматривал даже самую возможность обмена по какому-либо курсу этих выпущенных государством монет.

Польские чехи оставались в региональном денежном обращении до начала XVIII в. Но уже в период проведения денежной реформы Петра I 1698–1704 гг. поступавшие в казну польские чехи перестали использовать для новых платежей, а стали отправлять на денежные дворы для передела в русские проволочные копейки и новые монеты европейского образца³².

Примечания

- ¹ *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археограф. ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 149–155; *Он же.* Деньги и денежное хозяйство // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 161–162; *Зверев С.В.* Особенности денежного обращения на Юго-Западе Русского государства во второй половине XVII в. // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования. Материалы XVI науч. конф. Москва, 30–31 янв. 2004 г. М., 2004. С. 188–191; *Он же.* Роль и значение монет Речи Посполитой в Русском государстве в 17 веке // Tarptautine numizmatikos konferencija: Vilnius, 2006. – International Numismatics Conference: Vilnius, 2006. Междунар. нумизмат. конф., посвящ. 150-летию Национального музея Литвы: Вильнюс, 2006. Vilnius, 2010. S. 333–346.
- ² РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. № 294. Л. 162–163.
- ³ Там же. Л. 156.
- ⁴ Там же. Л. 165.
- ⁵ Там же. Л. 165–166.
- ⁶ Там же. Л. 170–171.
- ⁷ Там же. Л. 175–178.
- ⁸ Там же. Л. 180.
- ⁹ Там же. Л. 296–297.
- ¹⁰ Там же. Л. 298–302.
- ¹¹ Там же. Л. 304–310.

- ¹² Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. / Сост. М. Деммени. СПб., 1887. Вып. 1. С. 14.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Ч. 2. № 1187. Л. 219–220.
- ¹⁴ Там же. Оп. 6-е. № 336. Л. 99.
- ¹⁵ Деммени М.Г. К вопросу о чеканке севских чехов // Зап. нумизмат. отд. имп. Рус. археолог. о-ва. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1. С. 97–147; Спасский И.Г. Денежное хозяйство Русского государства... С. 151–153; Он же. Деньги и денежное хозяйство... С. 161–162; Рябцевич В.Н. «Чеховое дело» (Россия – 1675–1687 гг.) // Третья Всеросс. нумизмат. конф. М., 1995. С. 53–55; Он же. Российско-«польские» эмиссии эпохи Петра I. Тольятти, 1995. С. 34–101; Он же. Лысянковский и «Полтавский», Путивльский и Севский монетные двory // Mennice między Balyukiem a morzem Czarnym. Materiały z III Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1998. S. 175–185; Зверев С.В. Материалы о Севском «чеховом денежном» дворе 1686–1689 гг. // Тринадцатая Всеросс. нумизмат. конф. Москва, 11–15 апр. 2005 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2005. С. 125–126.
- ¹⁶ Рябцевич В.Н. Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 55.
- ¹⁷ [Erbstein J. und A.] Ein vergessenes Denkmal Peter des Großen. Lösung eines numismatischen Rathsels / von Julius und Albert Erbstein. Mit einer Kupfertafel. Dresden, 1872; Рябцевич В.Н. Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 13–14.
- ¹⁸ Зверев С.В. Севский «чех» 1686 г.: Монетные прототипы и геральдическое оформление // Гербовед. М., РГК. 2005. № 80. С. 80–93. (Сб. ст. Геральд. семинара ИАИ РГУ. Вып. 4.)
- ¹⁹ Бумаги М.Г. Деммени (Извлечения из московских архивных фондов Министерств Юстиции, Императорского двора, Иностранных дел и Морского). Рукопись. Хр.: Гос. Эрмитаж, Отд. нумизматики.
- ²⁰ Рябцевич В.Н. «Бумаги М.Г. Деммени» как источник по истории монетного производства Петровской эпохи // Крат. тез. докл. и сообщ. науч. конф. «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении» (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 23–24; Он же. Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 7–62.
- ²¹ Рябцевич В.Н. Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 57–60; Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1928. Вып. 1. С. 53–54; 1930. Вып. 2. С. 69–70, 104.
- ²² Зверев С.В. Мастера Оружейной и Серебряной палат на Севском монетном дворе в 1686–1687 гг. // Филимоновские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 216–224.
- ²³ Зверев С.В. Материалы о Севском «чеховом денежном» дворе 1686–1689 гг. С. 125–126; Он же. Opis mincovne v Sevsku z roku 1689. Опись Севского монетного двора 1689 г. Description of the mint of Sevsk from 1689, Ikonografia penazi v Srednej a Vychodnej Europe. Иконография денег Средней и Восточной

Европы // *Iconography of money in Central and East Europe*. Междунар. нумизмат. симпозиум: Тез. докл. Numenne, С. 49–51; *Он же*. Описи оборудования Севского «чехового» денежного двора 1689 г. и его остатков 1690–1706 гг. // Другія Науковоя чытаніі памяці Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008). Праграма і тэзісы дакладау. Мінск – Нясвіж, 26–28 лістапада 2014. С. 23–24.

- 24 *Зверев С.В.* Жалованье служилым людям в Перовом Крымском походе 1687 г. Пути поступления и реальный состав денежных сумм // *Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия)*. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина. Москва, 30 нояб. – 2 дек. 2005 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2006. С. 257–260; *Он же*. Финансовое обеспечение Первого Крымского похода 1687 г. // *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время)*: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 918–924.
- 25 *Зверев С.В.* Обмен золотых червонных для финансирования Первого Крымского похода // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения*. XVII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто; IV Чтения памяти д-ра ист. наук Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апр. 2005 г. М., 2005. С. 311–313. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. № 465. Л. 200.
- 26 Там же. Оп. 6-г. № 1239. Л. 147–148, 155–156.
- 27 Там же. Оп. 6-е. № 342. Л. 50.
- 28 Там же. Оп. 6-ж. № 229. Л. 522об.
- 29 Там же. Оп. 6-е. № 34. Л. 144.
- 30 Там же. Оп. 6-е. № 34. Л. 144.
- 31 *Зайцев В.В.* Некоторые вопросы чеканки и обращения севских чехов // *Нумизматика в Историческом музее*. М., 2001. С. 246 (Тр. ГИМ. Вып. 115).
- 32 *Зверев С.В.* Роль и значение монет Речи Посполитой... С. 342–344; *Он же*. Польские и севские «чехи» в казне московских приказов в конце XVII в. // XIX Междунар. науч. конф. «Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания». М., 2009. С. 175–178.

«Жизнь и приключения» одного крещеного еврея:
к вопросу об адаптации неофитов
в Российской империи XVIII в.

В статье анализируется группа источников, освещающих этапы биографии крещеного еврея из Салоников Ивана Павлова, приехавшего в Россию в 1753 г. За время пребывания в стране Павлов приобрел богатейший опыт по взаимодействию с государственным бюрократическим аппаратом, а также лично являлся на прием к императрице Елизавете. На основе архивных источников автор реконструирует один из возможных путей адаптации неофита еврейского происхождения в новой для него социокультурной среде. Статью сопровождает публикация прошения неофита на Высочайшее Имя, в котором излагается весьма нетривиальная биография просителя, претендующая на «послужной список», столь важный для обоснования получения государственной поддержки.

Ключевые слова: переход в православие, евреи в Российской империи, иудеи, иноверцы, адаптация.

За годы правления императрица Елизавета Петровна предпринимала активные действия по улучшению нравственного и религиозного состояния своих верноподданных. Одним из направлений ее политики стала борьба с распространением иноверных вероисповеданий, прежде всего с так называемыми «внутренними иноверцами» – жителями восточных территорий империи. Неслучайно расцвет деятельности Новокрещенской конторы, в ведении которой с 1740 г. оказалась прежде всего миссионерская деятельность среди язычников и мусульман Поволжья и Урала,

© Герасимова В.А., 2017

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект 14-31-01277 «Переход евреев в православие в Российской империи последней четверти XVIII в.»).

основанной еще в 1740 г., пришлось на 40–50-е годы XVIII в. Анализ законодательных актов, выпущенных императрицей, проведенный Т.Б. Заболаевой, явно свидетельствует о негативном отношении Елизаветы к различным группам инакомыслящих и иноверных: старообрядцам, армянам, мусульманам, язычникам, цыганам и другим¹.

Не остались без «Высочайшего внимания» и евреи, чье присутствие в пределах Российской империи и ранее ограничивалось законодательно². Вскоре после восшествия на престол, 23 декабря 1742 г., императрица Елизавета издала именной указ «О высылке из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру греческого исповедания»³. Требование подобного рода из уст самодержца звучало не впервые, однако появилось в нем и нечто принципиально новое: впервые на официальном уровне было озвучено единственное условие, при котором евреям дозволялось проживать в России, – крещение.

Разумеется, крещеные евреи и ранее оказывались в России. Еще в середине XVII в. фиксировались сюжеты о выкрестах еврейского происхождения в Московском государстве (к этой группе относился и отец видного российского государственного деятеля Петра Павловича Шафирова). Среди приближенных Петра I крещеные евреи не были редкостью: достаточно вспомнить первого Санкт-Петербургского полицмейстера Антона Мануйловича Девиера или придворного шута Лакосту. Однако эти персонажи довольно широко известны, о них пишут как в научных, так и в публицистических изданиях не только на русском, но и на английском, идише, испанском, датском и других языках. Менее выдающимся крещеным евреям, их биографиям и особенностям самоидентификации, к сожалению, внимания не уделяется ни в научной, ни в публицистической литературе. Между тем обращение к персональным историям евреев, покинувших лоно иудаизма, позволяет изучить такие важные проблемы, как стратегии адаптации неопитов в новой социокультурной среде, особенности их взаимодействия с представителями официальных властей, специфику государственной политики в отношении новокрещеных иноверцев. В центре внимания данной статьи – персональная история одного человека – крещеного еврея Ивана Павлова. Публикуемый же источник представляет собой первое прошение Павлова, направленное им сначала в Коллегию иностранных дел,

а затем в Канцелярию Синода. Биография этого человека, подробно изложенная в прошении, больше напоминает авантюрный роман, однако узнаем о жизни этого, в сущности, ничем более не примечательного человека мы лишь благодаря его настойчивости и изобретательности. Дела о нем отложились в фондах центральных государственных архивов – Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Российского государственного архива древних актов (Москва), все они вводятся в научный оборот впервые, публикуемый документ хранится в Санкт-Петербурге.

Логично было бы предположить, что елизаветинский указ 1742 г. о запрещении евреям проживать в России и необходимости креститься в обмен на право жительства здесь, как и многие другие, останется законом на бумаге, в реальности же не возымеет никакого действия. Однако парадоксальным образом архивные источники свидетельствуют об обратном: с момента выхода указа поток евреев, желавших перебраться в Российскую империю для постоянного проживания даже ценой смены веры, не иссякал. Стоит заметить, что более корректно было бы говорить не просто об увеличении потока переселенцев-евреев, а скорее об увеличении количества дел в архивохранилищах, посвященных переходу иудеев в православие в исследуемый период. Немногие сохранившиеся дела более раннего периода, прежде всего на русско-польском пограничье, в Киеве, свидетельствуют об отсутствии четкой официальной бюрократической практики приема неофитов еврейского происхождения в православную церковь⁴.

Официальная процедура перехода из иудаизма в православие начала складываться после выхода указа 1742 г. Первым шагом на пути к признанию соискателя в качестве православного становилось его обращение к официальным представителям государственной власти. Для этой цели Иван Павлов, будучи уроженцем турецкого города Салоники, избрал первый же пограничный город Киев, где, изложив свою историю, получил документы от киевского обер-коменданта Костюрина и прибыл в Москву в 1753 г. Заметим попутно, что для большинства въезжавших в Россию евреев в этот период Киев и Левобережная Украина становились конечным пунктом назначения: после прохождения официальных инстанций, принятия присяги и получения паспорта новоиспеченный российский подданный отправлялся на поиски нового места жительства. Однако у Ивана Павлова были иные планы. Сразу же по получении паспорта для проезда в Великороссию иностранец отправился в Коллегию иностранных дел, где потребовал обеспе-

чить ему материальную помощь на основании его статуса. Обращение в официальные инстанции Павлов снабдил пространным рассказом о своем «превращении» из турецкого еврея в российского православного, прибегнув для составления прошения к помощи студента Московской славяно-греко-латинской академии Петра Дмитриева⁵.

Прощение представляло собой весьма нетривиальный рассказ об «удивительных приключениях» уверовавшего во Христа сына одного из богатейших евреев турецких Фессалоников. Представленная Павловым биография полна ярких событий: религиозное прозрение на Афоне во время праздника святого Афанасия, затем бегство от отца и крещение в другой православной греческой обители, утрата огромной суммы денег и скитания по Венеции, Молдавии, Кипру, тюремное заключение и, наконец, прибытие в Российскую империю. Свой выбор в пользу России Павлов пояснил так: «Потому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во св. горе Афонской, а неможно мне было туда ехать, то принял намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом монастыре»⁶. После изложения всех перипетий своей жизни (вымышленных или реальных?) крещеный еврей перешел к своей просьбе: «для определения меня странного и бедного к научению грамоте, потребным награждением на пропитание и содержание. За что долженствую до гроба моего Всевышняго Бога молить». Коллегия иностранных дел передала прошение Павлова в Петербург, сочтя, очевидно, что дела о неопитах находятся в ведении не светских, а духовных учреждений. При этом дело крещеного еврея со столь примечательной биографией (ведь абсолютное большинство выкрестов еврейского происхождения были выходцами из соседней Речи Посполитой) было направлено не в местную Московскую синодальную кантору, а напрямую в Санкт-петербургскую канцелярию Синода. Ответа из столицы Павлов не получил, но не сдался и направил повторное прошение. И снова в качестве писаря выступал студент Московской славяно-греко-латинской академии – Георгий Герасимов⁷. На этот раз просьба новокрещеного была удовлетворена, постановление Синода гласило: «В рассуждении ево, новокрещена, чужестранства и неимущества, выдать ему, Павлову, ныне, во образ милостыни, из положенной на канцелярской св. Синода расход суммы 10 рублей, записав в расход с роспискою...»⁸. Уже через несколько месяцев неопит снова ходатайствовал о выдаче ему материальной помощи, поскольку он «претерпевает крайнюю бедность». На этот раз он направил свою просьбу в светскую ин-

станцию: материалы об этом отложились в фонде Штатс-конторы Российского государственного архива древних актов⁹. Когда же деньги закончились, последовало еще одно прошение от Павлова все с той же формулировкой причины обращения: «по иностранству моему претерпеваю нужду».

Нужно заметить, что, как правило, государство не брало на себя никаких обязательств по материальной поддержке неопитов, им предоставлялся лишь ряд льгот: освобождение от рекрутской повинности, от подушного оклада, личная свобода с правом выбора рода деятельности и места жительства. Финансовые средства выдавались новокрещеным лишь по их непосредственной письменной просьбе (за исключением массово крестившихся мусульман и язычников Поволжья и Урала, для которых существовали отдельные пособия за крещения в зависимости от пола и социального статуса¹⁰). Проявив настойчивость в своих просьбах, Иван Павлов получил не только 10 рублей: далее на неопита буквально посыпались льготы: ему выдали еще 10 рублей, направили в московский Заиконоспасский монастырь учить русский, выдали бесплатно книги (азбуку, букварь, часослов, псалтырь ученую, месяцеслов в переплете), а также 50 рублей на одежду и обувь. В контексте крещения евреев все перечисленное уже представляет весьма внушительную награду за «восприятие веры». Однако неопит посчитал, что этого мало.

Распоряжение Синода было исполнено в точности: Павлов получил все, что было перечислено в документе. Однако совсем скоро Синод вновь получил челобитную от него. Во «всеподданнейшем прошении новокрещеного еврея» Иван Павлов сообщал, что получил все 70 рублей, выделенных государством, и живет «без всякаго стеснения» в Николаевском греческом монастыре в Москве (где он поселился, очевидно, позже). Отметим, что Николаевский греческий монастырь был выбран Павловым неслучайно. Будучи православным, но при этом чужим в России, неопит нашел наиболее комфортную для него среду проживания – греков, с чьим языком он был знаком с детства, с кем непосредственно взаимодействовал в повседневной жизни, у кого нашел приют после крещения. Заметим попутно, что сам Иван Павлов не только говорил, но и умел писать по-гречески. Во всяком случае, об этом свидетельствует его довольно уверенная подпись под текстами прошений, отправленных в Коллегию иностранных дел и Синод.

Между тем проситель вскоре вновь столкнулся с финансовыми трудностями: «и по получении я, именованный, означенного награждения на платье и на домовые припасы издержал тридцать

рублев, а потом впал в великую болезнь. На лекарства и лекаря издержал 20 рублей»¹¹, а остальные деньги прожил и в связи с этим «не имею себе никакова пропитания, а от правительствующего Сената по делу моему не могу решения дожидаться». Свое положение неофит характеризует как самое плачевное и просит вновь выдать ему денег «для пропитания», а также «в государственную иностранных дел коллегию о решении моего дела вторичную промеморию послать, дабы я бедный из чужестранства за продолжением дела не пришел бы в крайнее разорение и убожество»¹². На этот раз Синод распорядился выдать Павлову «во образ милостыни» еще 20 рублей.

И снова, спустя три месяца, Иван Павлов направляет прошения по инстанциям. На этот раз ставки выросли. Неофит заявляет, что ему сообщили в Коллегии иностранных дел, что «яко иностранному и неимущему человеку без определенного окладного к пропитанию жалования здесь быть отнюдь невозможно и в святейшем правительствующем Синоде таковой суммы из каковой меня нижайшего таким жалованьем удовольствовать»¹³. Павлов просит ни много ни мало, а 120 рублей в год, поясняя, что сейчас он получает лишь три рубля в месяц. Однако в этот раз аргументы неофита уже гораздо более детальны: «В Россию по восприятии святого крещения выехал, оставивши все свое иждивение в иностранном государстве нищетою, в пребывание мое ныне в Москве сверх покупки себе пищи и одежды нанимаю квартиру и для отопления оной покупаю дрова по одержимой моей немощи и на покупку для лечения медикаментов и на зарплату лекарем тако ж потребна мне денежная сумма». Из этого документа нам становится известно, что Павлов уже проживает не в монастыре, а в съемной квартире, причем, вероятно, находится на полном иждивении государства и не ищет себе иного занятия.

Синод подсчитал, что затраты на Ивана Павлова уже составляли 90 рублей, однако распорядился и далее выплачивать ему 15 рублей одновременно и к этому еще по три рубля в добавление к тем трем, что он уже получает, но лишь в течение одного 1754 года. Каковы же аргументы Синода? Очевидно, здесь сыграла роль биография, изложенная Павловым. Канцелярия выдала деньги, поскольку новокрещенный, «будучи по отчеству своему человеком славным», лишился всего своего богатства и имущества ради принятия веры, и деньги ему необходимо выдать во избежание «недовольствия и чувства огорчения»¹⁴. В данном случае биография иммигранта сыграла роль послужного списка, или списка заслуг, и подняла статус неофита в глазах представителей российской власти¹⁵.

В деле канцелярии Синода об Иване Павлова есть сведения по крайней мере о восьми прошениях о материальной помощи и выдаче жалования. Всякий раз манипулируя своим статусом новокрещеного иноземца, Павлов умудрялся получить желаемое. Жалобы о бедности и убожестве, связанные с его положением иностранца (в том числе и плохое знание русского языка), плохо сочетаются с целым рядом деталей. Иван Павлов, крещеный еврей из Фессалоников весьма грамотно ориентировался в тонкостях бюрократической системы: так, прежде чем подать прошение о выдаче ему 120 рублей в год, он заручился поддержкой Коллегии иностранных дел. А кроме прочего, ему удалось без всякого на то разрешения прорваться с очередным прошением лично к императрице Елизавете Петровне, о чем нам становится известно из документа, запрещающего ему впредь докучать императорской семье: он «о своих нуждах прозбою своей самое ея императорское Величество и их императорские Высочеств и в судебном месте нигде никого без позволения святейшего правительствующего Синода не утруждать под опасением неупустительного штрафа, в чем с него и подписка взята»¹⁶.

Сама же императрица Елизавета Петровна явно оказывала покровительство неопитам, в том числе еврейского происхождения. Так, в центральном печатном органе Российской империи, «Санкт-петербургских ведомостях» от 11 декабря 1752 г., размещено сообщение о Высочайшем присутствии императрицы при церемонии крещения рижской еврейки Гетхен Герце¹⁷. Елизавета Петровна распорядилась о том, чтобы восприемниками стали высокопоставленные особы – архиепископ Нарвский и Псковский Симеон и близкая подруга императрицы Мавра Егоровна Шувалова, известная в русско-еврейском контексте своим резким анти-еврейским высказыванием (из своей поездки в Нежин в 1738 г. она писала своей подруге Елизавете Петровне: «...жидов здесь множество, и видела их собак»¹⁸).

За период с 1753 по 1766 г. Иван Павлов успел обратиться во множество российских официальных инстанций, всякий раз жалуясь на свою незавидную участь, статус чужака-неопита, слабое здоровье и прочие несчастья. Последний документ в обширном деле Павлова – запрос из Святейшего синода в Кабинет Ея Императорского Величества о статусе и основании пребывания выкреста Павлова в Троице-Сергиевой лавре, из которого следует, что неопит содержится в лавре по причине своей «болезни и дряхлости» и ему выдавалась «порция против семинарских той лавры учителей с некоторым уменьшением»¹⁹. На этом след Ивана Павлова теряется.

Однако уже в 1782 г. в фонде Канцелярии Синода мы обнаруживаем новые подробности о жизни знакомого нам Ивана Павлова, по-прежнему именуемого в официальных бумагах «новокрещеном»²⁰. Инициативным документом в деле стало личное прошение Павлова о переводе назначенной ему в 1767 г. пенсии из Москвы (он получал деньги в Свято-Троицкой лавре, где и проживал) в Киев. Из источника становится известно, что Иван Павлов оказался в итоге в Благовещенском монастыре в малороссийском городе Нежине. Риторика прошения оставалась неизменной – очевидно, неофит использовал ее как наиболее эффективную. Текст был наполнен формулами-жалобами на бедственное положение. Павлов использует свойственные ему «беспрюитрышные» обороты: «в разсуждение моей бедности», дабы впредь «в пропитании себе не претерпевать крайняго изнурения» и т. д. Синод распорядился перенаправить его ходатайство в светскую инстанцию для перевода пенсии в Киев. Важно отметить, что Павлов едва ли случайно избрал Нежин в качестве места своего пребывания, во всяком случае, в этом переезде можно усмотреть довольно легко угадываемый «греческий след». Как известно, Нежин был одним из крупнейших ярмарочных городов, привлекавших купцов отовсюду, в том числе, здесь проживала и довольно значительная по численности греческая диаспора. Можно предположить, что Павлов по-прежнему сохранял старые связи и в данном случае успешно использовал их для поиска более подходящего места проживания.

Случай Ивана Павлова, безусловно, представляет явное исключение: этому неофиту удалось получить максимальную материальную помощь от государства, обеспечить себя бесплатным жильем (сначала в Николаевском монастыре, в Заиконоспасском – для обучения российской грамоте, а затем в Троице-Сергиевой лавре и, наконец, в Благовещенском монастыре в Нежине) и при этом не работать (или тщательно скрывать это). Успех большинства предприятий Ивана Павлова явно свидетельствовал о высоком уровне адаптации неофита к новой среде, во всяком случае к ее бюрократической составляющей.

Довольно сложно делать универсальные выводы о том, как конструировалась идентичность крещеного еврея в России в исследуемый период за пределами официальных источников. Однако постоянная апелляция к своему положению «новокрещеного из жидов» в исследованных нами материалах позволяет заключить, что память о происхождении была актуальна в течение всей жизни не только для самих переселенцев, но и для представителей власти. Статус неофита давал привилегии в налогообложении,

рекрутском наборе, а также возможность получения финансовой помощи от государства, что, безусловно, вынуждало, по крайней мере периодически, актуализировать знание о своем прошлом. Для чиновников же принятие православия, экстраординарная биография соискателя и его настойчивая личная инициатива были достаточными аргументами для удовлетворения ходатайств просителя, при этом его этническое происхождение не фигурировало в документах ни в качестве положительного, ни в качестве отрицательного аргумента.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Заблаева Т.Б.* Внутренняя политика императрицы Елизаветы Петровны: (1741–1761): Путеводитель по законодательству. СПб.: Невский ракурс, 2012. С. 58–60.
- ² См.: Указ от 1727 г. ПСЗ – I. Т. 7. № 5032.
- ³ ПСЗ – I. Т. 10. № 8673.
- ⁴ См., например, дело о крещении еврея в 1739 г. Инициативным документом в деле стал запрос священника пограничного села Триполья Николая Величковского митрополиту Рафаилу Заборовскому о том, какие официальные процедуры необходимо провести прежде, чем ввести иудея в церковь. Митрополит снабжает Величковского подробной инструкцией со списком вопросов к соискателю: их список был абсолютно стандартен и применялся ко всем желавшим пересечь границу и поселиться в России (Центральный державний історичний архів України (ЦДІАК). Ф. 127. Оп. 135. Д. 85. Л. 2–2об.).
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 2–4об.
- ⁶ Там же. Л. 3об.
- ⁷ См. подписи (Там же. Л. 4, 11).
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 279. Оп. 1. Д. 3594.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Khodarkovsky M.* Ignoble Savages and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples: 1750–1917.* Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997. P. 9–26; *Idem.* The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia.* Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2001. P. 115–143.
- ¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 33.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 41.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.

- ¹⁵ Заметим, что ту же функцию послужного списка выполняла исповедь иноземца перед крещением в практике XVII в. Подробнее см.: *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 19.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 58.
- ¹⁷ Санкт-петербургские ведомости. 11 декабря 1752 г., пятница. № 99. С. 4. Нумерация страниц условна, поскольку в самом издании отсутствует.
- ¹⁸ *Оршанский И.Г.* Русское законодательство о евреях: очерки и исследования. СПб.: Тип. и литогр. А.Е. Ландау, 1877. С. 17.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 255. Л. 80–80об.
- ²⁰ Там же. Оп. 63. Д. 227.

Челобитная новокрещеного Ивана Павлова на имя императрицы Елизаветы Петровны

(Л. 2) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня Императрица Елисавета Петровна самодержица всероссийская государыня всемиловитейшая бьет челом новокрещеной жид Иван Павлов, а о чем мое прошение тому следующие пункты:

1. Родом я вышеименованный от Фессалоник сын знатнаго и богатаго жида именем Моисея, котораго знают все монастыри находящиеся во святой горе Афонской, потому что он в нуждах их, каковыми они отягощаются от неверных агарян, способствует дачею взаем ис процента своих денег немалыми суммами и при наступании срока платежу обыкновенно он своего брата а моего дядю вместе со мною во святую гору для собирания тех денег посылывал, как о том известно и находящимся здесь в николаевском греческом монастыре тамошним святогорским архимандритом с братиею их.

2. И в 1742 году будучи я в лавре Афонской за получением из оной денег, а случилось мне в ту лавру приехать на самой праздник святаго Афанасия и обитающия там монахи все были тогда в церкви и отправляли всенощное пение, и тако вышед я из кельи, которая мне для жития определена была, прохаживался около церкви и как зашел за святой алтарь и услышал там моление, то мне пришло вдруг желание быть христианином, чего ради просил я на другой день тамошних монахов, чтоб они меня ввели в церковь, и как они о том настоятелю своему донесли, то он велел меня (Л. 2 об.) тайным образом в церковь ввестъ и вшедши я в оную, когда увидел местныя иконы Спасителя Иисуса Христа и пречистыя Богородицы, то в сердце моем некую радость восчувствовал и стал об оном у бывших тамо монахов спрашивать, они в краткости о воплощении спасителевом и что он есть проповеданной пророками Мессия от девы родившийся мне рассказали, и так я от всего сердца возжелал быть христианином, монахи же тамошние опасаясь отца моего не восхотели меня окрестить, что я видя умолчал. И возвратившись после из той Лавры в Фессалонию к отцу моему, он меня вскоре отправил в Царьград с купеческими товары, и прибывши я туды распродал товар и, взяв деньги, проехал оттуда тайным образом в Смирну к тамошнему архиерею для скрытия себя, чтоб не сведили про то жида, архиерей смирнский продержал меня у себя под скрытием три месяца, и по прошествии трех месяцев утвердился я в вере христианской, но понеже невозможно было в Смирне ему меня окрестить, то отправил он меня к протосингелу своему в Скопель, а именно в 1745 году на самой день Благовещения, а в день Лазарева Воскресения, принял я святое крещение, а крестил меня архиерей Скопелский Григорий с иеромонахом Иверского

монастыря и учителем отцем Неофитом, а понеже в той епархии не живут ни жида, ни турки то определили мне место там жить в монастыре, где я сем месяцев под охранением и прожил, после чего вскоре прибыв туда жида от Фессалонии для зделания виноградного своего вина жидовскаго называемаго касерии меня узнали и, возвратившись в Фесалонию, объявили о том отцу моему и отец мой без (Л. 3) умедления поехал в Царьград для испрошения тамо султанской галеры, на которой бы ехать для взятия меня, и издержал на то 30 мешков денег, я же, не будучи о том нимало известен, жил в своем месте без всякаго опасения, но и греки, получивши ведомость из Фессалонии о отце моем и дяде, тот час ко мне отписали в Скопель, чтоб я оттуда убрался, дабы меня отец мой там не застал. Я увидя себя в немалых заботах, по тому что деньги свои росчал на карабли и с проценты ротным людем, а собрать их тех скоро не мог, не знал, что делать, однако по присоветованию греков при нужде я нашелся выехать из турецкой земли на корабле в Корфы область Венецианскую, а оставшия мои в Скопеле на должниках деньги поручил я собрать и переслать ко мне им грекам, по отлучении же моем из Скопеля прибыла туда галера султанская с вооруженными людами, отец и не застав возымел на отца моего крестного да еще трех греков и моего учителя иеромонаха Иверского подозрение, что они меня скрыли и тако их забрал посадил на галеру и отвезли с собою в Царьград.

3. Пробывши я в Корфах год и не имея наконец чем себя пропитать, поехал паки на корабле тайным образом в Скопель, собрал своих денег «23» мешка из коих в каждом сичается по 300 рублей. Собравши же денги послал их архиерею Сминскому, архиерей отправил их в Царь Град на искупление вышереченных взятых в плен на галеру. Но не будучи довольно на оное искупление тех денег, собрали еще с христиан подаянием и дополнили достальную сумму всего до «30» мешков, выручили взятых в полон с галеры, а я остался в крайней нищете и только от подаяния честных христиан свое пропитание имел.

4. И усмотря я паки, что в Скопеле жить мне невозможно, просил там себе писменного от тамошних обывателей свидетелства (Л. 3 об.), но онаго мне не дали, потому что опасались, дабы не перехватили мене где нибудь с сими писмами, от чего б они в беду попасться не могли, и тако отъехал я тайным образом в Фессалонию вторично к находящемуся тамо английскому консулу в дом его, которой имеет при себе некотораго учителя грека от Фессалонии моего приятеля, оной за меня вступился и исходатайствовал писмо от митрополита Фессалоникскаго о проезде моем в Молдавию, и таким образом я в Молдавию отъехал и прожил там три года во время бывшаго там господаря Константина Маврокордата, а из Молдавии пожелал отъехать в город Янины для обучения еллиногреческаго языка. По тому что там находятся превеликия школы, где учатся по гречески и по латински. И тако при переезде моем через реку Дунай

встретился там со мною дядя мой, которой ехал с пашею и, меня узнавши, отдал меня тому паше, от коего я содержан полгода в тюрьме под караулом, и что не было при мне денег, платья, писем, оное все у меня отобрали и оставили совсем почти нага, но напоследи христианския православнаго исповедования купцы собрали милостыню и меня ею у паши выкупили и отправили на своем иждивении в Венецию с писменною рекомендацією к жительствующим тамо знатным греческим купцам Марации и Караянию, где я прожил на их содержании три месяца, но понеже между италианским духовенством жить я не похотел, по тому что сердце мое и помышление всегда клонилось к житию во святой горе Афонской, а неможно мне было туда отъехать, то принял я намерение сюда в Россию для препровождения моего бедного жития здесь в Москве в греческом Иверском монастыре и тако из Венеции отправили меня в Вену (Л. 4), где паки содержали меня на своем иждивении греки, а потом отправили меня в Петроварадин с писмами к находящемуся там российскому учителю Симеону Христиану, а он мне дал к Севской митрополии к префектову племяннику письмо ж, кое я по прибытии моем в Киев «5» числа ноября прошлаго 1752 года ему и отдал и он мне объявил, что реченной Симеон Христиан о мне пишет, что желаю я постричься, и тако хотя он префект доложить о том митрополиту своему обещал, однако ж чрез два месяца волоча со дня на день ничего со мною не учинил, чего ради подал я прошение в Киевской губернской канцелярии, чтоб отпущен был до Нежина, где находятся греки, и тако дан мне от той канцелярии пашпорт со взятъем от меня присяги. По прибытии моем в Нежин жил я там един месяц и из Нежина приехал сюда в Москву в греческой монастырь, что же я претерпел в турках от моих родителей и сродников, о том известно всем грекам.

5. А понеже желаю я ныне жить непременно в Российской империи, но не имея чем себя пропитать и содержать, того ради всенижайше прошу Дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение в государственную иностранную коллегию принять и отослать в св. прав. синод для определения меня страннаго и беднаго к научению грамоте, с потребным награждением на пропитание мое и содержание. За что долженствую до гроба моего Всевышняго Бога молить» (Л. 4 об.)
Всемилоостивейшая государыня прошу вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить мая _____ дня 1753 году.

К поданию надлежит в Государственную Иностранную коллегию. Прощение писал Московской славенореколатинской академии студент Петр Дмитриев.

Внизу страницы подпись по-гречески: Иван Павлов
На каждой странице гербовая печать.

Д.Н. Рамазанова

Греческие рукописи библиотеки
Московской синодальной типографии:
по материалам Российского государственного
архива древних актов

Статья посвящена исследованию греческих рукописей, принадлежавших библиотеке Московской синодальной типографии и ныне хранящихся в РГАДА (ф. 381). В основном они содержат учебные тексты, которые готовились к изданию в типографии (азбуки, буквари, пособия по греческому языку, лексиконы). Эти рукописи составляют небольшую часть фонда, но имеют важное значение для истории просвещения и восприятия греческой культуры в России XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: греческие рукописи, библиотека Московской синодальной типографии, Лексикон, Букварь, Федор Поликарпов.

Созданный в середине XVI в. Московский печатный двор функционировал не только как типография, но и как центр по собиранию рукописей и изданий, использовавшихся для справки книг, выпускавшихся Печатным двором. Эти рукописи и издания впоследствии стали основой для библиотеки Печатного двора, а затем Московской синодальной типографии.

Среди привлекавшихся для справки рукописных и печатных книг были и греческие. Интерес к греческим памятникам особенно возрос с середины XVII в., когда активно велись работы по справке текстов¹. О бытовании грекоязычных изданий и рукописей на Печатном дворе не раз упоминалось еще в исследованиях XIX в.², однако важным этапом изучения стала работа Б.Л. Фонкича «Греческие рукописи на Печатном дворе во второй половине XVII в.»³, опубликованная в 1977 г. В ней отождествлены многие кодексы из

© Рамазанова Д.Н., 2017

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ, проект № 14-01-00353а.

Типографской библиотеки. Эти часто редчайшие греческие рукописи и книги к настоящему времени не сохранились в собрании Библиотеки Московской синодальной типографии (далее – БМСТ), поскольку в XVIII – первой половине XIX в. произошло серьезное перераспределение фондов: в 1787 г. по именному повелению Екатерины II и указу Св. Синода в «Патриаршее книгохранилище» были возвращены рукописи, взятые там ранее. В результате в Типографской библиотеке осталось на тот момент только 39 из 104 греческих кодексов. Еще одна попытка перемещения рукописей и книг БМСТ предпринималась в середине XIX в., когда по указу Синода в 1854 г. был учрежден «особый комитет для разбора книг и рукописей Типографской библиотеки с предложением передать большую часть книгохранилища» в различные библиотеки⁴. Однако коснулось это лишь греческих рукописей, которые «в 1862 г. были переданы в Синодальную библиотеку»⁵.

В результате этих перемещений большая часть греческих рукописей, использовавшихся для справки на Московском печатном дворе в XVII–XVIII в., находится сейчас в Синодальном собрании Отдела рукописей ГИМ, и лишь несколько греческих кодексов XVIII–XIX вв. остались в составе библиотеки Московской синодальной типографии (ныне – РГАДА. Ф. 381).

В составе фонда БМСТ сохранились преимущественно те материалы, которые являлись основой для подготовки и исправления изданий, вышедших на Московском печатном дворе (затем – Московской синодальной типографии), а также корректурные рукописи, составлявшиеся в типографии или предлагавшиеся для издания в ней. Не являются исключением и оставшиеся в БМСТ десять греческих рукописей XVIII–XIX вв. – все они хотя и были написаны на греческом языке (в некоторые рукописи также включались тексты на славянском и латинском), но составлены были в России. Среди них – пять кодексов XVIII в. (четыре⁶ – начала, один – конца столетия⁷); пять относятся к XIX в.⁸ По составу большинство рукописей представляют собой филологические учебные и научные сочинения и содержат преимущественно тексты, которые готовились к изданию в типографии, – азбуки, буквари, грамматики, пособия по греческому языку, а также лексиконы.

Краткое описание этих кодексов существует в рукописном списке действующей описи фонда⁹, по которой в XX в. была выполнена машинописная копия. Кроме того, начиная с 1896 г. издано несколько выпусков описания рукописей БМСТ, где отражены и несколько рассматриваемых нами кодексов¹⁰. Греческие рукописи

в рукописном каталоге имеют следующие шифры и описания: 1) № 1039 – «Азбука греческого и российско-церковного и гражданского языка, правл. В 4 д. 1796 г. 15 марта, 31 л.; на посл. листе подписано полковник и кавалер Павел Каверин»; 2) № 1175 – «Букварь и словарь¹¹ славяно-греко-латинский» XVIII века; в 4 д. и в л. 136. Скоропись»; 3) № 1404 – «Практический курс греческого языка по Курциусу. Сост. Григоревский. Ценз. 1869 г. скор., в л. 132+34 л.»; 4) № 1434 – «Учебная греческая книга, составленная из отличных сочинений отцов, содержит в себе: 1) Защищения, 2) Учение умозрительное»; ее продолжение содержится в кодексе 5) № 1436 «III) учение деятельное. Скороп., ок. 1821 года, в л. 4 тетради: 39 л., 49+22 л., 28+18 л.; 39 л.» (Л. 111); 6) № 1490 – «Варианты или сноски на греческую Библию и образец оглавления для экземпляров Библии греч. иждивением общества Библи. печатанных. В 1821 г. Скоропись, л., 10 л.» (Л. 114об.); 7) № 1559 – «Лексикон славяно-греко-латинский “в пользу трудолюбивому учащимся вразумлению”. 1703 г. в 4 д. 761 л. скоропись» (Л. 119); 8) № 1560 – «Тот же лексикон, по местам разнящийся от предыдущего, XVIII в., в ¼ д. л. в 2 столбца; 384–389 л., скоропись» (Л. 119); 9) № 1563 – «Легкий способ заучить более 700 коренных греческих слов с латинскими и русскими значениями. 1868 г. Скоропись, на 1 четверке и 1 большой лист с таблицей» (Л. 119); 10) № 1638 – «*Συλλογὴ τῶν διαφερόντων ἀναγνώσμάτων*”. С 22 л. *Ἀναγνώσματα βασιλείων*”. Нач. XIX в. на греч. яз., в 4 д., 97 л.» («Собрание различных чтений», с л. 22 «чтения царей»); 11) № 1785 – «Термины грамматики, риторики, диалектики, музыки, физики, этики и др. наук на латинском языке с переводом их на греческий. Скоропись, вероятно, начала XVIII в., в 8 д., 252 л.».

Особый интерес представляют сохранившиеся рукописи XVIII в., многие из которых были связаны еще с Московским печатным двором, до момента переименования его в Синодальную типографию. Самыми значимыми греческими кодексами являются корректурные рукописи первых изданий, напечатанных на Московском печатном дворе тремя шрифтами – славянским, греческим и латинским – Славяно-греко-латинского Букваря¹² и Трехязычного лексикона¹³ знаменитого выпускника Славяно-греко-латинской академии, а затем справщика и главы Московского печатного двора и Московской синодальной типографии Федора Поликарпова¹⁴. Оба сочинения вышли в свет в первые годы XVIII в. кириллическим шрифтом соответственно в 1701¹⁵ и 1704 г.¹⁶ Списки трудов Федора Поликарпова не только передают процесс редактирования, но и содержат многочисленные автографы составителя этих памятников.

Корректирный список Славяно-греко-латинского Букваря Федора Поликарпова (№ 1175) состоит из двух разноформатных частей: первая часть – 4^о (170×119/120 мм.; Л. 1–75); вторая – 2^о (225×130 мм.; Л. 76–136)¹⁷. Колофон писца отсутствует, однако по почерку можно заключить, что текст написан писцом Московского печатного двора, бывшим выпускником или студентом Славяно-греко-латинской академии, учившимся каллиграфии у Софрония Лихуда¹⁸; часть текста и многие пометы выполнены Федором Поликарповым.

Как свидетельствуют записи, помещенные в рукописи, именно этот кодекс наборщики использовали при работе над Букварем¹⁹, что подтверждает изучение и сопоставление текста рукописи и издания Букваря. Работу справщиков над текстом раскрывают как многочисленные пометы, комментарии и указания для набора текста и оформления издания, так и различная правка, результаты которой были полностью учтены в печатном варианте Букваря. Пометы на полях рукописи выполнены как наборщиком или писцом, так и самим Федором Поликарповым, который давал указания относительно набора текста. Среди помет можно выделить следующие: «заглавиа какова не будет ли» (Л. 96 рукописи), «набирать все радом» (Л. 98об.), «После сего набирать: верую во единого Бога тем же порядком» (Л. 102), «По сей спросити, что набирать: иже ли херувим, или ино что?» (Л. 105об.), «о латинском спросить, так ли порядок, да и о розметке, как делать» (Л. 109об.), «набирать прежде гречески стих, потом славенски, речь под речь приводить, а последи латинскою» (Л. 127). Все места, которые следовало набирать красной печатью, написаны в рукописи киноварью или отмечены красным.

Однако есть и разночтения, когда целые отрывки, отсутствующие в рукописном варианте, присутствуют в печатном издании. В частности, эти различия касаются оформления: в рукописи нет гравюр, а в тех местах, где предполагалось поместить заставку есть помета: «заставица», как, например, на листе 96 рукописи (соответствует листу 40 печатного издания). Также в тексте кодекса отсутствуют почти все отрывки с азбучными рядами славянского алфавита, что может свидетельствовать о том, что эта часть набиралась с какого-то иного издания. На протяжении всего текста издания буква «я» в рукописи заменена на «юс малый».

Важным дополнением к истории создания Букваря является выявление нового перевода Федора Поликарпова, обнаружение которого стало возможным только после детального исследования рукописи. В рукописи Букваря к тексту «Святаго Григория

Богослова Назианзина, стихи нравоучительнии по алфавиту» (Л. 127) содержится помета «С греческих новопреведеннии», сделанная рукой Поликарпова. Здесь, несомненно, речь идет о его собственном, ранее неизвестном переводе этих стихов, выполненных специально для этого издания. Отметим, что в печатной книге эта информация отсутствует²⁰.

Две рукописи (№ 1559, 1560) Трехязычного лексикона Федора Поликарпова²¹, изданного на Печатном дворе в декабре 1704 г., передают несколько этапов работы над текстом. Особый интерес для истории создания памятника представляет кодекс № 1559²² (773 л.; 151×200 мм), принадлежавший самому составителю этого словаря: «Из книг / Феодора / Поликарпова / справщика...»²³. Первоначально рукопись, по-видимому, состояла из нескольких отдельных частей, впоследствии сплетенных. Большая часть кодекса была написана одним писцом. Кодекс состоит из тетрадей-кватернионов; расположение сигнатур 1–70 тетрадей – у внутреннего левого угла нижнего поля 1-го листа тетради буквенной цифирью, после 79-й тетради сигнатуры полностью срезаны. Рукопись содержит несколько записей и помет, указывающих на время создания кодекса, источники и автора. Подтверждением авторства Федора Поликарпова является запись, расположенная по правому полю л. 1–13: «Сия / книга / Лексикон / славенолатински / собрася / от различных / во едино / трудоположением / непотребно / типографии / справщика / Феодора / Поликарпова», другая запись завершает текст и содержит благодарственную формулу и дату: «Слава Богу начало концем венчавшему, *тетελεσται* 1703 июлия 12»²⁴. Благодаря этому мы узнаем, когда закончилась предварительная работа над текстом Лексикона и, по-видимому, началась редактура текста.

Судя по многочисленности правки текста, этот список являлся не просто черновым, но первоначальным рабочим материалом, в результате редактуры которого окончательно сформировался общий состав Лексикона. Список изобилует исправлениями, зачеркиваниями, а также по всему тексту присутствуют дополнения и исправления лексических статей и целых блоков текста Лексикона. Правка и дополнения выполнены преимущественно коричневыми и красными чернилами. Все варианты правки в тексте кодекса № 1559 включены затем в другой список № 1560²⁵, а затем в текст издания. По списку № 1560 прослеживается следующий этап справки Лексикона, продолженной затем при работе над корректурными экземплярами.

Несомненный интерес представляют и другие рукописи этого фонда, относящиеся к XVIII в. Среди них, например, № 1785 (258 л.,

157×98мм) – «Термины грамматики, риторики, диалектики, музыки, физики, этики и других наук», своего рода латинско-греческий терминологический словарь по различным «свободным наукам». Писец кодекса неизвестен, однако его почерк имеет все типичные черты почерков круга основателя и преподавателя (1685–1694) Славяно-греко-латинской академии Софрония Лихуда²⁶. Следовательно, рукопись могла быть создана одним из бывших студентов Академии – сотрудником Печатного двора. Кодекс содержит дату «1706.1.10», указанную на обороте верхней крышки переплета и выполненную теми же чернилами, что и оглавление, явно позднее основного текста. Следовательно, эта датировка является *terminus ante quem* по отношению ко времени написания рукописи. Кроме того, на обороте верхней крышки переплета помещена помета «Германова», уточняющая принадлежность ее книжному собранию справщика и библиотекаря Печатного двора конца XVII–XVIII вв. иеродиакона Германа²⁷.

К XVIII в. относится еще одна греческая рукопись – № 1039 (32 л., 222×175 мм), датированная 1796 г., – это «Азбука греческого и российско-церковного и гражданского языка». Рукопись написана на голубой бумаге, состоит из четырех тетрадей-кватернионов, сигнатуры отсутствуют. По листам кодекса – запись-скрепа префекта Славяно-греко-латинской академии Павла: «...мос/ков/ской/ Ака/де/мии/ пре/фект/ иеро/мо/нах/ Па/вел/ чи/тал...»²⁸. Иеромонах Павел был префектом Академии с 23 июля 1795 г. по 1797 г.²⁹, а с 1796 г. и главным цензором духовной цензуры³⁰. Среди приведенных С.К. Смирновым первых сочинений, прочитанных Павлом, наша рукопись не указана, возможно, это связано с тем, что она не была издана³¹.

По содержанию все рассматриваемые рукописи XVIII в. являются учебными пособиями разного уровня преимущественно филологического характера. Часть кодексов того же содержания встречается среди греческих рукописей собрания БМСТ и в XIX в., свидетельством чему является кодекс № 1404 – «Практический курс греческого языка по Курциусу с примерами для переводов Шенкля» (193 л., 350×222 мм), составленный Михаилом Харлампиевичем Григоревским (1835 – после 1896). Судя по записи на Л. 1об., датированной 16 мая 1869 г., этот труд был издан на деньги (500 руб.), выделенные Советом Харьковского университета после обсуждения текста на историко-филологическом факультете и его ходатайства перед Советом университета. Работа над подготовкой рукописи к изданию в Московской синодальной типографии, по-видимому, началась почти сразу, поскольку оно

было осуществлено в 1869–1872 гг. Этот труд М.Х. Григорьевского в XIX – начале XX в. неоднократно переиздавался, став одним из основных пособий по изучению греческого языка в России.

Таким образом, греческие кодексы XVIII–XIX вв. из собрания Рукописного собрания БМСТ представляют лишь небольшую часть коллекции этого фонда, однако неоспорима их важность как для истории просвещения и книгоиздательского дела, так и русско-греческих связей, поскольку эти рукописи отражают особенности восприятия греческой культуры в России на протяжении нескольких столетий.

Примечания

- ¹ См., например: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов: В 2 ч. М., 1891. Ч. 1; *Запольская Н.Н.* Книжная справа XVII в.: проблема культурно-языкового реплицирования // *Studia Russica.* [Budapest,] 2000. Т. 18. С. 305–314; *Она же.* Книжная справа в культурно-языковых пространствах Slavia Orthodoxa и Slavia Latina // *Славянское языкознание: XIII Междунар. съезд славистов.* Люблина, 2003: Докл. рос. делегации. М., 2003. С. 213–230; и др.
- ² См., например: *Орлов А.[С.]* Сборники. М., 1896. (Б-ка Моск. синод. тип. Рукописи. Вып. 1. Ч. 1.) С. I–XIV.
- ³ *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 105–188; переизд.: *Она же.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 151–218.
- ⁴ *Орлов А. [С.]* Указ. соч. С. XIII.
- ⁵ Там же.
- ⁶ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 1175, 1559, 1560, 1785.
- ⁷ Там же. № 1039.
- ⁸ Там же. № 1404, 1434, 1436, 1490, 1563, 1638.
- ⁹ Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии. Оп. 1: Каталог рукописей библиотеки Московской Синодальной типографии. 1894 г., октябрь // Российский государственный архив древних актов. Ф. 381 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.rgada.info> (дата обращения: 10.11.2015).
- ¹⁰ *Погорелов В.А.* Сборники и лексиконы. М., 1899. (Б-ка Моск. синод. тип. Рукописи. Вып. 2. Ч. 1.)
- ¹¹ Слово вставлено сверху фиолетовыми чернилами в XX в.
- ¹² РГАДА. Ф. 381. № 1175.
- ¹³ Там же. № 1559, 1560.
- ¹⁴ *Буланин Д.М., Зиборов В.К.* Федор Поликарпов Орлов // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3: XVII в. Ч. 4. СПб., 2004. С. 105–130.

- ¹⁵ Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. С. 297–299. № 1083. Об издании Букваря см. также: Рамазанова Д.Н. Славяно-греко-латинский Букварь Федора Поликарпова (1701 г.): история создания и источники // Вестн. ПСТГУ. Сер. IV. Вып. 4 (31). 2013. С. 78–88; *Ramazanova D.N. Slavonic-Greek-Latin Primer by Fedor Polikarpov (1701): History and sources of trilingual elementary education in Russia // History of Education & Children's Literature. 2014. Vol. 11, n° 2 P. 59–70; и др.*
- ¹⁶ Гусева А.А. Указ. соч. С. 299–300. № 1084.
- ¹⁷ Об этом см. также: Федор Поликарпов. Технологія: Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е.[Э.] Бабаевой. СПб., 2000. С. 12–13; Рамазанова Д.Н. Славяно-греко-латинский Букварь Федора Поликарпова (1701 г.)... С. 78–88.
- ¹⁸ О почерках круга Софрония Лихуда см.: Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы... С. 335–345; Рамазанова Д.Н. История просвещения XVI–XVII вв. и палеографический метод. Учитель – ученик // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 179–187.
- ¹⁹ Об этом см.: Рамазанова Д.Н. Славяно-греко-латинский Букварь Федора Поликарпова (1701 г.)... С. 83–84.
- ²⁰ Поликарпов Ф. Славено-греко-латинский букварь. М., 1701. Л. 68 2-го сч.
- ²¹ О Лексиконе см.: Рамазанова Д.Н. «Трязычный лексикон» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. Вып. 1. М., 2009. С. 156–176.
- ²² Описание: Погорелов В.А. Указ. соч. С. 106–107. № 43.
- ²³ РГАДА. Ф. 381. № 1559. Л. 1–5. Запись выполнена на нижнем поле.
- ²⁴ Там же. Л. 761об.
- ²⁵ Описание рукописи: Погорелов В.А. Указ. соч. С. 108. № 1560.
- ²⁶ О других рукописях круга С. Лихуда см.: Рамазанова Д.Н. Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и библиотеки Румынской Академии наук) // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. М., 2013. С. 268–278.
- ²⁷ См. о нем: Хмелевских И.В. Две книги о римских древностях Бартоли-Беллори и их переводы на русский язык из библиотеки Петра Великого // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51/1. P. 110–111.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 381. № 1039. Повторяющаяся запись по верхнему полю всех листов рукописи.
- ²⁹ См. о нем: Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 364.
- ³⁰ Смирнов С. Указ. соч. С. 328.
- ³¹ Издание отсутствует в каталоге: Гусева А.А. Указ. соч.

Ю.Э. Шустова

Художник Остап Белявский
как продавец книг
Львовской Ставропигийской типографии
1788–1791 гг.

Исследуются механизмы продажи книг типографии Львовского Ставропигийского братства в 1788–1791 гг. Установлен автор реестра продаж – художник Остап Белявский. Решается проблема атрибуции продаваемых изданий и реконструкция репертуара изданий Ставропигийской типографии. Определяется количество продаваемых книг, цены и суммы продаж.

Ключевые слова: Типография Львовского Ставропигийского братства, продажа книг, источники по истории книготорговли.

С 1788 г. Львовское братство как организация, функционирующая с 1586 г., права которой были регламентированы грамотами вселенских патриархов и подтверждаемы киевскими митрополитами, львовскими епископами и польскими королями, прекратила свою деятельность в связи с распоряжением 1787 г. императора Австро-Венгрии Иосифа II о ликвидации всех церковных братств на территории государства. Согласно рескрипту Иосифа II от 7 октября 1788 г., сама организация могла продолжать свою работу по основным направлениям деятельности, но ее правовой статус существенно менялся¹. Название организации – Ставропигийский институт – впервые встречается в документах с 1790 г.² Реформы организации сохранили одну из основных сфер ее деятельности – издание и распространение книг собственной типографии.

Для изучения истории деятельности типографии братства большой интерес представляют документы, созданные в период деятельности Ставропигийского института, так как книги, изданные до 1788 г., продавались вплоть до первой половины XIX в.³,

а некоторые издания значатся в книготорговых каталогах и во второй половине XIX в.

До сих пор не привлекал внимание исследователей реестр продажи книг за 1788–1790 гг.⁴ Это делопроизводственная книга формата in folio в картонном переплете с кожаными уголками и корешком. Название на наклейке: «Księga perceptu y sprzedaży książek ruskich a 4 mar. 1788 ad 2 jun. 1791» («Книга выдачи и продажи книг русских с 4 марта 1788 по 2 июня 1791 г.»). На переплете имеется еще несколько наклеек, появившихся в результате систематизации архива Ставропигии, проводившейся несколько раз в XIX в. «ч. Каталог. 285 – регист. СХХІХ», «CL № consig. 555», «1073», «CL 555 Счеты съ продажи книгъ 1788–1791».

Большинство подобных реестров имеют указание на авторство – продавца книг. Рассматриваемый реестр – безымянный. Для установления авторства источника были использованы другие документы из архива Львовского братства. Важны в связи с этим финансово-отчетные документы за 1787–1791 гг., которые имеют заголовки: «Wypis czyli summaryusz Stawropigialnych ksiąg ruskich przez i[ch] m[iłość]i pana Bielawskiego iako przedawce»⁵ и «Regestr czyli summaryusz od wspomnioney i[ch] m[iłość]ę pana Bielawskiego sprzedaży pozostałych y następy... odanych ksiąg tychże»⁶. Отсюда явствует, что в этот период продажей книг занимался Остап Белявский. Историки Львовского братства и Ставропигийского института практически не упоминают о его деятельности в организации, между тем это весьма интересная личность. В «Альбоме или книге вписывающихся членов Ставропигийского Института» («Album czyli Księga wpisujących się do Instytutu Stawropigialnego członków») имеется собственноручная запись Белявского от 24 июня 1780 г. о вступлении в братство: «Ku chwale Boga w Trojcy Świętej jedynego na cześć najswiętszey Maryi Panny Matki Bożey obowiązują się jey koniec dopoki mi Bog życia pozwoli bronie, w Album Konfraternii Stawropigialney uprzywileiowanej upisuie się u podpisem ręki zwienzam. Dan Leopoli, die 24 junii A[nn]o D[ome]ni 1780. O. Bielawski»⁷.

Остап Белявский родился в 1740 г. в с. Городищи возле Бережан. В 60-х годах XVIII в. он учился в Риме в Академии Св. Луки, где «рисовал греческих богов»⁸. После возвращения во Львов трудился как самостоятельный художник, не желая вступать в цеховую организацию⁹. Работал он преимущественно в портретном жанре, а также писал полотна на религиозные сюжеты. Подписывал свои работы полным именем, к которому добавлял: «Della Akademia Romana Pictor». В 70-х годах XVIII в. Остап Белявский получает

много заказов от львовских горожан, в том числе членов Львовского братства. Он написал портреты вице-сеньора братства Христофора Деймы, сеньора Ивана Бачинского, Степана Завалневича и его жены Терезы. Будучи уже членом братства, в 1873 г. в земском суде он получил подтверждение дворянства и герба «Elita». Умер Остап Белявский в 1804 г.¹⁰ Документы из архива Львовского братства позволяют дополнить сведения к биографии львовского художника.

Реестр продажи книг Остапа Белявского за 1788–1791 гг. написан на польском языке. Это финансовый отчетный документ, который предъявлял член организации, занимавшейся книготорговлей, на отчетном собрании. Он представляет собой чистовик, составленный специально для этого, что обуславливает специфику источника, в котором на первом месте стоят финансовые записи и в меньшей степени уделяется внимание описанию изданий и тому, кому они продавались. Названия книг обозначаются условно, без указания выходных данных. Лишь в некоторых случаях уточняется формат книги при условии, что книги одного наименования представляли собой разные издания. Иногда для переизданных книг отмечалось, что речь идет о старом или новом издании. Также фиксировалась разновидность бумаги одного и того же издания, что влияло на стоимость книги.

Реестр состоит из оглавления, в котором указаны наименования 33 изданий. Для записей, относящихся к каждому изданию, отведены были отдельные листы. По каждой книге записи разделяются на две части. Вначале, в разделе «Percepta», указаны сведения о выдаче книг для продажи: дата, количество полученных для продажи книг, цена и общая сумма за партию. Далее, в разделе «Przedaż», зафиксированы даты продажи, сколько книг было продано в тот или иной день, цена за книгу и сумма, вырученная от продажи книг.

Книги для продажи выдавались партиями. В зависимости от издания за весь отчетный период оно могло выдаваться от 2–3 до 10 раз. Следует обратить внимание, что распределение дней выдачи книг продавцу по годам не равномерно. Больше всего дат выдачи книг приходится на 1788 г. – 20 раз, а в 1789 г. – всего 5 раз. К 1790 г. многие издания, полученные для продажи, видимо, были распроданы, поэтому в этом году продавец получал книги 12 раз. За первое полугодие 1791 г. книги выдавались для продажи 7 раз.

Атрибуция большинства продаваемых в 1788–1791 гг. изданий не вызывает затруднений. Как правило, это последнее к моменту продажи переиздание. Но если большеформатные книги атрибутируются точно, то малоформатные, особенно пользующиеся

большим спросом и часто не сохранившиеся до наших дней учебные книги, вызывают определенные трудности.

Анализ записей по каждой книге позволяет установить не только цены на книги, но и сделать выводы о спросе на те или иные издания. Иногда в реестре фиксируются дополнительные сведения, например о количестве дефектных экземпляров того или иного издания, об особых переплетах для отдельных экземпляров, о выдаче книг в школу (бурсу), подаренных книгах и др.

К числу изданий, атрибуция которых не вызывает сомнений, относятся: Акафисты всеседмичных (1769; 8°), Апостол (1772; 2°), Евангелие «большое» (1743; 2°), «Апостолы и Евангелия неделям всего лета» (в реестре – «Евангелия недельные малые») (1706; 8°), Ирмологион («Jarmołoj wielki») (1757; 2°), «Ирмологион, или катавасия» («Jarmilouczyki małe») (1723; 12°), «Канонник, в нем же акафисты» (1766; 8°), «Богословия нравоучительная» («Kazusy duchowne») (1760; 8°), Служебник (1780; 2°), Октоих (1765; 2°), Псалтирь (1704; 12°), Псалтирь (1763; 4°), Требник (1720; 8°), Требник (1761; 4°), Анфологион (1738; 2°), Триодь цветная (1746; 2°), Триодь постная (1753; 2°), «Наставления истории церковныя Нового Завета» Матфея Даннемаира (1790, ч. 1–2; 8°) (переведена с латинского языка¹¹ профессором Львовского университета Феодором Захариясевичем (1759–1808), читавшим на отделении богословия курс церковной истории¹²), «Наставления любомудрия нравоучительного содержащая любомудрие практическое всеобщее право естественное, ифику, и политику» Фридриха Христиана Баумейстера (пер. с лат. Петр Дмитриевич Лодий, 1790; 8°).

Атрибуция Часослова вызывает определенные трудности. В рассматриваемом реестре указаны *Czesosłow wielki* и *Czesosłowec mały*. Часослов большой можно атрибутировать как «Орологион, сиреч часослов полуставный» (тип. Василий Ставницкий, 1726; 4°). Часословами называли книги формата *in octavo*. Они довольно часто переиздавались и пользовались большим спросом, так как использовались, в том числе, в учебных целях. Так, в первой половине XVIII в. было издано по крайней мере шесть изданий Часослова (1701, 1704, 1710, 1719, 1752, 1757), из которых только одно издание сохранилось, причем в единственном экземпляре, а об остальных мы знаем по архивным документам¹³. Из известных в библиографии Часословов в 8°, возможно, в 1788–1791 гг. продавалось издание 1766 г.¹⁴, известное сегодня в одном экземпляре¹⁵. Вероятно, книга переиздавалась и в последующие годы, однако следующее издание, известное в современной библиографии, вышло 6 октября

1791 г.¹⁶, т. е. уже после завершения ведения рассматриваемого реестра продажи книг.

В реестре велись записи о продажах Грамматик (Букварей). Записи сделаны для двух изданий. Вначале – записи о продажах «Grammatyk nowych» (слово «nowych» написано другими чернилами, но теми же, что и сделана первая запись о выдаче экземпляров для продажи 6 февраля 1791 г.), а далее – «Grammatyczek małych». В оглавлении реестра эти издания соответственно названы «Gramatyki nowe z abecadlem» и «Grammatyczki małe stare». За вторую половину XVIII в. известно только два издания Букварей, которые в документах Львовского братства называются Грамматиками, или Грамматичками. Это «Буквар языка славенскаго» 1766 г., сохранившийся в двух экземплярах, и Букварь 1790 г., сохранившийся в четырех экземплярах¹⁷. Можно было бы сделать предположение, что под «старой» Грамматикой (Букварем) имелось в виду издание 1766 г., хотя этот вопрос требует уточнений по архивным документам. Возможно, после 1766 г. Букварь переиздавался. Так, согласно записям в книге «Introitus et exitus librorum in crudo existen in officinis Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis», на склад новоизданная Грамматика тиражом 6000 экз. поступила 15 декабря 1766 г.¹⁸ Записи о продажах книг в этом реестре не являются полными, однако даже имеющиеся позволяют сделать вывод о том, что тираж этого издания никак не мог остаться нераспроданным к 1788 г. Так, в 1769–1774 гг. для продажи было выдано 2500 экз. Грамматики¹⁹. 15 сентября 1775 г. была проведена ревизия оставшихся на складе книг. Было зафиксировано 418 экз. Грамматики, в том числе 23 дефектных, также 250 экз. были на руках у переплетчиков²⁰. Таким образом, в 1775 г. оставалось 668 экз., что вполне соответствует спросу и скорости реализации издания.

«Новое» издание Грамматики можно с уверенностью атрибутировать 1790 г. Это вполне вписывается в хронологические рамки записей о выдаче книги для продажи и самих продажах. Новоизданную «Грамматику с алфавитом» впервые выдали со склада для продажи 6 февраля 1791 г., а первая продажа зафиксирована 10 февраля 1791 г., причем выдано было всего 847 экз., из них 108 – в переплетах, а продано с 10 февраля по май 1791 г. – 153 книги, из них только 7 без переплета²¹. Грамматички «малые, старые» выдавались для продажи с 20 марта 1788 г. Всего было выдано 5501 экз., из них только 348 переплетенных.

В реестре имеются записи о продаже Служебника «малого» («Mszał mały»), изданного типографом Василием Ставницким в 1702 г. форматом in quarto. В библиографии было отмечено

издание Служебника in 4° в 1720 г. Впервые упоминание об этом издании появилось в 1874 г.²² и использовалось впоследствии в каталогах старопечатных книг другими библиографами²³. Однако в документах архива Львовского братства сведений об этом издании не обнаружено. В 20-е годы XVIII в. с типографией братства сотрудничал типограф Василий Ставницкий. В сохранившейся книге контрактов договора на издание Служебника in quarto нет²⁴. Важный документ, помогающий при атрибуции изданий типографии Львовского братства, был составлен после пожара на колокольне 24 апреля 1779 г., уничтожившего часть книг на складах и в книжной лавке. В сентябре 1780 г. была составлена опись уцелевших после пожара непереpletенных книг («Regestr nieoprawnych książek ruskich po spalieniu od piorunu wieży i murów Stawropigii Lwowskiej w depuzycie dawnym przy tey że wieży pozostałych»), в которой указывалось не только наименование книги, но и год издания. Среди уцелевших книг значатся в двух пачках 26 Служебников 1702 г.²⁵ Также интерес представляет книготорговый каталог Ставропигийского института, изданный 1 января 1820 г.²⁶ В нем отмечено два издания Служебников, которые продавались в это время в книжной лавке: «Леитургикон (Служебник велик.) (Мшал), в фол. 1780» и «Леитургиарин (Служебник меньший) в 4. 1702». В книготорговом каталоге от 1 июня 1825 г.²⁷ Служебник 1702 г. уже не значится. Комплекс проанализированных документов позволяет сделать вывод, что издания Служебника in quarto 1720 г. не существовало. Поэтому упоминающийся в рассматриваемом реестре «Mszal mały» следует атрибутировать как Служебник 1702 г.

В реестре имеется роспись продажи еще одного издания Служебника, который назван «Służebnik in 2-uarto». Здесь речь идет об издании Служебника in folio, но отличного от издания 1780 г. Это явствует даже из цен на книги. Это издание Служебника продавалось по 10 злотых за непереpletенный экземпляр и по 12 злотых за книгу в переплете. Атрибутировать его помогают архивные документы. Так, в списках продаваемых в 1787–1791 гг. паном Остапом Белявским книг Ставропигийской типографии указано три издания Служебников: «Mszalów dużych arkuszowych», продаваемых по ценам 28 и 24 злотых за книгу в переплете и без соответственно, «Mszalikow» – по 3 злотых и 2 злотых 10 грошей соответственно, «Służebnikow dawnych arkuszowych» по 12 и 10 злотых соответственно²⁸. Указание на Служебник «давний, в лист» позволяет его атрибутировать как предыдущее по отношению к изданию 1780 г., т. е. с большой

долей вероятности можно говорить, что речь идет о Служебнике, вышедшем в свет 14 апреля 1759 г.

Определенные трудности при атрибуции вызывают Полуустановы. В рассматриваемом реестре указано два издания Полуустанов: «Połustaw nowe ydcy» и «Połustawy starey edycyi», которые продавались с Тропарями («z Troparami codziennemi») и без них. Полуустановка нового издания можно атрибутировать как вышедший в свет в 1768 г. В реестре уцелевших после пожара 1779 г. книг отмечено три Полуустанова²⁹, один из которых более позднего издания – 1768 г. Здесь же указано, что издание было отпечатано на бумаге лучшей и худшей³⁰. В библиографии это издание известно как Молитвослов (16 февр. 1768; 8°)³¹. Книга поступила на склад 20 апреля 1768 г., причем отмечалось, что 320 экз. – на креховской бумаге, 1000 – на «яхбовской»³². В документах издание называлось «Полуустановка» или «Полуустановка иерейский». Таким образом, Полуустановка нового издания следует атрибутировать Молитвослову (16 февр. 1768).

Атрибуция Полуустанова «старого издания» может вызывать сомнения. В этом разделе фактически речь идет о двух разных изданиях, которые отличаются от Полуустанова 1768 г. форматом – в 12°. В реестре говорится о Полуустановах «старого» и «среднего» издания. До 1768 г., когда был издан вышеуказанный Молитвослов, Полуустановка издавался в 1740 и 1759 гг. Эти издания представлены в ряде книгохранилищ³³. Я.Д. Исаевич ввел в научный оборот еще одно издание Полуустанова, ссылаясь на реестр сохранившихся после пожара 1779 г. книг. Со ссылкой на этот же документ он ввел в научный оборот и издание Тропарей, напечатанных в качестве приложения к Полуустанову. Оба эти издания отмечены как несохранившиеся и вышедшие в типографии Львовского братства в 1739 г.³⁴ При знакомстве *de visu* с документом из архива Львовского братства удалось установить, что была допущена ошибка при чтении года издания. В нем говорится, что в колокольне имеется 8 пачек по 25 книг Полуустанов, изданных в 1759 г., а также для них Тропарей в качестве приложений – 88³⁵. У писца данного документа цифры «3» и «5» похожи. Поскольку книги одного и того же наименования переиздавались в типографии братства, как правило, после того как тираж предыдущего издания был распродан или заканчивался, то факт издания Полуустанова дважды с интервалом в один год представляется маловероятным. Таким образом, под «старым изданием» Полуустанова в рассматриваемом реестре можно подразумевать книгу 1740 г., а под «средним изданием» – 1759 г., которая продавалась как с Тропарями, так и без них.

Определенные проблемы возникают при атрибуции издания, которое названо «Katechizm powu». Имеется запись о том, что 26 марта 1788 г. переплетчик Ян Пурницкий отдал 680 книг «na wodnym papierze». Из этих книг 19 мая 1788 г. 600 книг отослали для продажи на рынке официалу Скородинскому, а также еще 500 книг со склада. Таким образом, уже в марте 1788 г. большая партия книг была переплетена, что вызывает вопросы о времени издания и ее атрибуции.

В каталоге Исаевича и Запаско «Катехизм великий» (1788; 8°), отмечен как издание, не сохранившееся до наших дней³⁶. Описание приводится со ссылкой на каталоги Я.Ф. Головацкого и И.Е. Левицкого³⁷. В то же время в библиографии хорошо известна «Малая книжица на чтение для учащихся в народных училищах в цесарско-королевских областях. Ч. 1: Науки о богочестии» (Львов: тип. Успенского братства, 1786; 8°. [2]. 280 с.), отмеченная в ряде каталогов и сохранившаяся во многих книгохранилищах, в том числе в РГБ (инв. № 6930). На титульном листе этого экземпляра год издания, указанный кириллическими буквами, содержит брак печати в последней букве. Вероятно, поверх одной буквы напечатана другая, причем более отчетливо видна буква «зело» (цифра 6). Это обстоятельство и позволило библиографам датировать издание 1786 г. Предположить, что в типографии было издано два Катехизиса с интервалом в два года, притом что оно распродавалось довольно долго (до середины XIX в.)³⁸, вряд ли возможно. Речь идет об одном издании. В книготорговых каталогах Ставропигийского института первой половины XIX в. также имеются расхождения в указании времени издания Катехизиса, хотя в них речь идет об одном и том же издании. Так, в каталогах 1820, 1825, 1826, 1828 и 1852 г. указан 1786 г. А в книготорговых каталогах 1833 и 1843 гг. указан 1788 г. издания книги. Библиографы XX в. указывали тот год, который читается на титульном листе, – 1786. Вероятнее всего, книга была издана в 1786 г. Отчасти в пользу этого предположения говорит и запись из рассматриваемого реестра о переплетенных 680 книгах к 26 марта 1788 г., однако этот вопрос требует еще дополнительных изысканий.

Следующий раздел реестра 1788–1791 гг. содержит записи о продаже «Ośmohłasnikow (abo Szestodnikow)». Шестодниками называли Октоихи, предназначенные для учебных целей и издававшиеся в отличие от богослужебных Октоихов форматом in quarto. В библиографии хорошо известно издание 1715 г.³⁹ Ф.Ф. Максименко ввел в научный оборот издание Октоиха 1755 г.⁴⁰ со ссылкой на экземпляр из Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника НАН Украины. Однако в фонде Отдела редкой книги этой библио-

теки нам обнаружить данное издание не удалось. Следует отметить, что два дефектных экземпляра этого собрания без титульных листов несколько отличаются от издания 1715 г. и вполне могут быть более поздними переизданиями книги⁴¹. Однако указаний на 1755 г. издания ни в этих экземплярах, ни в изученных архивных документах пока обнаружено не было. Вопрос о переизданиях Октоиха in quarto (Шестодника) в XVIII в. в типографии Львовского братства нуждается в дополнительных изысканиях. Поэтому представляется целесообразным при работе с реестром продаж 1788–1791 гг. атрибутировать Шестодник как издание после 1717 г.

Трудности при атрибуции вызывает издание, названное «Kanonczyk woskresny». Это очень дешевая книга, продававшаяся по 12 или 14 грошей без переплета и по 16 грошей в переплете. Сведения о формате книги удалось обнаружить в списке проданных в 1787–1791 гг. Остапом Белявским книг. Здесь Каноник воскресный по цене 16 и 12 грошей за переплетенную и непереплетенную книгу соответственно отмечен как издание форматом в 8°⁴². Если сравнить цену за Букварь 1790 г. такого же формата, продававшегося по 1 золотому за книгу непереплетенную и по 1 золотому 10 грошей за переплетенную, то можно сделать вывод, что Каноник воскресный был гораздо меньшего формата/объема. Букварь 1790 г. состоит из 60 листов, значит, речь идет об издании более чем на половину меньшего объема. Однако атрибутировать это издание пока не представляется возможным. Вероятно, ряд изданий Каноников XVIII в. типографии Львовского братства не сохранились до наших дней. Так, только на основании контракта с типографом Иваном Грозевским мы знаем об издании Каноника 1741 г.⁴³ Поскольку в реестре уцелевших после пожара книг это издание Каноника не указано, можно предположить, что оно было издано после 1779 г., хотя такая атрибуция требует проверки и дальнейших изысканий.

Издание Проскомидии, продаваемое в 1788–1790 гг., атрибутировать на данный момент не представляется возможным. Речь идет о листовом издании. Цена его составляла 15 грошей, хотя иногда оптом оно продавалось и по 12, и по 10 грошей⁴⁴. Это издание в числе продаваемых в 1787–1791 гг. О. Белявским книг указано как «Proskomedyi poltoraarkuszowych»⁴⁵. Сегодня известно только два листовых издания Проскомидии, напечатанных в типографии Львовского братства. Первое из них напечатано типографом Василием Ставницким в 1699 г. Согласно контракту с типографом от 23 мая 1699 г., тираж издания должен был составлять 500 экз.⁴⁶, но фактически напечатано было 600⁴⁷. В 1708 г. вышло еще одно издание Проскомидии⁴⁸. Оба эти издания хранятся сегодня в собрании

Национального музея во Львове им. А. Шептицкого. Переиздание через девять лет Проскомидии, вышедшей тиражом 600 экз., говорит о высоком спросе на издание, которое в столь тяжелые военные годы хорошо раскупалось, и о том, что оно могло переиздаваться и в последующем. Когда была издана Проскомидия, продававшаяся в 1788–1791 гг., установить пока не представляется возможным.

Всего, согласно реестру Остапа Белявского, за период с марта 1788 г. по июнь 1791 г. выдано для продажи было 14 052 книги на сумму 42 047 злотых 7 грошей. Продано 3566 книг. Если в числе выданных к продаже большинство книг были без переплета (78%), то из числа проданных подавляющее большинство – переплетенные (93%). Продавец заказывал изготовление переплетов у нескольких переплетчиков, с которыми постоянно сотрудничал. Можно сделать вывод, что в конце XVIII в. книги переплетенные пользовались бóльшим спросом. Самыми востребованными были учебные книги. Бессменным лидером продаж является Букварь (Грамматика), Катехизис («Малая книжица на чтение для учащихся»), Часослов и Псалтирь. Привлекли внимание читателей и переведенные на славянский язык сочинения М. Даннемаира и Х. Баумейстера. Устойчивым спросом пользовались богослужебные книги.

Источниковедческий анализ реестра выдачи для продажи и продажи книг 1788–1791 гг. позволил не только получить важную информацию о ценах на книги, динамике продаж изданий Ставропигийской типографии, но и расширить представление о репертуаре изданий XVIII в., уточнить сведения о ряде изданий, а также установить авторство данного реестра, которые дополняет знания о биографии одного из замечательных украинских художников – Остапа Белявского.

Примечания

- ¹ Орлевич І.В. Старопігійський інститут у Львові (кінець XVIII – 60-і рр. XIX ст.). Львів, 2000. С. 16–17.
- ² Киричук О. Львівський Ставропигійський інститут у громадському житті Галичини другої половини XIX – початку XX ст. Львів, 2001. С. 19.
- ³ Шустова Ю.Э. Книготорговые каталоги Ставропигийского института первой половины XIX в. как источники по реконструкции репертуара изданий типографии Львовского Успенского братства // Вестн. РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2012. № 21(101). С. 138–158.
- ⁴ Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (далее – ЦГИАЛ). Ф. 129. Оп. 2. Д. 1205. Л. 1–76.

- 5 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 13.
- 6 Там же. Л. 14.
- 7 Львовский исторический музей. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135: «Альбом Ставропигийского братства». С. 226.
- 8 *Holubeć M.* Wystawa starych mistrzów Lwowa // *Wiadomości Konserwatorskie*. Lwów, 1924. Rok I. № 3. S. 89.
- 9 *Вуйцик В.* Львівський портретист Остап Білявський // Львівська картинна галерея (виставки, знахідки, дослідження). Львів, 1967. С. 61.
- 10 *Лильо О.* Штрихи до біографій представників сакрального та світського живопису Львова останньої третини XVIII ст. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2011. Вип. 14–15. С. 204–205.
- 11 *Dannemayer M.* Institutiones historiae ecclesiasticae Novi Testamenti. Friburgi Brisgoviae [Freiburg], 1783; 8°.
- 12 *Возняк М.* Наші університетські традиції у Львові // Глюстрована Україна. Львів, 1913. Ч. 5. С. 9–11.
- 13 *Запаско Я.П., Ісаєвич Я.Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1984 (далее – Запаско). Кн. 2. Ч. 1. № 769, 800, 863, 956, 1796, 2017.
- 14 Там же. Кн. 2. Ч. 2. № 2422.
- 15 Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины. Отдел редкой книги (далее – ЛННБ. ОРК) . Часослов. Львов: Тип. братства, 1766; 8°. Инв. СТ. 3550. Запаско. Кн. 2. Ч. 2. № 3587.
- 16 Там же. № 2408, 3511.
- 17 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1185. Л. 3 об.
- 18 Там же. Л. 12–13.
- 19 Там же. Л. 14, 15 об.
- 20 Там же. Л. 10 об. – 11.
- 21 Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым. СПб., 1874. Вып. 6. С. 179. № 121.
- 22 *Бычков А.Ф.* Дополнение к «Очерку библиографии» В. Ундольского, составленное по экземплярам церковно-печатных изданий, находящихся в Императорской Публичной библиотеке // Ундольский В.М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871. Вып. 1. № 16; *Исаєвич Я.Д.* Львівські видання XVI–XVIII ст.: Каталог. Львів, 1970. № 147; Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 979.
- 23 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1106; *Шустова Ю.Э.* Книга контрактов Львовского Ставропигийского братства с типографами (1680–1757): проблемы источниковедческого исследования // Вестн. РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2009. № 4. С. 108–123.
- 24 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 1 об., 4.

- 26 Каталог книг славенско-русских, типографии Ставропигианския Львовския, храма Успения Пресвятыя Богородицы, их же цена, от 1 января 1820 установлена. Львов: [Тип. Ставропигийского ин-та], 1 янв. 1820; 2°. Л. [1].
- 27 Каталог книг славено-русских Типографии Ставропигианския лвовския храма Успения Пресвятыя Богородицы, их же нижайшая цена, от 1 июня 1825 установлена. Львов: [Тип. Ставропигийского ин-та], 1 июня 1825; 2°. Л. [1].
- 28 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 13, 13 об., 14.
- 29 В реестре фактически имеется четыре позиции с указанием Полууставов, три из которых имеют указание на год издания, а в одной сказано, что имеется шесть пачек печатных Полууставов без титульных листов и года издания, книги дефектные и их количество не подсчитано.
- 30 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 2, 3 об.
- 31 Запаско. Кн. 2. Ч. 2. № 2496.
- 32 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1185. Л. 3 об.
- 33 Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1360, 2087.
- 34 Там же. № 1340, 1343.
- 35 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 1, 3.
- 36 Запаско. Кн. 2. Ч. 2. № 3432.
- 37 *Головацкий Я.Ф.* Дополнение к «Очерку славяно-русской библиографии» В.М. Ундольского, содержащее книги и статьи, пропущенные в первом выпуске «Хронологического указателя...», в особенности же перечень галицко-русских изданий церковной печати // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук. СПб., 1874. Т. 11. Разд. 5. № 162; *Левецкий И.Е.* Галицко-руська бібліографія за роки 1772–1800 // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. 1903. Т. 52. № 43.
- 38 *Шустова Ю.Э.* Каталоги книжной лавки Ставропигийского института как источники по реконструкции репертуара изданий типографии Львовского Успенского братства // Румянцевские чтения – 2012: Материалы Всеросс. науч. конф. (17–18 апр. 2012 г.). М., 2012. Ч. 2. С. 370–371.
- 39 Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 900.
- 40 *Максименко Ф.П.* Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у Львівських збірках (1574–1800): зведений каталог. Львів, 1975. № 109; Запаско. Кн. 2. Ч. 1. № 1914.
- 41 ЛННБ. ОРК. Инв. № СТ 4638; СТ 4639.
- 42 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1194. Л. 13, 13 об., 14.
- 43 Там же. Д. 1106. Л. 37 об.
- 44 Там же. Л. 37 об. – 38.
- 45 Там же. Д. 1194. Л. 13, 13 об., 14.
- 46 Там же. Д. 1106. Л. 20 об.; Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 12. С. 406.
- 47 Запаско. Кн. 1. № 745.
- 48 Там же. Кн. 2. Ч. 1. № 840.

«В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет»¹

Данная публикация посвящена истории Гражданской войны в Средней Азии в 1918 г. Публикуемый документ позволяет увидеть события 1918 г. глазами русского офицера, которому удалось бежать из красного Туркестана в белую Сибирь через Индию. Доклад был передан из Генерального штаба в управление делами Совета министров Российского правительства. Колчаковское руководство уделяло большое внимание положению в советском Туркестане, но оказать антибольшевистским силам региона реальную помощь не смогло.

Ключевые слова: Гражданская война, Средняя Азия, Туркестанский край, Бухарский эмират, Кокандская автономия, басмачество, советская власть.

Гражданская война в Средней Азии имела особенности, вызванные историческим развитием края, его местом в российской государственности, социальным и национальным составом населения. К началу революции экономика края, принципы и формы его управления социальные и политические отношения в регионе носили типично колониальный характер. Туркестан являлся аграрной окраиной империи, где сосуществовали капиталистические, феодальные и первобытно-общинные черты. Край интенсивно заселялся русскими казаками и крестьянами, которые насильственно и хитростью захватывали землю у местного населения. Крестьяне и казаки нанимали туземное население в работники и «эксплуатировали их жесточайшим образом»².

Среди русского населения региона были популярны кадетские и меньшевистские политические представления. Деятельность

большевиков в регионе практически не ощущалась. Среди армян Туркестана достаточно широкое распространение получили идеи партии дашнакцутюн. В обыденной жизни русское и армянское население третировало местных жителей, высмеивало их язык, религию, нравы и обычаи. Даже «собаки русских крестьян отражали отношение своих хозяев к туземцам»³.

Туркестан населяли коренные народы – казахи, каракалпаки, киргизы, таджики, туркмены и узбеки. Это были в основном безземельные или малоземельные крестьяне, бедные кочевники-скотоводы, неквалифицированные рабочие, мелкие ремесленники, кустари и люмпен-пролетарии. Основная масса мусульманского населения Туркестана не принимала участия в политических движениях. При этом были сильны антирусские и антиармянские настроения. Эти настроения усилились в 1916 г. в результате подавления восстания коренных народов Средней Азии, которое вылилось в грабеж и убийства мусульман.

Февральская революция еще сильнее обострила ситуацию в Туркестане. Был создан Туркестанский комитет по управлению краем, в области и уезды были назначены комиссары, в городах стали формироваться городские думы. В новых органах власти преобладали русские и армяне. Эти властные структуры не смогли стабилизировать положение и действовали неэффективно. Общественная жизнь в крае сильно политизировалась. Была создана система рабочих, солдатских и сельских советов. Они охватывали русское население и по своему партийному составу были меньшевистски-эсеровскими. Новая русская власть не только не хотела «введения автономии, но была против уравнивания туркестанцев в правах с русскими»⁴.

После Февральской революции началось объединение сил предпринимателей, религиозных деятелей и интеллигенции коренных народов Туркестана. В апреле 1917 г. была создана партия «Шура-и-Исламия» («Исламский совет»), из которой в июне выделась «Шура-и-Улемия» («Совет духовенства»). Политические требования партии были противоречивы и соединяли в себе идеи панисламизма и пантюркизма с либеральными взглядами. Лидеры партии выступали за территориальную автономию Туркестана в составе России. «Шура-и-Улемия» объединяла в основном высшее мусульманское духовенство и местных феодалов. В ее программных положениях преобладали элементы пантюркизма, провозглашалось отделение Туркестана от России и сохранение патриархально-феодалных устоев быта. Часть казахской интеллигенции объединилась в прокадетскую партию Алаш. В Бухарском эмирате

и Хивинском ханстве после Февральской революции сформировались национально-буржуазные организации младобухарцев и младохивинцев, которые выступали за либерально-демократическое развитие. В некоторых населенных пунктах Туркестана организовывались советы казахских депутатов и советы мусульманских депутатов, а также союзы трудящихся мусульман («Иттифаки»). Однако основная масса коренных народов края не была вовлечена в происходящие политические события и не понимала их смысла. Проведение демократических преобразований в неподготовленном к ним обществе привело к усилению колониального гнета, грабёжам и убийствам. Враждебность туземного населения края к русским и армянам усилилась.

В ноябре 1917 г. в Ташкенте была установлена советская власть и избран туркестанский СНК, куда вошли левые эсеры (большинство) и большевики. Связь с центром была потеряна и осуществлялась только по радио. Туркестанское большевистское руководство было плохо информировано о политике ЦК РКП(б) и часто не понимало ее. Захват власти большевиками в Туркестане еще больше усилил колониальный гнет русских и армян над коренными народами региона. Советские декреты «сводилась на местах к простому грабежу»⁵.

26 ноября (9 дек.) 1917 г. в Коканде собрался 4-й Чрезвычайный общемусульманский съезд, который провозгласил политическую автономию Туркестана в составе России. Автономный Туркестан должен был стать демократическим государством, где гарантировались права национальных меньшинств. Были избраны Туркестанский временный народный совет и Туркестанское временное автономное правительство. Треть мест в совете было предоставлено русским. Председателем правительства был избран видный деятель казахского либерального движения, член партии Алаш М. Тынышпаев. Среди членов кабинета преобладали казахские интеллигенты, из которых наиболее влиятельным был М. Чокаев⁶. Окончательно вопрос о будущем развитии Туркестана должно было решить Туркестанское учредительное собрание. Таким образом, на территории Туркестана вновь появилось двоевластие. В Ташкенте действовал Туркестанский совнарком, в Коканде – Туркестанское автономное правительство. При этом власть автономистов распространялась только на мусульманскую часть города (старый город). В русской части города, где находились городская крепость с артиллерией, власть была в руках русского Кокандского совета рабочих и солдатских депутатов.

Однако Кокандское правительство не получило реальной поддержки в других частях края. Сама автономия была слишком

слаба, чтобы сопротивляться большевистским властям и колони-заторским устремлениям русских и армян, которые считали, что они «должны оставаться полноправными хозяевами и господами в Туркестане»⁷.

Между тем туркестанский Совнарком начинает активные действия против кокандского правительства, стягивая к Коканду советские войска. Краевой мусульманский совет начинает переговоры с русским советом в Коканде, пытаясь мирным путем найти компромисс. Однако наиболее воинственная часть автономистов переходит к боевым действиям. Вооруженные силы автономистов захватывают телефонную станцию, уничтожают телеграф, железную дорогу и мосты вокруг Коканда. Предпринимается попытка захвата крепости. В ответ на эти действия в русской части города создается Ревком, начинают формироваться рабочие дружины. К ним примыкают отряды армян. На подмогу Ревкому приходят русские отряды из Ташкента, Скобелева, Андижана. Ответное наступление советских войск сопровождалось массовыми грабежами и убийствами мусульман, в чем особенно усердствовали дашнаки. 9 (22) февр. Кокандская автономия пала, а ее лидеры бежали от террора большевиков и дашнаков.

После разгрома Коканда большевистское руководство Туркестана летом 1918 г. провозглашает автономию Туркестана в форме Туркестанской советской федеративной республики. Пришедшие к власти политические силы установили в Туркестане террористический режим, где всех, кто не принадлежал к партии большевиков, считали людьми второго сорта, а «организованное доносительство и шпионаж возведены в государственную систему»⁸. Была образована Компартия Туркестана (КПТ), в руководстве которой сразу начались склоки и групповщина. Члены руководства обвиняли друг друга в авантюризме и моральной нечистоплотности. В КПТ вступало много случайных лиц, преследующих корыстные интересы получения материальной выгоды. Принадлежность к КПТ давала возможность получить власть в местном совете и еще больше подвергать колониальному грабежу и угнетению коренное население. Нередки были случаи убийства иноверцев «среди бела дня и из-за угла»⁹.

Весной 1918 г. в Туркестане были национализированы промышленность и торговля. Жесткие меры по изъятию хлеба у земледельцев повлекли за собой голод. Привозное продовольствие распределялось между красноармейцами, рабочими и советскими служащими. В результате установления советской власти в Туркестане был создан «небывалый до сих пор национальный гнет»¹⁰.

После поражения Кокандской автономии гражданская война между различными политическими силами, сословиями и народами края усилилась и значительно расширила свою территорию. Однако не везде главным содержанием этой войны была борьба с большевиками. Население Туркестана было разобщено, и благодаря этому большевики удержались у власти. Сопrotивление большевизму в Закаспийской области (меньшевистско-эсеровский Временный исполнительный комитет во главе с эсером Ф.А. Фунтиковым при поддержке англичан) и Ферганской области (партизанские басмаческие отряды) было подавлено из-за несогласованности антибольшевистских сил. В Семиреченской области шла борьба между крестьянами и казаками из-за дележа захваченной земли и использования почти бесплатной рабочей силы коренных жителей. Казаков поддерживали колчаковские казачьи отряды, базировавшиеся на территории Алаш-Орды, а зажиточные семиреченские крестьяне искали помощи у большевиков. После разгрома Кокандской автономии туркестанские большевики совершили военный поход в Бухару, который закончился национальными погромами. После этого бухарский эмир боялся активно выступать против советской власти. На севере Туркестана осенью 1918 г. было создано национальное казахское автономное государство Алаш-Орда. Оно было союзником А.В. Колчака, но активного участия в антибольшевистской борьбе за пределами Казахстана не принимало. Таким образом, несмотря на все трудности, большевистский режим в Туркестане выстоял.

После отступления колчаковских войск в августе 1919 г. был создан Туркестанский фронт под командованием М.В. Фрунзе. Красная армия начала наступление на Туркестан. Вооруженные силы Алаш-Орды были разбиты и капитулировали. В 1920 г. в Хиве и Бухаре свергаются ханская и эмирская власть и создаются Хорезмская народная советская республика и Бухарская народная советская республика с просоветскими правительствами. В сентябре 1920 г. большевики приняли новую конституцию Туркестана, провозгласив Туркестанскую советскую социалистическую республику в составе РСФСР.

Представляемый документ позволяет увидеть события 1918 г. глазами русского офицера, капитана Безобразова, которому удалось бежать из красного Туркестана в Сибирь через Индию. Согласно сопроводительной записке, доклад был передан из Генерального штаба в управление делами Совета министров. Это говорит о том, что колчаковское руководство уделяло большое внимание положению в советском Туркестане, но оказать антибольшевистским силам

региона реальную помощь не могло. Публикуемый доклад хранится в фонде Совета министров Российского правительства (Ф. 176) Государственного архива Российской Федерации. Воспроизведен машинописным образом. Ряд имен, названий административных должностей и населенных пунктов можно восстановить по документам. О части лиц и организаций, упоминаемых в тексте, сведений не обнаружено. Орфография и стилистика документа сохранены.

Доклад
слушателя Николаевской военной академии
капитана Безобразова
начальнику разведывательного отдела штаба
верховного главнокомандующего
о гражданской войне в Туркестане

№ 137

9 апреля 1919 г.

1) ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ К НОЯБРЮ
1919 г.¹¹

Продовольственный вопрос

Я прибыл в Ташкент с Петрограда в средних числах марта 1918 года. Уже тогда ощущался сильный недостаток продовольствия. Недостаток был главным образом в хлебе. Своего хлеба Туркестан не имел еще со времени развития хлопковой культуры. Хлеб (мукой или зерном) доставлялся из Оренбургской губ[ернии]. С весны 1919¹² года доставка хлеба сильно сократилась благодаря частому перерыву сообщения. Все[го] населению городов выдавалось: в марте по $\frac{3}{4}$ фунта на человека, в мае $\frac{1}{2}$ фунта, а в июне по $\frac{1}{4}$ ф[унта] и даже меньше. Хлеб самого низкого качества. Население же уездов хлеба не получало. Страдало от этого туземное население уездов, которое хлеба почти не сеет, но главным образом киргизы¹³, которые земледелием почти не занимаются.

Небывало суровая зима 1917–1918 года отняла у населения до 75% всего скота, который у киргиз является единственным кормильцем. Скот падал от бескормицы, так как [в] Туркестане для него запасов на зиму не делают, а выгоняют скот круглый год на подножный корм. С начала весны развилась страшная эпидемия голодного тифа, а затем и брюшного. Киргизы в полном смысле слова умирали с голоду десятками. Я сам видел ужасное зрелище по дороге с Ташкента на Поконт. По обеим сторонам дороги целой вереницей валялись на обочинах умирающие и мертвые мужчины, женщины и

дети – киргизы. Проезжающие русские, сарты¹⁴ и сами киргизы не обращали на них никакого внимания, потому что сами видели перед собою призрак голодной смерти. А умирающие были настолько слабы, истощены, что не имели силы ограбить проезжающих. Поздней весной, когда стали поспевать овощи и фрукты, голодные целыми бандами стали нападать на сады и огороды, и, как саранча, поедать все, что попадало. От этого развился брюшной тиф, и смертность еще увеличилась. Киргизы дошли до того, что продавали своих детей в рабство, главным образом девушек. За 100–200 рублей молодая девушка, часто еще ребенок, отдавалась на растление. Советская власть стала принимать меры борьбы с голодом. Организовывались по кишлакам общественные столовые, питательные пункты и проч. Сначала получалось впечатление большой пользы этой работы. Да так и должно было быть. Но на деле вышло другое. Все комиссары, которых ставили во главе какого-либо дела, стремились только к наживе. Получая громадные авансы, они через несколько дней скрывались вместе с деньгами. На их места ставили других, те повторяли тоже. И так без конца. Ташкентский банк не успевал печатать свои деньги. Деньги обесценивались почти совершенно. Советские денежные знаки не везде принимались по Туркестану, а в Фергане с трудом ходили даже керенки. Это объясняется тем, что Фергана ведет торговлю Кашгаром¹⁵, где, кроме романовских денег, никаких не принимают. Благодаря этому, торговля не только внешняя, но и внутренняя значительно сократилась.

В продовольственном отношении советская власть возлагала большие надежды на новый урожай 1918 года. А урожай обещал быть очень большим. Население, изверившись в возможность подвоза хлеба, стало сеять исключительно хлебные злаки. Хлопка почти не сажали. Кроме того, благодаря суровой зиме, громадному количеству выпавшего снега, получился большой запас влаги. От этого весной 1918 года взошли посевы богарного хлеба, которые благодаря засухе не взошли в 1917 году. Самый урожай обещал быть очень большой. Но и из этого ничего не вышло. Постоянные налеты красногвардейцев на кишлаки с целью реквизиции зерна, шалы, риса и проч. всегда сопровождавшихся насилиями и убийствами, настолько озлобили население, что, собрав необходимо[e] только для себя количество зерна, сарты остальное или зарывали в землю, или травили. Скот угоняли в горы, где их нельзя или очень трудно достать. Все арыки запахивались, плотины разбивались, желоба ломались. Даже капитальные сооружения по орошению уничтожались. Большое количество полей засохло, не успев созреть. Богачи говорили беднякам: «У нас есть закопанным много хлеба,

которым мы вас прокормим, а ваши поля пусть лучше погибнут, но не достанутся большевикам». Таким образом, советское правительство не собрало ни хлопка, на который возлагала большие надежды, ни запасов хлеба. От этого пострадало русское население городов, потому что реквизированное зерно в первую очередь раздавалось Красной армии.

2) СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА

а) Формирования

Количество войск, которым располагает советская власть в Туркестане, точно определить трудно. Во всяком случае, еще весной 1918 года их было очень много. На Оренбургском фронте была армия Степанова и Зиновьева¹⁶ численностью до 50000. Эти сведения я получил от красноармейца из татарского батальона, который перебрасывался с Оренбургского фронта на Асхабадский. Эта армия состояла из всевозможных отрядов, которые бежали с Волги, из-под Казани, Самары, Симбирска и др. городов под натиском чехословацких войск. В составе армии имеется два казачьих полка из молодых казаков Уральского и преимущественно Оренбургского войска. Однако в этих полках много кавалеристов. Затем «Жлобинский»¹⁷ отряд, состоящий исключительно из матросов. Этот отряд – краса и гордость советской власти, надежная опора большевизма. Славится своей твердостью, преданностью советской власти, сколоченностью¹⁸ и беспощадной жестокостью. Он прославился еще в центральной России при действиях против донских казаков. Есть несколько татарских батальонов, составленных из татар Казанской губернии. С несколькими человеками из них мне пришлось беседовать. Я получил впечатление, что они далеко не большевики. Хуже того, они введены в заблуждение. Они даже хорошо не знают, с кем они воюют и из-за чего. Служат частью потому, что хорошо платят, частью по принуждению. Остальные части Оренбургской армии состоят из отдельных отрядов, бежавших, как я уже упоминал, с Волги. Все они более или менее преданы советской власти и состоят в громадном большинстве из рабочих.

Семиреченская армия состоит из рабочих и бывших запасных полков, пополняемых крестьянами-новоселами. Во всех городах Туркестана стоят полки Красной армии – бывшие сибирские запасные полки. После демобилизации они значительно поредели и пополнились исключительно военнопленными. Больше всего в Красной армии мадьяр, но есть и чехословаки и поляки. Пополнение на фронт посылается исключительно из мадьяр. Так, я видел

отправлявшийся эшелон в 270 человек, из них больше 200 было мадьяр. В июне месяце 1918 года советская власть стала формировать туземные полки в городе Ташкенте. При мне было сформировано два полка из сартов и киргиз. Комплектовались они путем вольного найма, но дело не обошлось без обмана и насилия. Советская власть предполагала формировать и дальше по всему Туркестану такие полки под названием «национальных». Эмир бухарский прислал, якобы, для охраны советской власти 150–200 человек конных туркмен и бухарцев. Преданность, как национальность полков, так и бухарцев советской власти очень сомнительна.

б) Организация

Почти в каждом городе есть красная гвардия и Красная армия. Первая состоит исключительно из преданнейших рабочих и мадьяр. Прекрасно вооружена, одета и обута. Пользуется даже лучшей пищей и неограниченной свободой действия. Бывали случаи убийства самих комиссаров. И сами комиссары боятся красной гвардии, потому что они бессильны перед ней. В красной гвардии круговая порука, а потому они, чтобы не отвечать за других, восстают все до одного. На митингах часто такие заявления комиссаров: «Мы сами находимся как на бочке с порохом» или «Мы создали красную гвардию на свою голову» и прочее. Красная гвардия подчиняется исключительно советам, никакой организации не имеет. Состоит красная гвардия из отдельных отрядов с выборными начальниками во главе. Назначение красной гвардии – охрана советской власти. Поручения же она выполняет самые разнообразные: реквизиции, подавление беспорядков, расстрелы и прочее. На фронт не посылается, а живет по городам. Количество красной гвардии точно определить трудно, во всяком случае, незначительно.

Красная армия формируется из добровольцев по вольному найму. Полки устроены по образцу старых русских полков. Офицерский состав состоит из красных офицеров, выпущенных из красных школ, и просто из бывших выборных начальников. В красную школу может поступать кто угодно, даже без всякого образования. В Туркестане при мне не было таких школ, но проектировалось переделать Ташкентское военное училище. Для этого помощник военного комиссара Калашников имел на строгом учете всех бывших курсовых офицеров и лекторов училища, и никуда из Ташкента [их] не выпускал. Так, мой брат, бывший курсовой офицер Ташкентского училища, пожелал ехать в Памирский отряд вместе со мною. Калашников его не пустил, сказав, что он нужен ему для восстановления училища. Выехать без разрешения

из города нельзя. Таким образом, ему пришлось бежать через степь, через город Темир¹⁹ в Сибирь. Но не все это могут сделать, т. к. все офицеры взяты на учет, в особенности офицеры штабные и училищные. При чем, указывалось, что семья каждого бежавшего будет лишена продовольственных карточек и объявлена вне закона. А это равносильно с одной стороны голодной смерти, а с другой – ужасам красного террора.

В Красной армии в строю настоящих офицеров нет; я таких случаев не наблюдал. Но в штабах, в особенности в крупных, много штабных офицеров. Должности старших адъютантов занимают по большей части бывшие писаря этих отделений. Офицеры же занимают должности их помощников или начальников штабов. Одним словом, должности перемешаны между бывшими писарями и офицерами. В Ташкенте настроение штаба округа, который теперь назначается военным комиссариатом, антибольшевистское, несмотря на то, что там очень много писарей на офицерских должностях. Военным комиссаром назначен прапорщик Осипов, окончивший Ташкентское военное училище летом 1917 года (первый революционный выпуск). По мнению моего брата, бывшего у него курсовым офицером, он просто авантюрист, желавший сделать карьеру, не гнушаясь средствами. Он вечно враждовал и ссорился с другими комиссарами из-за организации армии. Прочие комиссары, не очень доверяя ему, поставили около него другого комиссара штабс-капитана Калашникова – офицера мирного времени – на должность управляющего канцелярией военного комиссариата. Калашников был раньше курсовым офицером Ташкентского военного училища, но в 1917 году осенью он был исключен из среды офицеров за несоответствующее офицерскому званию поведение. Этот офицер – убежденный большевик и ненавистник офицеров. Другие офицеры, служат, вероятно, из-за куса хлеба, хотя многие из них, служа в Красной армии, одновременно состоят членами офицерских организаций и всемерно помогают всем, чем только можно, извлекая возможно большую пользу из своего положения. Кроме этих офицеров, к сожалению, еще нашлись офицеры, которые пошли на службу инструкторами. Они обучают Красную армию по своим специальностям. Какие мотивы ими руководили, я не знаю, но работают они очень ревностно, и в офицерских организациях не состоят. Среди них я знаю артиллериста и самокатчика, он же бывший пехотный офицер.

Таким образом, Красная армия получает сравнительно хорошую подготовку в руках опытных старых офицеров. Мне пришлось видеть часть Красной армии, проходящей по улице. Впереди ехали

красные офицеры верхом, очевидно, старшие; за ними шла пехотная часть около батальона, имея впереди оркестр музыки. Среди пехотной колонны шла пулеметная команда из 8 пулеметов²⁰, за пехотой двигалась легкая батарея из 6 пушек, за ней 48 линейная мортирная батарея из 4 мортир и в хвосте колонны отряд красной конницы в самой разнообразной форме. Казачья, гусарская, драгунская и просто рабочая форма были перемешаны. Пехота и артиллерия одеты однообразно в защитную форму. Красные повязки не у всех, зато у каждого красного офицера громадный, во всю длину груди, красны бант. Форма у офицеров разнообразная. Конница вооружена шашками разного образца, преимущественно офицерского, и кавалерийскими 3-х линейными винтовками. Кроме того, у каждого красноармейца не менее 5 ручных гранат разных систем, пулеметы – Максима, но слышал, что есть и Кольта. Шли красноармейцы в полном порядке, держали все время ногу, равнение по фронту и в затылок, даже штыки были чисто подравнены. Производили впечатление хорошо выученной части мирного времени. Одеты во все новое, сапоги тоже на всех новые. Конское и людское снаряжение исправное. Видна чья-то опытная рука. Настроение бодрое, случаев неповиновения или нежелания идти на фронт не было. Озлоблены против красной гвардии, [в] т[ом]. ч[исле]. бывали вооруженные столкновения в пьяном виде, кончавшиеся нередко убийствами с обеих сторон. Но бороться с красной гвардией они не могут, потому что красногвардейцы являются хозяевами положения. Все склады оружия, патронов и снарядов находятся в их руках в очень ограниченном количестве патронов²¹. Красная гвардия, кроме того, располагает двумя бронированными автомобилями, при помощи которых быстро умирят недовольных. Кроме того, в распоряжении красной гвардии неограниченное число пулеметов. Красной армии патроны и пулеметные ленты выдаются только отправляемым на фронт или на учебные стрельбы. Красной гвардии принадлежит и авиационный отряд из десяти аппаратов, расположенный в Ташкенте. На обязанности отряда также лежит охрана советской власти. Каждый день несколько аппаратов совершают полеты над городом и окрестностями. Им вменяется обязанность разгонять пулеметным огнем и метанием гранат большие скопища людей. Из разговоров я мог установить, что запасы винтовок, пулеметов, орудий разных калибров, патронов, снарядов – большие. Во всяком случае, нужды в них у советской власти незаметно. Наоборот, заметно, что к хранению оружия относятся халатно. Я знаю много случаев продажи оружия туземцам, которые за винтовку платят

до 1000 рублей, а за пулемет – до 10000 рублей, за каждый патрон – по рублю и дороже. И очевидно это проходит безнаказанно.

в) Дисциплина

Выборное начало существует только в красной гвардии, в которой, кстати сказать, нет никакой дисциплины. В Красной армии начальники всех степеней назначаются старшими. Комитетами оставлены только хозяйственные²². Введена единоличная власть начальников. Начальникам дана большая дисциплинарная власть, до самоличного расстрела неповинующихся включительно. На этой почве было много кровавых столкновений между начальниками и подчиненными. Однако в результате советской власти удалось при помощи красной гвардии жестокими мерами ввести дисциплину в рядах Красной армии.

Таким образом, в лице Красной армии советская власть имела в то время внушительную силу для борьбы на фронтах.

г) Материальное обеспечение

По последнему декрету большевиков, было установлено жалование по 300 рублей каждому красноармейцу. Кроме того, каждый красноармеец пользуется пайком на всю свою семью. По этому пайку его семье выдается провиант: чай, сахар, масло, крупа, мука и проч. Мануфактура по реквизиции из магазинов, из интендантских складов обувь, теплое и холодное белье, бязь, тонкое сукно на костюмы, толстое сукно на шинели и пр. Всем семьям по реквизиции отводятся лучшие квартиры в городе со всей обстановкой. Таким образом, в то время, когда прочие граждане буквально не имели куска хлеба, красноармейцы и их семьи пользуются всеми благами жизни. Это искушение многие не выдерживают, и много слабодушных поступают в красную армию. Один красноармеец говорил мне, что они могли бы действовать гораздо успешнее на фронте, но что это им невыгодно, так как каждый из них за день, проведенный на передовых линиях, получает по 100 рублей суточных.

д) Мобилизации

В средних числах июля советской властью была объявлена мобилизация всеобщая. Некоторые комиссары говорили, что мобилизация объявлена в целях борьбы с англичанами. Мобилизация проходила очень плохо, т. к. советская власть могла мобилизовать только городское население. Крестьяне же, вообще, не признавали советской власти, а к мобилизации относились враждебно.

Советская же власть не имела тогда достаточно силы для борьбы с хорошо вооруженными крестьянами, т. к. все бывшие в их распоряжении части спешно отправлялись на фронт.

Каждый пришедший в воинское управление подвергался поверхностному осмотру, а затем должны были заполнить в списке против своей фамилии разные графы. Главная графа была о принадлежности к какой-либо партии. Вскоре, однако, выяснилось, что большевики терпят только принадлежность к своей партии и партии интернационалистов. Все другие партии, в том числе и партия анархистов, подвергались гонениям. В офицерском списке графа о принадлежности к партии была вовсе вычеркнута. Мобилизованных офицеров брали только на учет с указанием явиться по первому требованию, а солдат немедленно снаряжали, обмундировывали и принимались за обучение. Служащим в учреждениях разрешено было продолжать служить и жить в частных квартирах, но ежедневно являться в установленные часы на занятия.

3) ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

а) Русское население городов

Вся русская интеллигенция постепенно поступила на службу к большевикам. Все многочисленные учреждения, управления и комитеты были к осени 1918 г. заполнены учащейся молодежью и чиновниками. При чем от женщин ничего не требовали, а от мужчин требовалась принадлежность к какой-либо политической партии. Офицеров совершенно никуда не принимали. Некоторые офицеры проживали свое имущество и ничего не делали, но большинство составляли артели и принялись за обработку земли вблизи города. Все русское население городов было настроено против советской власти, не исключая и рабочих. На этой почве происходило много столкновений, но ничего решительного население сделать не могло, потому что не было организовано и не желало организовываться под руководством офицеров. Только коммерсанты, учитывая, что свержение советской власти без офицеров невозможно, всячески поддерживали офицеров и их организации. Ядром офицерских организаций явились те офицеры, которые вели борьбу с большевиками во время переворота 1917 года в сентябре и октябре месяцах. После переворота офицеры распылились по всему Туркестану и стали вербовать охотников. На помощь пришли кокандские коммерсанты, которые задумали организовать «Кокандское автономное правительство» и объявить Кокандский уезд и всю Фергану автономным государством для борьбы с большевиками

и объединения всего Туркестана. Кокандские коммерсанты не пожалели много миллионов рублей для достижения своей цели. Они платили большие деньги всем, кто хотел служить у них и бороться с большевиками. В особенности они вербовали офицеров. Автономисты имели много своих агентов по всем городам Туркестана. Эти агенты снабжали офицеров деньгами, документами и прочими и переправляли в Коканд. Они же усиленно скупали оружие. Привлекли на свою сторону известного Ферганского разбойника Иргаша с 5000 человек разбойников почти небооруженных. В городе Коканде был сформирован лезгинский батальон из лезгин и других кавказцев, живущих в Туркестане. Но, к сожалению, организация была очень плохая. Вербовали без разбора всех. Попали люди, которые выдали большевикам организацию. Советская власть приняла решительные меры для ликвидации автономии. Не имея возможности сразу послать отряд в Коканд для борьбы с войсками автономистов, советская власть привлекла на свою сторону другого разбойника, заклятого врага Иргаша. Снабдила его оружием, патронами и двинула на Коканд. И при содействии советских войск этот разбойник разбил Иргаша под самым Кокандом. Вся банда Иргаша бросилась бежать в город, преследуемая противником. Тогда туземное население Коканда, недовольное постоянными неурядицами, вызванными революцией, принялось резать русское население. Только благодаря лезгинскому батальону и офицерам, которые бросились в контратаку, город был спасен, разбойник был пойман и расстрелян, банды его почти уничтожены, а восстание в туземном городе подавлено. Большевики к этому времени выслали большой отряд с артиллерией и пулеметами в Коканд. Иргаш, потрясенный неудачей, и видя полное неустройство, бросил автономистов и ушел с остатками своей банды в Наманганские горы. С ним ушла часть офицеров и солдат. Лезгинский батальон тоже разошелся по тем же мотивам. Остатки офицеров опять разбрелись по всему Туркестану, снова вербуя охотников. Таким образом, к весне 1918 года Кокандская автономия была ликвидирована окончательно. Но к этому времени с фронта стали прибывать опытные боевые офицеры и взяли дело организации офицеров в свои руки. Дело велось в строгой тайне. Субсидировалась организация коммерсантами. Во главе организации стал известный в Туркестане генерального штаба генерал-майор Кондратович. Но, к сожалению, наряду с этой серьезной организацией возникло несколько других мелких с молодыми офицерами во главе, очень смелыми и храбрыми, но неопытными. Их предавали большевикам, а те производили массовые аресты, а затем расстрелы. Вместе с ними страдали часто

их товарищи, состоявшие в организации генерала К[ондратовича]. Все это очень тормозило и портило общее дело. В это время организация генерала К[ондратовича] налаживала агитацию среди населения. Но у советской власти слишком хорошо было поставлено охранное дело, и агитацию наладить было слишком трудно, и при наличии массовых арестов офицеров – почти невозможно.

б) Туземное население городов

При каждом городе Туркестана всегда имеется большой туземный город с населением в несколько раз превосходящим русское. Так туземный город Ташкент имеет до 500 000 населения. Все это население слишком далеко не только от большевизма, но и от всякого социального движения вообще. Не только по своему укладу жизни и обрядам магометане не могут понять социализма, но и по своей религии. Мне пришлось быть на митинге в туземном городе, где один старик сарт отвечал на речь комиссара. При одобрении многотысячной толпы он говорил: «Вы говорите, что дали нам свободу. На что она нам, когда вы отнимаете у нас наши обряды, ругаете наши обычаи, нашу религию, заставляете жить по-своему. Вы говорите, что старая власть была плоха, брала взятки и притесняла нас. Да, может быть, при старой власти и были некоторые плохие люди, но, беря взятки, они всегда делали дело, помогали нам в наших бедах. Тогда мы не умирали с голоду. Теперь вы поставили на место одного человека старого режима 15 своих, и каждый из них берет с нас в 10 раз больше, чем раньше, но ничего не делает». В заключение он сказал: «Не надо нам вашей свободы, только дайте нам спокойно работать и жить своим укладом жизни». Большевики, видя неудачу, оставили их в покое, но избрали другой путь. В Туркестане с недавних пор образовалась новая партия младосартов, требующая отмены многих отживших обрядов, универсального образования, создания школ по европейскому образцу и проч. Они восстают против [без]апелляционной власти стариков и всего отжившего, старого. Большевики, видя нарождающуюся вражду между младо и старосартами, постарались разжечь ее, помогая младосартам и развивая в них идею самоопределения. Сначала это им было удалось. Стали вспыхивать кровавые столкновения, старосарты начали вырезать младосартов, но это скоро прекратилось. Младосарты, по большей части со средним образованием, люди более или менее интеллигентные поняли провокацию большевиков. Они временно прекратили активную борьбу со старосартами. Мне пришлось разговаривать с младосартом из города Скобелева. Он говорил, что они, младосарты, также далеки от социализма, как

и старосарты. Они хотят только поднять Туркестан в культурном отношении. Что они далеки от мысли о самостоятельности Туркестана. Он говорил, что сейчас с одной стороны у сартов очень много оружия, а с другой – русские, занятые внутренней войной очень ослабли в Туркестане, и они легко могли бы выгнать русских. Но младосарты прекрасно признают, что самостоятельно существовать не могут, т. к. у них нет своих государственно-образованных людей. Нет юристов, докторов, инженеров, техников и проч. С другой стороны, они боятся подпасть под власть еврейского капитала очень сильного в Туркестане. Таким образом, большевики потерпели и здесь неудачу. Тогда они назначили народным комиссаром по внутренним делам казанского татарина Габитова, который стал путем террора внедрять большевизм в туземном городе. Это вызвало ряд покушений на него, и вскоре он получил 14 ножевых ран. От ран он скоро поправился, но его уже больше не назначали, боясь всеобщего восстания. Туземное [население] не выдало своего комиссара, бывшего моего однополчанина – офицера Ислама Худояр-Хана. Он сын бывшего Хана Кокандского, и его большевики обвинили в организации покушения против Габитова. Но ничего сделать не могли и оставили это дело. Худояр-Хан мне нередко говорил, что его цель сдерживать нарастающее недовольство в массах и удерживать народ от всеобщего восстания против русских. Он пользовался громадной популярностью среди населения, и благодаря этому ему удавалось сохранять порядок.

в) Русское население уездов

Русские села в Туркестане, разбросанные среди туземного населения, были хорошо вооружены властями и еще во время туземного восстания 1916 года. Кроме того, с весны 1918 года стали прибывать фронтовики, все с винтовками и патронами, привозя с собой нередко и пулеметы. Русские крестьяне сразу враждебно отнеслись к большевикам, за исключением новоселов, в особенности в Семиречье. Села в Туркестане очень большие, и представляют очень внушительную силу каждое в отдельности. Они живут очень богато, сами не работают, а пользуются наемным трудом туземцев. Каждый из них предоставляет собою мелкого собственника. Большевики оставили крестьян в покое, в особенности расположенных вдали от городов. А крестьяне замкнулись в своих селах, изредка выступая, когда задевали их интересы. Только в Семиречье новоселы всегда враждовавшие со староселами, сами более бедные, преследуя свои цели борьбы со староселами, были на стороне большевиков, и охотно шли в Красную армию, но только у себя в Семиречье.

Другую тактику взяли большевики по отношению туземцев в уездах. Тут они в полной мере проявили террор. Они систематически грабили беззащитное население, не ограничиваясь реквизицией зерна, скота и других пищевых продуктов, а забирая все ценные вещи: ковры, серебро, золото и проч. Во время этих налетов на кишлаки они свозили за собою целые обозы со спиртом и винами и напивались там, грабили, а обратно на этих же подводах и арбах увозили награбленное. В городе Ош такую банду красноармейцев догнали крестьяне села Узген, разогнали их, а награбленное сожгли на площади города перед казармами. Высланный против них отряд красногвардейцев из города Андижана с пушками и пулеметами не рискнул трогать крестьян и вернулся назад. Во время таких налетов всегда совершались убийства туземцев, совершенно бесцельные. Я сам был свидетелем стрельбы в цель по сартам и многих других убийств красногвардейцев отряда Салтановского, бывшего офицера военного времени. Все это страшно озлобило население вообще против русских, и, наблюдая туземцев, можно заключить, что чаша терпения может переполниться и тогда поднимется общее восстание против русских. И теперь нередко можно встретить на базарах дервишей, открыто проповедующих священную войну против неверных. Их сдерживает только свежее воспоминание о жестоком подавлении восстания 1916 года. Разбойник Иргаш после ухода кокандских автономистов снова организовал свою банду и начал борьбу с большевиками, делая постоянные налеты на города. К сожалению, он грабил всех русских, в том числе и крестьян, а последние не раз ополчались на него, прогоняя обратно в горы. К августу месяцу у Иргаша было, по слухам, 10 000 человек, но очень мало оружия.

г) Рабочие железнодорожных мастерских

В Туркестане еще очень мало фабрик и заводов, и главную массу рабочих представляют железнодорожники. В начале большевизма они были главными представителями большевиков. Но с течением времени более разумные элементы стали откалываться от большевиков, а к лету 1918 года уже почти все рабочие были против совдепа, недовольные его политикой. Постоянная внутренняя война уносила много жертв из их среды, а пользы они не видели. Из-за войны ощущался сильный недостаток хлеба и мануфактуры. Стали появляться постановления деповских рабочих со станций Туркестан, Перовск, Арыс о том, что если войн на Оренбургском фронте не будет прекращена, они не пропустят ни одного эшелона на фронт. Большевикам приходилось принимать экстренные меры. В конце июня месяца вспыхнуло восстание

в Асхабаде. Там находился большевистский комиссар Фролов²³, который ввел грабежи в городе в систему. Чтобы равномерно обирать население города, и чтобы награбленное равномерно расходилось по рукам красногвардейцев, он разделил город на участки, на каждый участок поставил красногвардейцев, которые были полными хозяевами и грабили все, что им хотелось. Не избежали этой участи и рабочие. Они стали требовать переизбрания советов. На это последовал ряд расстрелов. Тогда рабочие выбрали делегацию и послали для переговоров. Фролов испугался, не принял делегацию, велел их гнать, угрожая расстрелом. Рабочие бросились бить красную гвардию. Красногвардейцы, вечно пьяные, не были подготовлены, и их без труда перебили. Небольшая часть спаслась бегством. Сам Фролов был пойман и разорван толпой. Во главе восставших встал инженер путеец (фамилию не помню), который немедленно сформировал городскую милицию для охраны города и объявил выборы во временное правительство на основании четыреххвостки. Для борьбы с советскими войсками стали формироваться добровольческие дружины. На помощь восставшим пришли туркмены. Среди туркмен были русские офицеры и обученные туркмены бывшего конного туркменского дивизиона. В главе туркмен стал Хан-Иомудский – русский офицер. Большевики двинули войска из города Мерва на Асхабад, но под давлением асхабадцев и туркмен должны были отходить, т. к. были малочисленны, а из Ташкента войска подходили очень плохо. В это время комендант крепости Кушка с начальником штаба бежал в Афганистан, и советские войска, оставшись без руководителя, не пошли на помощь Мерву, боясь, что афганцы захватят Кушку²⁴. Мервские войска, оставшись одни, были наголову разбиты туркменами и асхабадцами и потеряли там все оружие. Я видел разбитый эшелон большевиков на станции Урзатиевская (Черняево). Их советская власть в наказание за бегство не приняла в Ташкент. Тем временем советская власть перебросила с Оренбургского фронта несколько частей, в том числе и татарский батальон и стала теснить асхабадцев. Закаспийское правительство обратилось за помощью к англичанам через Персию. Англичане прислали генерала Маллесона, у которого по слухам было до 2 полков индийских войск. При содействии их асхабадские войска оправились и стали теснить красных. По последним сведениям, дошедших до меня, асхабадцы снова заняли Мерв, затем Кушку и продвинулись до Чарджуя²⁵.

В Ташкенте к моменту асхабадского выступления положение советской власти было критическим. На Оренбургском фронте не-

удача. В Фергане разбойничает Иргаш. Командующий Семиреченской армией доносил, что сильные части чехословаков наступают на город Верный, и что он не может противодействовать. Восстание в Асхабаде и неудачи там советских войск. Рабочие среднеазиатских мастерских постановили не пропускать ни одного солдата на Асхабадский фронт. К ним присоединились рабочие ташкентских мастерских, наиболее преданных советам. Митинг рабочих длился почти непрерывно²⁶. Рабочие настаивали на немедленном переизбрании совета и комиссаров на основании четыреххвостки. Многие комиссары предлагали сдать власть, а самим бежать. Но комиссар Тоболин настаивал на сопротивлении. К концу второго дня он сам поехал на митинг, взял с собой 2 бронированных автомобиля, отряд красногвардейцев с пулеметами и под угрозой расстрела толпы стал говорить. В общем, его речь сводилась к следующему. Он уверял рабочих, что они, комиссары, не боятся потерять власть. Они всегда успеют вовремя бежать. Но рабочие при новой власти жестоко пострадают за свою преданность советской власти. Затем он говорил, что никакая другая власть не даст им того благосостояния, какое дала советская власть. При минимуме рабочих часов – максимум заработной платы. Он указывал, что буржуями стали теперь они, а настоящие буржуи ходят теперь с протянутой рукой и прочее в этом духе. К концу митинга он склонил толпу на свою сторону и добился пропуска войск на Асхабадский фронт. Добился поддержки мобилизации.

4) ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ НА МЕСТАХ

Между центральной властью на Ташкенте и властью по городам Туркестана наблюдается рознь, недоверие и даже вражда. Заметна тенденция, отделиться от центральной власти и действовать самостоятельно. Часто распоряжения центральной власти не исполняются на местах. Разные приказы, предписания, удостоверения и прочее²⁷ народных комиссаров не принимаются во внимание. Считаются с таковыми только от краевого совета.

а) Бухара

К лету 1918 года Бухара уже совершенно не признавала русских. После карательной экспедиции большевиков в Бухару для свержения эмира и водворения советской республики, русских в Бухару вовсе не пускают. Экспедиция эта была в начале 1918 года, сопровождалась большими зверствами и окончилась полной неудачей. Большевикам пришлось из Бухары уйти. Бухарцы же принялись

избивать русских, бывших в Бухаре. Особенно пострадали служащие Бухарской железной дороги, которая идет со станции Бухара Ср[едне]-Аз[иатской] ж.д. на гор. Термез. Эту дорогу бухарцы всю разрушили, перебивши много русских. Весной 1918 года весь Ташкент был переполнен беженцами. Наши мелкие пограничные с Афганистаном посты, расположенные в Бухаре, принуждены были частью бежать в Афганистан, частью – в отпуск с тремя казаками и учителем Буркаловым через Бухару. [Они] были в Дарвазе схвачены бухарцами, приведены в бухарскую крепость Кала-и-Хумб и там казнены. По Ср[едне]-Аз[иатской] ж. д. через бухарские владения бухарцы пропускают поезда, но станции охраняют своими войсками, которых раньше почти не было. Бухарская ж. д. не действует. А на участке Керей-Термез, где дорога идет по берегу Аму-Дарьи, все рельсы перетащены на Афганскую сторону. Из всего сказанного о Бухаре можно заключить, что большевики там не найдут последователей. Единственно чего они могут добиться – это общего восстания против вообще русских.

б) Китай

В примыкающих к Туркестану китайских владениях, как-то в Кульджей²⁸ и Кашгаре, настроение китайских властей явно антибольшевистское. С началом большевизма в Туркестане китайские власти стали тщательно проверять документы прибывающих русских подданных, страшно боясь занесения к ним большевистской заразы. Летом 1918 года они уже вовсе не разрешили проживать русским подданным в Кашгаре.

Даже приезжающим купцам не разрешалось оставаться больше одного дня. Все время пребывания в китайских пределах за каждым русским подданным усиленно следят и доносят властям. Купцам, русским подданным, которые почти все туземцы, китайские власти ставят всевозможные препятствия. Русский рубль весной в Кашгаре стоил три копейки, затем вовсе не стал приниматься, и только летом 1918 года рубль опять поднялся до 7–15 коп[еек]. В Кашгаре не разрешалось оставаться даже русским офицерам больше, чем на сутки. Когда китайские власти узнали, что большевики в Памирский отряд прислали чехословаков взамен ушедших русских солдат, то они категорически запротестовали и потребовали, чтобы на пост Таш-Курганский, расположенный в китайских пределах, чехословаки не назначались, в противном случае китайцы обещали выгнать их силой. Всего в Памирском отряде было до 150 человек чехословаков, в большинстве большевиков. Таким образом, китайские власти принимают все меры, чтобы оградить себя от проникновения

большевиков в Кашгар. Думается, что они особенно боятся не большевизма. В Кашгаре население не китайское. Китайцев очень мало, только чиновный класс. Остальное население – кашгарцы, киргизы, таджики и другие племена – возненавидели китайцев со времени завоевания Кашгарского ханства Китаем и бегства Бека-Кулибека в Россию с предложением присоединить Кашгар к России. Не любят туземцы китайцев главным образом за нечистоплотность в еде. По магометанским обрядам, магометане могут есть очень немногих чистых животных, остальных животных они считают нечистыми. А китайцы едят даже червей, змей и прочих гадов. Поэтому магометане считают китайцев нечистыми и относятся враждебно. Китайцы, учитывая это, расправляются с населением самыми жестокими мерами, всегда боясь восстаний, бывших уже не раз. Так вот, китайцы, вероятно, боятся проникновения большевиков в Кашгар, потому что они могут быть причиной новых восстаний, тем более что население Кашгара с большим уважением относилось не только к русским, но даже к русско-подданным сартам-купцам.

в) Афганистан

Никаких особенных мер против проникновения большевиков афганские власти не принимают. Да это и понятно. В Афганистан до последнего времени не пропускались европейцы вообще. Население Афганистана состоит из собственно афганцев, бухарцев, населяющих провинцию Бадахшан, и таджиков, живущих по берегу Пянджа и Вахандарьи²⁹. На восточной границе Афганистана живут еще мелкие разбойничьи племена, по большей части идолопоклонники, мало признающие афганскую власть: кафиры (Кафиристан), сияпуши (большей частью в Индии) и др. Афганцы, бухарцы и таджики-магометане, следовательно, далеки тоже от социализма. Кроме того, нагорный Афганистан настолько дик и некультурен, что проникновение туда европейцев весьма сомнительно. В собственно же Афганистане вокруг Кабула много фабрик и заводов, оборудованных по европейскому образцу. Там изготовляется механическая обувь, сукно, сахар и проч. По сведениям разведчиков Памирского района, там много рабочих занято на фабриках. Среди них большевики могут найти много последователей, если сумеют проникнуть туда. Есть основание предполагать, что за последнее время туда проникли русские рабочие.

Из афганских властей, с которыми мне пришлось столкнуться, ни один из них не имеет представления, что такое большевики. Слухи о них давно были занесены в Афганистан купцами, но афганские власти представляли себе большевиков в виде какой-то

нереальной опасности. Афганский аким³⁰ (должность нашего губернатора) спросил меня, чего хотят большевики, и, когда я сказал, что если они проникнут в Афганистан, то свергнут эмира и устроят республику, он усмехнулся и сказал, что я мало знаю Афганистан, что там это никогда не может быть: «Бог велел, чтобы на земле были и бедные, и богатые, и никогда того не будет, чтобы ничего не делающий имел столько же, сколько работающий».

О смерти эмира афганского я узнал уже по дороге из Индии во Владивосток. Знаю только, что при афганском дворе убийства эмира – обыкновенная вещь. Придворные интриги настолько сильны, что эмир, имея много сыновей от многих жен, не назначает себе наследника из-за боязни за свою жизнь. После его смерти вступает на престол тот сын, партия которого наиболее сильна и может посадить его эмиром. Таким образом, внутренняя война не прекращается почти никогда в Афганистане. Наш разведчик Абдул-Гаян-Хан сын бывшего владетельного хана Шагана, Рушана, Бахана, Бадахшана, Ишакшима и даже Яркенда, был предательски взят в плен вместе с отцом и всей семьей афганцами и отвезен в Кабул. В Кабуле всю семью казнили, а его оставили, так как он был грудным ребенком. Он воспитывался при дворе эмира и недавно бежал к нам. Он утверждает, со своими вечными войнами [Афганистан] настолько разложился, что до Кабула можно пройти с ротой русских солдат. Все сыновья эмира – пьяницы, развратники и глупые невежды, за исключением младшего, получившего английское воспитание, человека трезвого и гуманного. Вот в общих чертах положение Афганистана.

г) Индия

Северную Индию я прошел через перевал Багориль, по Читральской полузависимой провинции, по долине реки Обидар, через крепость Кала-и-Дрош на перевал Лаварай, по независимой разбойничьей стране Дир, откуда спустился в долину реки Чах-Дара, где начинается собственно Индия. И читралийцы, и дирцы очень мало культурные горные племена, в особенности последние. О большевизме они не имеют никакого представления и даже не слышали о нем. Но племена очень воинственные, готовые каждую минуту к восстанию против англичан. Восстания очень часты. Главный вожак последнего восстания Пратан бежал в наш Туркестан, и теперь в ноябре месяце пробирался снова в Индию для организации нового восстания. Его видели с большой шайкой у нас на восточных Памирах³¹. Англичане предлагали большие деньги за его голову. Имел ли он связь с большевиками, утвер-

дительно сказать трудно. Во всяком случае, он является национальным народным вожаком и преследует одну цель – свержение владычества англичан. Большевики могут его использовать, если имеют с ним связь, только для большего распространения народной войны.

В Индии собственно разговоров о большевизме я не слышал, наблюдать индусов не мог, т. к. не знаю урду³².

Капитан Безобразов.

С подлинным верно:

Делопроизводитель коллежский регистратор (подпись)

ГАРФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 203. Л. 1–9об., копия.

Примечания

¹ В советском Туркестане: Пер. с сартского // Вольный горец [Тифлис]. 1920. 2 авг.

² *Алексеев П.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 20.

³ Там же.

⁴ *Чокай-оглы М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. М.; Токио, 2001. С. 13.

⁵ *Сафаров Г.* Туркестан // Правда. 1920. 19 июня.

⁶ Чокаев Мустафа (в эмиграции Чокай-оглы, в современном Казахстане – Шокай) (1890–1941) – уроженец Сыр-Дарьинской области, выходец из аристократической казахской семьи. В 1914 г. закончил юридический факультет Петербургского университета. В Петрограде стал представителем Туркестана в Бюро при мусульманской фракции Государственной думы. После Февральской революции вступил в партию эсеров. В апреле 1917 г. Чокаев вернулся в Ташкент и стал идеологом туркестанских прогрессистов. После разгрома Кокандской автономии Чокаеву удалось бежать. Он стал членом Уфимской директории и вместе с другими ее руководителями был арестован колчаковцами в ночь с 19 на 20 ноября 1918 г. В 1919–1920 гг. Чокаев жил в Грузинской республике, издавал газеты в Тифлисе. После оккупации Грузии большевиками эмигрировал. В эмиграции авторитет Чокаева был очень высок, он входил в ЦК Туркестанского национального объединения. После прихода к власти Гитлера Чокаев побывал в 1933 г. в Берлине, где встретился с высокопоставленными чиновниками НСДАП. После распада СССР его работы получили известность в России и в новых государствах Средней Азии.

⁷ *Чокай-оглы М.* Указ. соч. С. 27.

⁸ *Хакимдисан.* В советском Туркестане // Вольный горец [Тифлис]. 1920. 19 июля.

⁹ *Сафаров Г.* Самарканд // Правда. 1920. 19 июня.

- ¹⁰ В советском Туркестане...
- ¹¹ В документе опечатка. Речь идет о 1918 г.
- ¹² В документе опечатка. Речь идет о 1918 г.
- ¹³ Этническое название казахов в дореволюционной России.
- ¹⁴ Этническое название узбеков в дореволюционной России.
- ¹⁵ Кашгар – город на западе Китая. Транспортный пункт на древнем тракте.
- ¹⁶ Зиновьев Георгий Васильевич (1887–1934) – из семьи военного чиновника. Участник Первой мировой войны. В 1918–1920 гг. командовал Оренбургским фронтом, войсками Туркестанской республики, Туркестанской армией и т. д. Награжден почетным золотым оружием и орденом Красного Знамени.
- ¹⁷ Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938) – командир Красной армии, из крестьян. Участник Первой мировой войны. В 1918–1920 гг. командовал Отдельной конно-пешей бригадой, 1-й Партизанской кавалерийской бригадой, 1-м конным корпусом и т. д. За боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени.
- ¹⁸ Так в тексте.
- ¹⁹ Темир – город в Казахстане.
- ²⁰ Слово неразборчиво.
- ²¹ Так в тексте.
- ²² Так в тексте.
- ²³ Фролов Андрей Игнатьевич (1892–1918) – большевик, бывший солдат, руководитель Самаркандской группы большевиков, делегат 2-го Всероссийского съезда советов. В июле 1918 г. был назначен чрезвычайным комиссаром правительства Туркестанской республики в Закаспийской области. Убит 12 июля 1918 г. в Кзыл-Арвате.
- ²⁴ Кушка – пограничный город на границе с Афганистаном.
- ²⁵ Чарджуй – ныне город Чарджоу в Туркменистане.
- ²⁶ Так в тексте.
- ²⁷ Так в тексте.
- ²⁸ Кульджа – города на северо-западе Китая. Важный экономический центр региона.
- ²⁹ Пяндж и Вахандаря – реки на севере Афганистана, на границе с Туркестаном.
- ³⁰ Так в тексте.
- ³¹ Так в тексте.
- ³² Урду – один из литературных языков Индии. Официальный язык современного Пакистана.

Критика и библиография

С.В. Зверев, А.М. Пашков,
Е.В. Пчелов

История научной геральдики в России как объект фальсификации: о книге О.Н. Наумова

На всё бросая новый взгляд,
В котором мало очень толку,
Он силится продеть канат
В псевдо-учёную иголку.

<...>

Манера эта пыль пустить
И похвалиться знаньем дела
Невежду может удивить
И всем ужасно надоела.

Е.Е. Люценко, 1870 г.

Вынесенные в эпиграф два четверостишия из написанной почти полтора века назад шуточной оды археолога Е.Е. Люценко (1806–1884) касались методов исследований некоторых его коллег того времени. Но эти слова, с иронией или без, вполне актуальны и сегодня в отношении публикаций продолжателей подобного стиля работы.

Примером служит книга О.Н. Наумова «Научная геральдика России» (М., 2013). В аннотации к ней указано, что автор предлагает «оригинальную концепцию становления и эволюции геральдического знания», а также особо подчеркнуто, что докторская диссертация автора, которая легла в основу данной монографии, была официально признана ВАК РФ «лучшей диссертацией по историческим наукам в России за 2004 г.». Эта информация еще раз повторена в тексте самой книги и, по-видимому, должна не только придать «официальный» статус изложенному в ней взгляду, но и обезопасить автора от возможной критики. Понятно, что вполне

заслуженно была дана высокая оценка масштабам и объемам диссертационного исследования, знанию соискателем ученой степени библиографии геральдики и широкому аннотированному обзору более ранних публикаций по теме. Но сами выводы и замечания автора при этом вовсе не подлежат «канонизации». В области вспомогательных исторических дисциплин немало примеров диссертаций, блистательно выполненных и оказавших заметное влияние на развитие науки, многие выводы которых были позднее значительно уточнены или даже опровергнуты. Времена «единственно правильных» учений и «официально признанных» концепций в науке, будем надеяться, миновали, и мы позволим себе остановиться на содержательной стороне дела, попытавшись выяснить особенности авторского видения истории научной геральдики в России. Сразу заметим, что авторская концепция действительно оказывается на поверку весьма «оригинальной».

Уже во введении книги автор критикует историографические разделы о геральдике в работах предшественников за «обзорность, отсутствие концептуального подхода, избирательность информации» (С. 9). Но дальнейшее ознакомление с книгой убеждает, что последний из перечисленных недостатков в полной мере характерен для самой работы О.Н. Наумова. Представить себе более избирательную и необъективную историю русской научной геральдики сложно.

Прежде всего, автор без ложной скромности берет на себя роль некоего строгого судьи, в изобилии раздающего нелицеприятные характеристики работам предшественников и коллег. Например, раздел о геральдике в учебном пособии «Специальные исторические дисциплины», написанный М.Ю. Медведевым (авторство которого не указано, вероятно, сознательно), охарактеризован как «неполный», «отрывочный» экскурс, зависимый от «субъективных, предвзятых оценок, искажавших общую картину дисциплины» (С. 15). «Полностью ошибочными» следует, по мысли автора, оценивать «рассуждения» о геральдике В.В. Румянцевой (С. 12). И подобные примеры далеко не единичны. О.Н. Наумов точно знает, что правильно и неправильно, верно и неверно, внося тем самым в свой текст тот самый субъективизм, в котором столь охотно обвиняет других.

Уважение к предшественникам, несмотря на все возможные недостатки их трудов, – один из основополагающих принципов научного знания, а уважение к учителям – и вовсе вопрос не только научный, но и этический. И здесь следует обратить внимание на те способы, с помощью которых автор создает свою версию истории научной геральдики в России.

В предлагаемом О.Н. Наумовым списке «ведущих специалистов в области геральдики и иных исторических дисциплин» за все время ее существования как науки, вплоть до сегодняшнего дня (С. 17), читатель не найдет ни Е.И. Каменцевой (хотя присутствует Н.В. Устюгов), ни А.Л. Хорошкевич, ни И.В. Борисова, ни Г.И. Королёва, ни Р.А. Симонова, ни А.П. Черныха, ни М.Ю. Медведева, ни О.И. Хоруженко, ни П.А. Дружинина, ни других авторов, чьи труды внесли немалый вклад в геральдическую науку. Зато в нем присутствует, например, Г.В. Ражнёв – автор весьма сомнительных с научной точки зрения сочинений. Уже этот список однозначно свидетельствует о характерном для монографии О.Н. Наумова субъективном подходе.

По отношению к «неугодным» ему авторам О.Н. Наумов выбирает две основные стратегии. Первая стратегия – замалчивание. В книге просто не упоминаются труды тех исследователей, которых он стремится вычеркнуть из истории отечественной научной геральдики. И это при том, что достоинством собственной работы автор признает анализ (!) нескольких тысяч трудов российских геральдистов. О.Н. Наумов – хороший библиограф, но результаты его работы в этой области слабо отразились в представленной книге. В его арсенале есть и еще один способ – по возможности не упоминать авторства тех разделов о геральдике, которые вошли в коллективные труды, например в учебные пособия. Так, автором геральдического раздела учебника «Введение в специальные исторические дисциплины» (М., 1990) является А.П. Черных, а учебника «Специальные исторические дисциплины» (СПб., 2003) – М.Ю. Медведев. Однако узнать об этом из текста книги невозможно. Вторая работа вообще характеризуется О.Н. Наумовым как воплощение «амбициозных устремлений автора, когда вместо общепринятых норм излагалась личная позиция, не получившая признания науки», сопровождаемое рисунками «чрезвычайно низкого художественного качества» (с. 355). Иными словами, делается все, чтобы как можно реже встречались фамилии «нелюбимых» Наумовым авторов в тексте его книги.

Вторая магистральная стратегия автора – это стремление всеми силами дезавуировать научное значение геральдических работ некоторых ученых в тех случаях, когда не упомянуть их труды просто невозможно. Особенно ярко это проявляется по отношению к научной школе Историко-архивного института, выпускником которого, кстати, был сам О.Н. Наумов. Хотя «достаётся» и многим другим исследователям.

Особенно неприятное впечатление производит сделанное О.Н. Наумовым без каких-либо пояснений изменение оценок деятельности ряда ученых на диаметрально противоположные. Ведь раньше, при жизни теперь столь неприятных автору лиц, он писал об их научном творчестве совершенно иное – да оно и понятно, тогда в этих исследователях он был заинтересован лично: Е.И. Каменцева (1920–2004), например, была научным руководителем его кандидатской диссертации, а И.В. Борисов (1937–2011) – одним из официальных оппонентов. Поэтому в своих статьях того времени он писал о большой научной и организаторской деятельности Е.И. Каменцевой с, казалось бы, искренним уважением (*Наумов О.Н. Е.И. Каменцева и научные семинары в Историко-архивном институте // Гербовед. М., 1995. № 7. С. 6–8*). И.В. Борисов также характеризовался им самым положительным образом (*Наумов О.Н. Игорь Владимирович Борисов и отечественная геральдическая историография // Гербовед. М., 1997. № 17. С. 4–11*).

Но теперь именно с ними О.Н. Наумов «расправляется» особенно безжалостно. Полностью вычеркнуть из науки эти имена ему не удастся, а вот представить их ничтожными эпитонами он старательно пытается. Учебник Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова – единственный, по сути дела, учебник по геральдике в советское время, сыгравший колоссальную роль в сохранении преподавания и исследования геральдики в тот период, охарактеризован О.Н. Наумовым как пример «квазиучебной» (!!!) литературы. Некоторые разделы, по его мнению, изложены «бегло», с «фактическими неточностями», для учебника характерны «серьезные теоретические просчеты, методическая несостоятельность, пропуски целых разделов и проблем», «минимальное количество случайно избранной информации» и т. д. и т. п. (С. 278–280). О.Н. Наумов не постеснялся даже привести цитату Н.В. Устюгова из личной переписки, в которой тот резко отозвался об одном из разделов учебника, написанного Е.И. Каменцевой, как пример для подтверждения собственных выводов. Оставляя в стороне моральную корректность таких приемов, следует помнить об особенностях источников личного происхождения: одно дело личный разговор, а другое – публичная оценка. И делать подобного рода мнения подтверждением собственных сомнительных выводов ни с научной, ни с этической точки зрения неоправданно.

Поразительно, что, по мысли Наумова, его учитель Е.И. Каменцева в научной геральдике больше никакого следа не оставила. Ни словом не упоминается даже основанный ею в Историко-архивном

институте Научный семинар по геральдике, существующий до сих пор и издавший несколько сборников своих трудов, а также с 2003 г. и поныне публикующий ежемесячный бюллетень – все это теперь О.Н. Наумов считает недостойным упоминания. Это раньше он писал о созданном Е.И. Каменцевой Геральдическом семинаре: «Ей удалось реализовать на практике новый для нашей исторической науки к 1980-м гг. способ организации исследовательской деятельности, имеющий важное значение ещё и потому, что использован по отношению к узкой области вспомогательных исторических дисциплин» (*Наумов О.Н.* Е.И. Каменцева и научные семинары в Историко-архивном институте. С. 8). Теперь эти свои слова О.Н. Наумов нарочито «забыл».

Классификацию вспомогательных исторических дисциплин, предложенную Е.И. Каменцевой, О.Н. Наумов ныне считает несовершенной, противопоставляя ей классификацию «выдающегося и тонкого знатока источниковедения» С.М. Каштанова (С. 360). Отметим, что эта характеристика ныне здравствующего уважаемого ученого, выступившего ответственным редактором его монографии, не вызывает сомнений. Но наблюдая определенную устойчивую тенденцию «двоемыслия» О.Н. Наумова, невольно возникает вопрос: что он впоследствии напишет об этом замечательном ученом, когда тот перестанет быть ему нужным?

Даже само название – вспомогательные исторические дисциплины, – на котором всегда настаивала Е.И. Каменцева, О.Н. Наумов заменяет теперь «специальными историческими», словно в пику своему учителю, утверждая, что прежнее название некорректно. Однако серьезного и доказательного обоснования более «корректной» терминологии он предпочел избежать.

Столь же искусственным О.Н. Наумову кажется выделение эмблематики в качестве самостоятельной дисциплины (отметим: эмблематике посвящена одна из работ Е.И. Каменцевой) (С. 64), хотя это научное направление и в западной науке, а теперь уже и в российской развивается довольно активно. Кстати говоря, сам О.Н. Наумов ранее, видимо, когда считал это для себя это полезным и потому обоснованным, совершенно спокойно обозначал эмблематику в качестве отдельного направления исследований (*Наумов О.Н.* Список печатных трудов Е.И. Каменцевой по геральдике, сфрагистике и эмблематике // Гербовед. М., 1995. № 7. С. 24–25) и даже писал, что «И.В. Борисовым разрабатываются научные и практические проблемы эмблематики, формирующейся в последние два десятилетия как научная дисциплина» (*Наумов О.Н.* Игорь Владимирович Борисов... С. 10).

Но теперь И.В. Борисов в истории геральдики, «по версии Наумова», оказывается в еще худшем положении. О.Н. Наумов в своей книге умудрился даже не упомянуть его кандидатской диссертации, защищенной еще в 1987 г., – первой отечественной диссертации, посвященной родовой геральдике (в то время как, например, о диссертациях ныне здравствующих Н.А. Соболевой и Г.В. Вилинбахова в тексте книги говорится). Более того, теперь труды И.В. Борисова объявляются «ничтожными» в научном отношении и кажется, нет таких уничижающих эпитетов, которыми О.Н. Наумов не «наградил» бы их: «низкого научного уровня», «грубые недостатки», «ими фактически нельзя пользоваться» и т. д., и т. п. (С. 370, 381–383, 384–385).

Действительно, ряд работ И.В. Борисова содержит некоторые фактические неточности и ошибки, не вполне безупречную подачу архивных материалов, сокращения текстов (что, кстати, не редкость в современных публикациях письменных источников), но это отнюдь не уничтожает их научного значения и важности для определенного этапа возрождения российской геральдики (и тем более не представляет собой примера фальсификации, т. е. сознательного искажения источников, в чем И.В. Борисова прямо обвиняет Наумов). Когда-то это было очевидным и для О.Н. Наумова: «Благодаря трудам И.В. Борисова в научный оборот вошло множество никем ранее не использовавшихся архивных источников и фактического материала. Им создана история практической и научной родовой геральдики России, заложены основы геральдического источниковедения, продолжены прерванные 1917 г. научные проекты, высказаны новые, перспективные идеи» (*Наумов О.Н.* Игорь Владимирович Борисов... С. 10). Но ныне ситуация изменилась на прямо противоположную, ведь мертвые, как говорится, не ответят...

Следует сказать, что работы и других ученых нередко получают у О.Н. Наумова необоснованную нелюбезную характеристику. Причем зачастую он критикует их не за то, что в их трудах есть, а за то, чего там нет, – прием вообще-то не вполне корректный. Так, А.Е. Махов в своем предисловии к переизданию «Символов и эмблемата» умалчивает о роли этой книги в развитии русской геральдики (С. 386), хотя выяснение этой роли, возможно, и не входило в задачу автора предисловия к новому изданию. Не указывая многих исследователей или упоминая их только в негативном смысле, О.Н. Наумов тем не менее вполне положительно оценивает сомнительные философские рассуждения и публикации Г.В. Ражнёва, а книгу Г.В. Ражнёва и Н.Г. Ран-

чуговой «Двуглавый орел в культуре России, Востока и Запада: социальные представления», лишенную ссылок на источники изображений, именуует работой «глобального» уровня, благодаря которой «появляется возможность устанавливать генезис изображений и их взаимное влияние друг на друга» (С. 327). Положительной оценки автора удостоивается в действительности весьма поверхностная книга-альбом В.А. Лебедева, также посвященная двуглавному орлу, а целый ряд откровенно псевдонаучных публикаций, как, например, эмигрантская работа В.С. Новикова или книги художника А.Г. Силаева, соседствуют с серьезной научной литературой. Автор даже уделяет место паранаучным концепциям Носовского и Фоменко (С. 359–360), вообще находящимся за пределами какой бы то ни было историографии.

Понятно, что упоминание и аннотирование подобных сочинений необходимо О.Н. Наумову для создания впечатления всеобъемлющего охвата работ по геральдике самого разного, пусть даже совсем невысокого, уровня. Это позволяет ему утверждать, что печатные материалы «привлечены с исчерпывающей полнотой – более 3000 работ» (С. 16), и закамуфлировать замалчивание работ авторов, пристрастно исключенных им из своего варианта истории геральдики.

При этом О.Н. Наумов в очень небольшой степени учитывает взаимосвязь геральдики с традиционно близкими ей дисциплинами, например с нумизматикой. Он даже не упоминает советские нумизматические исследования 50–80-х годов прошлого века, в которых рассматривались геральдические сюжеты. Примерами служат книги и статьи В.М. Потина, В.Н. Рябцевича и И.И. Синчука (геральдика европейских монет, личные дворянские гербы на польских монетах XVI–XVII вв.), Н.Д. Мец и А.С. Мельниковой (об отражении в геральдическом оформлении русских денег политических изменений в жизни страны в XX в.), Д.Г. Капанадзе и Е.А. Пахомова (родовые знаки Багратидов на грузинских монетах), Д.Я. Фёдорова (гербы на монетах Прибалтики) и др. Такие работы не только касались отдельных вопросов геральдики, но поддерживали интерес к этой науке в СССР в период, когда сама ее необходимость ставилась под сомнение.

О.Н. Наумов не дает оценки даже основательным каталогам В.В. Узденикова (1919–2008) по русским монетам 1700–1917 гг., где были подробно рассмотрены государственные и территориальные гербы, помещенные на монетах. Эти книги одного из наиболее авторитетных отечественных нумизматов оказали огромное влияние на распространение знаний по геральдике среди

работников музеев, где имелись нумизматические фонды, и среди коллекционеров старинных монет. Из всех работ В.В. Узденикова автор упомянул в тексте только изданную в 1998 г. книгу о геральдическом оформлении российских монет, снабдив комментарием: «Сугубо нумизматический метод поштемпельного анализа, удачно использованный В.В. Уздениковым, позволил на качественно новом уровне осмыслить визуальные модификации двуглавого орла» (С. 347). Такое удивительное заявление показывает не вполне верное понимание О.Н. Наумовым терминологии нумизматики. Видимо, он что-то слышал о некоем методе поштемпельного анализа, но совсем не представляет его сути. В процессе ручной чеканки монет, когда один из штемпелей изнашивался, то парный ему еще продолжал использоваться, но в сочетании уже с другим штемпелем, взятым вместо изношенного. Так получались «родственные» монеты, связанные по одному из штемпелей. Анализ штемпельных связей позволяет исследователю построить хронологический ряд монет, чеканенных на одном монетном дворе. Однако В.В. Уздеников никогда не применял этот метод в своих исследованиях, поскольку он писал о монетах машинной чеканки Императорского периода, на которых имеются даты, а поштемпельный анализ используется для работы с более ранними монетами XIV–XVII вв., чеканенными вручную несопряженными штемпелями и в основном не датированными. В книге О.Н. Наумова проигнорированы и многие нумизматические исследования конца XX – начала XXI в., касающиеся геральдических сюжетов. Их спектр достаточно широк – от простого описания герба при атрибуции монеты до работ, специально посвященных монетной и медальной геральдике.

В отношении также близкой геральдике бонистики О.Н. Наумов со ссылкой на единственную малозначимую компилятивную статью, опубликованную в 1999 г., заявляет, что «впервые изучались геральдические аспекты в бонистике» (С. 347). Очевидно, ему просто не известен огромный пласт публикаций по истории бумажных денег и ценных бумаг. Библиографический указатель по бонистике, опубликованный в 2006 г. А.Г. Барановым, М.В. Абросимовым и Ю.А. Артемьевым содержит 4393 наименования книг и статей. Многие были посвящены периоду революции и Гражданской войны, когда на денежных знаках отмечено большое разнообразие самых разных геральдических символов. В публикациях можно видеть описания гербов на банкнотах, анализ причин использования тех или иных символов разными властями и организациями, рассмотрение вариантов гербов и т. п. Вся эта работа бонистов в области геральдики О.Н. Наумовым вообще не учитывается. Это тем более

странно, что в ряде бонистических каталогов даже присутствуют специальные геральдические разделы. В качестве примера можно взять вышедший колоссальным тиражом (200 000 экз.) и более чем доступный каталог А.И. Малышева, В.И. Таранкова, И.Н. Смиренного «Бумажные денежные знаки России и СССР» (М, 1991), где среди справочных материалов дан раздел «Гербы, помещавшиеся на денежных знаках России и СССР». Иными словами, геральдика воспринимается О.Н. Наумовым как некая «вещь в себе», находящаяся в слабой связи с другими вспомогательными историческими дисциплинами.

Нужно отметить, что, критикуя «обзорность», сам О.Н. Наумов нередко представляет читателю обычный историографический обзор. Причем иногда он повторяет ошибки или неточности более ранних исследований. Например, он пишет, что в одной из своих работ А.В. Орешников установил «два важнейших факта», один из которых – «что первое изображение орла как воспроизведение восточной эмблемы на русской монете относилось к концу XIV в.» (С. 170), хотя этот вывод был опровергнут дальнейшими исследованиями. В.К. Лукомский установил, как отмечает О.Н. Наумов, что гербовник Марка Амброзиуса «заимствовал изображение из “Хроники Констанцкого собора 1413 г.”, составленной в 1483 г. К. Грюненбургом» (С. 258), хотя автором этой Хроники был У. Фон Рихенталь, а не К. Грюненберг. Историография вообще рассматривается О.Н. Наумовым по преимуществу как нечто изолированное. В книге отсутствует идейно-политический, культурно-исторический и общеисториографический контекст – создается впечатление, что научная геральдика в России развивалась в отрыве от развития исторической науки в целом, как в России, так и за рубежом. Что на нее мало влияли те или иные общекультурные или идейно-политические установки, за исключением советского времени, когда геральдика оказалась в числе практически забытых наук. Отсюда и все эти хлесткие обвинения с позиций сегодняшнего дня, почти без учета того, что историография есть такой же «продукт» своей эпохи, как и другие области исторического знания. Представления же О.Н. Наумова об историографии в целом характеризует, например, использование им термина «дворянская историография», характерного как раз для историографической науки советского периода (С. 189).

Результаты своих наблюдений О.Н. Наумов стремится представить как можно более научными. Для этого им активно используется разнообразная терминология, которая в данном случае приобретает псевдонаучный характер. «Семантический агностицизм»,

«инвариантная дефиниция», «антиномии», «визуальная парадигма» – все эти и многочисленные подобные термины в избытке рассыпаны в тексте книги. На неискушенного читателя они, видимо, должны произвести впечатление сугубой научности, однако их употребление в любом труде все же должно быть обоснованным. Но в книге О.Н. Наумова использование таких терминов носит явно избыточный характер и имеет цель прикрыть очевидность и тривиальность многих наблюдений и выводов особым, «научным языком». При этом некоторые термины употребляются не вполне точно – так «страта» понимается им как «уровень» (С. 77), хотя этот социологический термин означает социальный слой или общность. А группы родовых гербов, оказывается, могут стать «предметом самостоятельного дискурса» (С. 249), как и идеи одного из геральдистов выдавались за «результаты собственного дискурса» (С. 259) – понятно, что теперь это слово можно применять к чему угодно, но все же остаются общепризнанные рамки.

Заменяя последовательно слово «общество» на «социум», «исследование» на «дискурс» (что неверно) и т. д., наполняя текст всевозможными терминами современной гуманитарной науки, излагая банальные вещи высоким «научным» штилем, отсекая целые пласты геральдической историографии и давая субъективные оценки оставшимся, О.Н. Наумов являет «оригинальную» концепцию истории научной геральдики в России, в полной степени соответствующую всем тем недостаткам, за которые он нещадно критикует предшественников и коллег. Но главное – он сознательно вносит искажения в историю развития отечественной научной геральдики, делая ее объектом фальсификации.

С.Ю. Шокарев

Монография Л.А. Беляева
«Некрополь Данилова монастыря
в XVIII–XIX веках» (М., 2012)
и перспективы исследований
московского некрополя

Л.А. Беляев является крупнейшим специалистом по московской археологии. Ему принадлежит ведущая роль в изучении надгробных памятников, погребального обряда и некрополя русского средневекового города. Итоги многолетних исследований московских монастырей и их кладбищ (Высоко-Петровского, Бого-явленского, Данилова, Зачатьевского, Новодевичьего и др.) обобщены им в нескольких монографиях¹ и методическом пособии².

Монография «Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008)» выпущена в свет издательством «Даниловский благовестник» совместно с Институтом археологии РАН в 2012 г.³ Широта исследовательских задач, комплексный подход, сочетание археологических методов и архивного поиска придают этой монографии особое значение, в том числе методологическое.

С полнотой исследований Л.А. Беляева о некрополе Данилова монастыря, может сравниться многолетнее изучение (в том числе и археологическое) кладбищ Троице-Сергиевой лавры и Иосифо-Волоколамского монастыря⁴. При этом в работах исследователей главное внимание уделяется средневековому некрополю, а погребения XVIII–XIX вв. не рассматриваются либо упоминаются эпизодически. Правда, в последние годы и поздний некрополь Троице-Сергиевой лавры стал предметом исследования – в 2014 г. под руководством А.В. Энгватовой проведено изучение кладбища Московской духовной академии, находящегося на территории лавры⁵.

Монография Л.А. Беляева, напротив, посвящена новому для традиционной археологии материалу – некрополю XVIII–XIX вв., – который ранее не считался объектом, достойным ученых. «Погребения позже 1700 года в область археологии не попадали,

при земляных работах их можно было не исследовать и, собственно, «не полагалось» исследовать», – отмечает автор⁶. Появление и развитие в России постмедиальной археологии в значительной степени связано с археологическим «бумом» 1990–2000-х годов, когда в первую очередь в Москве проводились масштабные археологические работы. Важную роль в этом процессе играли и потребности Церкви – археологическое сопровождение строительных работ, поиск и атрибуция захоронений исторических лиц (в основном святых и подвижников)⁷.

В Даниловом монастыре стремление руководства монастыря обнаружить отдельные захоронения (в первую очередь архиепископа Никифора (Феотокиса), умершего в 1800 г.) открыло новый этап в истории исследований монастырского некрополя. Он характеризуется сочетанием методов археологии и традиционного источниковедения (письменных и изобразительных источников), что дает основу для реконструкции утраченного монастырского кладбища. Методика данной работы и итоги исследования отражены в настоящей монографии – в текстах Л.А. Беляева и приложении, составленном С.А. Смирновым, реконструировавшим топографию монастырского кладбища на основании материалов некрополиста 1920-х годов А.Т. Лебедева.

Монография состоит из введения, в котором рассказывается история изучения автором некрополя Данилова монастыря и характеризуется методология, трех глав и заключения.

Каждая из глав книги представляет собой особый исследовательский сюжет, демонстрирующий методы научного поиска, применяющиеся при решении разных задач и изучении разных объектов исследования.

Первая глава «Гробница архиепископа Никифора (Феотокиса): опыт археологической идентификации исторического погребения» посвящена работам, проведенным в 2006–2007 гг. Как уже говорилось выше, поиск могилы архиепископа Никифора (Феотокиса) потребовал составления общего плана монастырского некрополя, что было выполнено Сергеем Алексеевичем Смирновым на основании материалов А.Т. Лебедева. Но эта масштабная работа не привела к обнаружению искомого захоронения. Оказалось, что могила архиепископа не была отмечена Лебедевым на плане и во время фотофиксации 1920-х годов. Тогда исследователи предположили, что могила иерарха может находиться под галереей храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, построенной после смерти Никифора (Феотокиса), что впоследствии подтвердилось.

Искомое захоронение обнаружилось далеко не сразу, в пределах южной галереи – под лестницей, ведущей в апсиду во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба. Это было богатое погребение – дубовый гроб, обитый снаружи темно-бордовым бархатом с позументами, а внутри – светлым шелковым атласом, на верхней крышке золотными лентами выложен Голгофский крест и др. В гробу покоились останки в архиерейском облачении, на которые были возложены панагия, наперстный и на престольный кресты, Евангелие в окладе. Однако для идентификации этих предметов было недостаточно, поскольку в Даниловом монастыре во второй половине XVIII – первой половине XIX в. были погребены несколько архиереев. Анализ предметов из погребения постепенно ограничивал его датировку периодом 1790-е – 1809 гг., и окончательно решить вопрос о принадлежности захоронения удалось благодаря тому, что в погребении была обнаружена красная лента ордена Св. Анны. Из всех архиереев, погребенных в Даниловом монастыре, только Никифор (Феотокис) был награжден этим орденом⁸.

Подводя итоги, Л.А. Беляев отмечает, что успешное решение задачи состоялось благодаря: 1) комплексному изучению известных источников; 2) вскрытию значительного участка и атрибуции группы захоронений, а не одной, произвольно избранной могилы; 3) привлечению разных специалистов для атрибуции артефактов из захоронения⁹. Действительно, сочетание этих методологических приемов является необходимым для успешной атрибуции захоронения исторического лица. Еще один метод – антропологическую реконструкцию – в данном случае применить было невозможно из-за плохого состояния костей черепа, однако исследование скелета подтвердило принадлежность захоронения мужчине хрупкого телосложения, возможно, жителю Средиземноморья.

Нельзя не отметить, что исследователям сопутствовала удача – если бы в захоронении не было Аннинской ленты, атрибуция была бы не столь однозначной. Могла возникнуть и обратная коллизия. Например, во время строительных работ в 1949 г. был вскрыт некрополь Георгиевского монастыря. Среди других находок там было обнаружено погребение мужчины с орденом Святого Андрея Первозванного¹⁰. Однако в Георгиевском монастыре были погребены три кавалера ордена Святого Андрея Первозванного – князь И.Ф. Ромодановский (ум. в 1730), граф М.Г. Головкин (ум. в 1731) и граф А.Б. Бутурлин (1694–1767)¹¹, и непонятно, чье захоронение было найдено. Неизвестна также и судьба самого ордена.

К сожалению, результаты исследования Л.А. Беляева не были учтены при подготовке статьи о Никифоре (Феотокисе) для

«Московской энциклопедии», и в ней не сказано об обнаружении погребения архиепископа и результатах его исследования и идентификации¹².

Вторая глава «Могила Николая Васильевича Гоголя: история – миф – археологическая реальность» затрагивает одну из известных москвоведческих легенд. Перенесение останков Н.В. Гоголя из некрополя Данилова монастыря на Новодевичье кладбище и якобы сенсационные результаты вскрытия могилы (исцарапанная изнутри крышка гроба, перевернутые останки, трубы-воздуховоды, и, наконец, отсутствие черепа в могиле) стали питательной средой для мифотворчества. До настоящего времени вопрос о состоянии останков Н.В. Гоголя на момент вскрытия 1931 г. не разрешен, однако археологическое изучение могилы писателя в Даниловом монастыре дает ценную и интересную информацию. Исследование остатков первоначального погребения Н.В. Гоголя производилось во время наблюдений над земляными работами. К этому времени С.А. Смирновым был составлен подробный топографический план кладбища, и точно установлено место могилы писателя.

Легенды, связанные с судьбой останков Гоголя, восходят к его духовному завещанию. В нем содержится просьба: «Не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном». Воля писателя не была принята во внимание. Впрочем, первоначальный памятник на могиле Гоголя был скромным – холм и деревянный крест. Позднее, по распоряжению С.Т. Аксакова¹³, из Крыма была перевезена гранитная глыба, которая стала Голгофой – основанием для креста.

На фотографии 1886 г. видно, что к этому времени к кресту и Голгофе добавилось массивное надгробие из черного полированного гранита, по сторонам которого были нанесены четыре ветхозаветные цитаты (в их числе знаменитая: «Горьким словом моим посмеюся. Иеремия, гл. 20, ст. 8»)¹⁴. Более четко установить хронологию создания мемориального комплекса на могиле писателя помогут документы из фонда Данилова монастыря и в первую очередь могильные книги. Эта тема еще ждет своего исследователя.

К началу XX в. могила Гоголя обветшала, о чем часто писали в периодике того времени. Инициатива москвичей С.С. Лужина, С. Вакурова и М.М. Лихущина в 1903 г. «привести в благоустроенный, по возможности, вид» могилу Н.В. Гоголя была по непонятной причине отклонена монастырскими властями¹⁵.

Наконец, в 1909 г. во время подготовки к празднованию 100-летия писателя начались работы по благоустройству могилы писателя, средства на которые выделила городская казна.

Общий ход работ по благоустройству могилы писателя Л.А. Беляев прослеживается по публикациям московской прессы, оказавшимся весьма информативным источником. Сообщения журналистов начала XX в. подтверждаются результатами археологического изучения бывшей могилы Гоголя, проведенными во время строительных работ зимой и весной 2008 г. В ходе исследования перед археологами предстала следующая картина:

Наиболее поздняя кладка... представляла собой правильный прямоугольник кирпичных стенок с лежащим на них уплощенным перекрытием («свод Монье»)... толщина стенок – в 2 кирпича (около 0,5 м); кирпич формованный, хорошо обожженный (размер 25–26×12–13×6–7 см), клейм на нем не встречено; кладка на композитном растворе (смесь цемента, песка и извести); система привязки близка к «цепной» («полукрестовой»); швы с внутренней стороны образовавшегося короба обработаны подскребкой... Конструктивно сооружение явно не принадлежит к типовым погребальным: по размеру оно существенно превосходит рядовые московские «склепы», а мощная кладка в два кирпича на композитном растворе не имеет аналогов. Техника кладки не позволяет отнести сооружение ко времени ранее рубежа XIX–XX веков...¹⁶

Внутри этого мощного «короба» археологами была обнаружена «типичная для городских могил XVIII – начала XX в. кирпичная обкладка, чаще неточно называемая “склепом”. Данный “склеп” имел в плане характерную форму вытянутой трапеции, расширенной к западу (размеры внутри 2,0×0,65–0,80 м). Верх обкладки (обычно сводчатый) не сохранился, стенки уцелели до пяти кирпичей (около 0,4 м)... Важно отметить отсутствие следов перекрытия: его остатки в таких “склепах” неминуемо обрушиваются на крышку гроба, где и обнаруживаются при раскопках. Здесь, однако, таких остатков не оказалось: они явно удалены ранее. Внутри могилы не встречено также абсолютно никаких следов захоронения, костей или фрагментов, частей одежды или гроба; дно “склепа” явно тщательно вычищено. Следует думать, что погребение в “склепе” было в прошлом раскопано, все останки изъятые, а яма вновь засыпана»¹⁷.

Таким образом, результаты археологических раскопок и свідетельства письменных источников дают подробные сведения об устройстве могильных сооружений над прахом Н.В. Гоголя. К сожалению, Л.А. Беляевым не был использован еще один важный источник – «Дело о реставрации памятника на могиле Н.В. Гоголя на кладбище Даниловского монастыря, о постройке трибун и эстрад, об украшении Арбатской площади к дню торжественного

открытия памятника Н.В. Гоголю на Арбатской площади», находящееся в Центральном историческом архиве Москвы. В этом деле содержатся описание произведенных строительных работ, смета на эти работы, чертеж плана и разреза надгробных сооружений¹⁸. Из этого дела также известно, что могила была обнесена железной кованой решеткой с чугунными лирами и венками, созданной по рисунку и моделям Н.А. Андреева фирмой Эриха Виллера¹⁹.

В таком виде мемориал Гоголя просуществовал до 1917 г. В 1919 г. монастырское кладбище было закрыто для захоронений, а основную часть территории обители заняли рабочие общежития, затем здесь разместилась колония для несовершеннолетних преступников. Некрополь стали постепенно разрушать, исчезновение угрожало и могиле писателя. Тогда было принято решение о переносе могилы Н.В. Гоголя и некоторых его современников, литераторов и друзей (А.С. Хомякова, Е.М. Хомяковой, Н.М. Языкова, Д.А. Валуева) из Данилова монастыря на Новодевичье кладбище.

История переноса праха Гоголя и интригующая подробность этого события (отсутствие черепа в захоронении) хорошо известны, стали сюжетом популярных публикаций, передач и даже телефильма С. Кожевникова «Тайна смерти Гоголя». Наиболее подробную запись об этом событии оставил писатель В.Г. Лидин, бывший очевидцем переноса²⁰. Для нас важно, что археологическое исследование первоначального места захоронения писателя дает ценную информацию для изучения вопроса об исчезновении головы Гоголя из могилы (хотя и не решает его полностью). Во-первых, исследование конструкции могилы 1909 г. подтверждает слова В.Г. Лидина и повышает достоверность его сообщения. Во-вторых, описанное Л.А. Беляевым сооружение (свод, внутри которого находится первоначальный склеп с гробом) исключает возможность того, что череп в результате подвижек в земле отделился от скелета и оказался на иной глубине (высоте), чем другие кости. Не то что за пределы «короба» 1909 г., но и за границы первоначального склепа череп «угулять» не мог. Последнее заставило автора этих строк пересмотреть взгляды на судьбу гоголевского черепа. Ранее мы предполагали (опираясь на свидетельство другого очевидца переноса праха писателя, Н.П. Сытиной), что череп оказался выше захоронения, первоначально был отброшен в сторону, но затем погребен вместе с другими костями скелета²¹.

Еще одним (тоже косвенным) аргументом в пользу изъятия черепа из могилы, которое произошло в период с 1852 по 1931 г., является обнаружение на дне кирпичного склепа первоначального захоронения единственной антропологической находки – первого

шейного позвонка, так называемого атланта. Согласно экспертизе, проведенной специалистом по физической антропологии М.Т. Яблонским, с известной долей вероятности можно сказать, что позвонок принадлежал мужчине 40–50 лет, грацильного сложения, только начинающему страдать от заболевания позвоночника. Таким образом, принадлежность позвонка Гоголю весьма вероятна. Л.А. Беляев пишет: «Как известно, при неосторожном или поспешном изъятии черепа из захоронения именно этот позвонок (атлант) часто теряют неопытные эксгуматоры»²².

Полученные результаты и их сопоставление с имеющимися данными о судьбе гоголевского захоронения привели Л.А. Беляева к следующему выводу: «...трудно отрицать возможность частично (заказного или нет – не берусь судить) разорения могилы при ее практически бесконтрольном вскрытии в 1909 году...»²³. С этим выводом нельзя не согласиться. Кто и зачем изъяс череп писателя из захоронения? – ответ на эти вопросы могут дать дальнейшие архивные изыскания (как вариант решения проблемы эксгумация могилы Гоголя на Новодевичьем кладбище не может рассматриваться по моральным соображениям). Не исключено, что эти вопросы останутся нерешенными.

Третья часть монографии «Безымянные погребения: археологические наблюдения 1983–1987 гг. на кладбище Данилова монастыря» представляет значительный интерес для изучения погребального обряда XVIII–XIX вв. Это – рядовые, в основном безымянные захоронения (иногда читаются эпитафии или их фрагменты). Л.А. Беляев, опираясь на полевые дневники, показывает конструкцию могил, описывает надгробия и цитирует надписи, погребальный инвентарь (разнообразные сосуды, пуговицы, крестики, иконки, медальоны), а также фрагменты гробов. Эпиграфические сведения из этой части монографии дополняют общий список погребенных на некрополе Данилова монастыря, могут быть использованы в генеалогических изысканиях.

В «Заключении» автор подводит итоги исследования, указывая, что оно выходит за рамки москвоведения, истории конкретного кладбища и обители. Важные методологические выводы, сформулированные по итогам работ в Даниловом монастыре, касаются принципов археологической идентификации погребений исторических личностей – задачи крайне актуальной в связи с запросами церковной археологии²⁴. Л.А. Беляев формулирует девять принципов, которыми должен руководствоваться исследователь, чтобы добиться «сравнительно уверенной идентификации погребенных». Это – широта исследования, затрагивающая весь некрополь, а не

единственное захоронение; предварительный поиск письменных и изобразительных источников по всем вопросам, связанным с данным некрополем и конкретным захоронением; историческая (археологическая) методология; осторожность в проведении естественно-научных экспертиз; привлечение нескольких экспертов; высокий статус экспертов и др.²⁵ Применение этих принципов дало успешные результаты в работах автора на некрополе Данилова, Зачатьевского²⁶ и Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале (погребения князей Хованский и Пожарских), работах коллектива ученых под руководством А.К. Станюковича в Новоспасском монастыре²⁷ и в ряде других случаев. Напротив, отход от подобных принципов порождает скандальные ситуации с обнаружением псевдозахоронений князя Юрия Долгорукого в церкви Спаса на Берестове²⁸, Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре, Ивана Сусанина в Костромской области²⁹ и др.

Монография сопровождается обширными приложениями. Это – итоги экспертиз, полевые дневники и рисунки, описи и фотографии находок, тексты источников, содержащих описание некрополя. Все они важны для изучения истории некрополя и погребального обряда XVIII–XIX вв. Однако Приложение № 25 имеет большое самостоятельное значение и заслуживает отдельного рассмотрения. Это – труд С.А. Смирнова «Историческое кладбище Московского Данилова монастыря: материалы описания и реконструкция старого кладбища в восточной половине монастыря», который является монографией внутри монографии Л.А. Беляева (как по объему – почти 200 страниц, так и по значению).

Работа С.А. Смирнова представляет собой обширную реконструкцию утраченного некрополя Данилова монастыря, выполненную на основании материалов некрополиста и фотографа 1920-х годов Александра Тимофеевича Лебедева (1868–1943). Коллежский ассессор А.Т. Лебедев стал фотографом-любителем в 1899 г. В начале XX в. он выполнил по заданию инициатора многотомного издания некрополей Санкт-Петербурга и Москвы великого князя Николая Михайловича многочисленные фотографии надгробий на столичных и провинциальных кладбищах. Эти материалы (три альбома «Русские кладбища») сохранились в фотоархиве Института археологии в Санкт-Петербурге. В 1918 г. А.Т. Лебедев переехал в Москву и уже по собственной инициативе в 1920-е годы сделал сотни снимков на московских кладбищах, фиксируя уничтожавшийся на его глазах старинный некрополь города. В 1988 г. зять Лебедева В.В. Быков передал восемь альбомов его фотографий в Государственный музей архитектуры

им. А.В. Шусева. Всего в альбомах 852 фотографии надгробий с монастырских кладбищ Москвы – Донского, Новодевичьего, Даниловского, Алексеевского, Спасо-Андроникова, Симонова и др. На отдельные участки кладбищ Донского, Даниловского и Новодевичьего монастырей А.Т. Лебедевым были составлены схемы расположения могил, по тем же монастырским кладбищам, а также Ваганьковскому и Лазаревскому городским кладбищам – списки погребенных. Списки являлись указателем к планам кладбища, на которых могилы были отмечены цифрами³⁰.

Материалы А.Т. Лебедева легли в основу исследования С.А. Смирнова, который ранее уже опубликовал реконструкцию утраченного некрополя московского Покровского монастыря³¹. Реконструкция утраченных московских некрополей и отдельных захоронений стала разрабатываться методологически и практически еще с 1990-х годов³². Важное место в этих работах занимает исследование материалов некрополистов и краеведов 1920-х годов с применением методов топографии и фотограмметрии. Работы С.А. Смирнова на настоящий момент наиболее полно и подробно реконструируют утраченные монастырские кладбища и в методологическом отношении являются образцом для дальнейшей работы.

С.А. Смирнов полностью опубликовал рукопись А.Т. Лебедева «Списки погребенных в Московском Даниловом монастыре: Указатель к Плану кладбища с нумерацией могил», составленную в 1927–1928 гг.³³ В трех списках, охватывающих Старое кладбище в северо-восточной части монастыря, учтено 899 захоронений, из которых некоторые не атрибутированы (стоит помета Лебедева: «не разобрать»). При этом в архивном списке погребенных в Даниловом монастыре с XVI в. по 1860-е годы учтено 2084 человека³⁴. Для сравнения – описание кладбища Донского монастыря, составленное в 1899 г., учитывает 1540 захоронений³⁵, Симонова монастыря 1847 г. (с дополнениями 1850–1860-х годов) и 1866 г. (с дополнениями 1870–1900-х годов) – более 1000³⁶.

Список Лебедева сопровождается топографическими и иными указаниями и дополнениями («общая гранит[ная] плита», «насыпь и дерев[янный] крест» и др.), указывается и степень сохранности: «повален», «развалился», «крест сбит».

Эти данные являются ценнейшими для дальнейшей реконструкции некрополя, которая может быть осуществлена уже средствами трехмерной графики.

Вторая часть публикации – фотографии кладбища. Опубликован 51 снимок А.Т. Лебедева (некоторые приписываются ему предположительно), а также фотографии Данилова монастыря

и его некрополя, выполненные в 1880–1930-е годы Н.А. Найденовым, А.Т. Саладиным, неизвестными авторами. На каждой фотографии С.А. Смирновым при помощи списков Лебедева атрибутированы все памятники.

Сопоставив план, список и фотографии Лебедева, С.А. Смирнов смог создать общий топографический план некрополя, повторяющий лебедевский план, однако выполненный в масштабе и с четкой привязкой могил к сохранившимся или существовавшим в 1920-е годы архитектурным объектам – храмам, зданиям, стенам и башням монастыря³⁷. Локализация могильных рядов и отдельных памятников теоретически позволяет восстановить уничтоженный некрополь. Такая работа по степени подробности и точности полученных данных уникальна и прошла апробацию. Благодаря изысканиям С.А. Смирнова удалось локализовать местонахождение бывшей могилы Н.В. Гоголя, и дальнейшие археологические изыскания подтвердили эту локализацию.

Методология, которую применил С.А. Смирнов, позволяет создавать подобные реконструкции и по другим утраченным некрополям (или их отдельным участкам), на которые существуют столь же подробные материалы краеведов 1920-х годов. Это – некрополь Донского, Новодевичьего, Спасо-Андроникова, Симонова и некоторых других московских монастырей, Братское кладбище. Конечно, далеко не везде будут получены столь же полные и точные результаты, но полученных данных будет вполне достаточно для восстановления памяти об утраченных захоронениях. В настоящее время на утраченных некрополях мемориализация памяти о погребенных осуществляется чаще всего без учета топографии захоронений, по новым проектам планировки или в виде благоустройства территории (Братское кладбище, Симонов монастырь и церковь Рождества в Старом Симонове и др.).

При том, что исследование Л.А. Беляева и С.А. Смирнова вводит много новых данных по истории некрополя Данилова монастыря, оно не является исчерпывающим. Авторы не ставили перед собой задачу полностью реконструировать биографический состав утраченного кладбища (примером подобной реконструкции является книга Н.А. Филаткиной «Некрополь Алексеевского монастыря. 1841–1924 гг.»³⁸). Монография представляет собой итоги историко-археологических исследований, проводившихся в 1980-е и в середине 2000-х годов связи с конкретными задачами, поставленными перед учеными властями монастыря. Результатами исследований стали не только конкретные наблюдения и новые данные, но и важные разработки в области методики – комплексный

историко-археологический исследовательский подход, методы идентификации исторических погребений, локализации утраченных захоронений, реконструкции плана уничтоженного некрополя, утверждение за некрополем Нового времени прав на научное изучение.

Сопоставляя полученные данные с перспективами изучения московского некрополя, необходимо отметить в первую очередь удачное сочетание источниковедения письменных и изобразительных источников с археологическими исследованиями. После Л.А. Беляева этот метод должен стать обязательным для всех археологов, которые будут работать с московским некрополем. Вместе с тем история раскопок в Даниловом монастыре (да и на других московских кладбищах) показывает, что археологические работы на некрополях чаще всего вызваны далекими от науки причинами. Это закономерно: целенаправленные раскопки христианских некрополей в наше время невозможны. В связи с этим возрастает значение работы С.А. Смирнова и других исследований, опирающихся на письменные и изобразительные источники. Реконструкцию некрополей, восстановление топографии и внешнего облика надгробных памятников следует рассматривать как независимый от археологии и продуктивный метод.

Примечания

- ¹ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М., 1994; 2-е изд. 1995; 3-е изд, доп. 2010 (электронная книга); *Он же.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.
- ² *Беляев Л.А.* Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М., 2011.
- ³ *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX вв.: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Данилов мужской монастырь, Даниловский благовестник, Институт археологии РАН, 2012. Автор рецензии осознает, что она запоздала, но важнейшее методологическое и практическое значение книги диктует необходимость в настоящей публикации, тем более что результаты и значение монографии ничуть не устарели.
- ⁴ Опуская дореволюционную библиографию, отметим работы последнего времени: *Ткаченко В.А.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV–XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Вишневский В.И.* Некрополь Троице-Сергиевой Лавры. Открытия последних десятилетий XX в. //

- Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв.: Материалы к своду. М., 2006. Вып. 1; *Он же*. Новые находки надгробий князей Ростовских в средневековом некрополе Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.) // История и культуры Ростовской земли. 2010. Ростов, 2011. С. 92–101; *Он же*. Редкие виды орнамента на средневековых белокаменных надгробиях из Троице-Сергиева монастыря и их датировка // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2012. С. 139–149; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в.: Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009; *Чернов С.З.* Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г.: Старый и новый приделы // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы науч.-практ. конф. ... М., 2008; *Он же*. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г.: Погребения «за церковью» и «за старым приделом» // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы науч.-практ. конф. ... М., 2013; *Чернов С.З., Гончарова Н.Н.* Некрополь к западу от Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря по данным археологических исследований 2009 г. // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы науч.-практ. конф. ... Вып. 3. М., 2015; *Чернов С.З.* Некрополь Успенского собора 1484 г. в Иосифо-Волоцком монастыре: новые исследования 2013 г. // Подмосковный летописец: ист.-краевед. альм. 2015. № 3 (45). С. 90–95; и др.
- ⁵ *Энговатова А.В., Васильева Е.Е., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Никитин С.А., Решетова И.К.* Археологические исследования некрополя Московской духовной академии // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество»: Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М., 2015. С. 13–20.
- ⁶ *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 9.
- ⁷ *Смирнов Ю.А.* Обретение и перенесение мощей святых, чтимых Русской Православной Церковью, в России с 988 по 2001 г.: Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей / Под ред. А.К. Станюковича. Звенигород, 2003. С. 148–164; *Станюкович К.А.* Основные проблемы церковной археологии // Там же. С. 10–27. См. также: Монахиня Иосифа (Егасова). Дневник очевидца от обретения Святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого до открытия их для поклонения 2001–2003 гг. Иосифо-Волоцкий монастырь, 2015; и др.
- ⁸ *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 18–36.
- ⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁰ *Рабинович М.Г., Латышева Г.П.* Из жизни древней Москвы. М., 1961. С. 169.
- ¹¹ *Снегирев И.М.* Русская старина: Год четвертый. 2-е изд. М., 1883. С. 47–49.
- ¹² *Козлов В.Ф.* Никифор (в миру Николай Феотокис) // Моск. энцикл. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 3: М–О / Под ред. С.О. Шмидта. М., 2010. С. 187.

- 13 Л.А. Беляев пишет об И.С. Аксакове. Упоминается в этом качестве и Константин Аксаков. Этот вопрос еще требует изучения.
- 14 *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 42.
- 15 РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 517. Л. 1–2об.
- 16 *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 44–45.
- 17 Там же. С. 49.
- 18 ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 54. Д. 748. Л. 15–22, 25, 31об.–33, 144.
- 19 Там же. Л. 7–9об.
- 20 *Лидин В.Г.* Перенесение праха Гоголя / Публ. и предисл. Л.А. Ястржембского // Росс. арх.: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 245, 246; См. также: *Шокарев С.Ю., Ястржембский Д.А.* Дом Гоголя. М., 2014. С. 121–135.
- 21 *Шокарев С.Ю., Ястржембский Д.А.* Тайна головы Гоголя // Гоголь в Москве / Гл. ред. С.О. Шмидт, отв. ред. В.П. Викулова. М., 2011. С. 308, 309.
- 22 *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 60.
- 23 Там же. С. 62.
- 24 См.: Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей / Под ред. д-ра ист. наук А.К. Станюковича. Звенигород, 2003.
- 25 Подробнее см.: *Беляев Л.А.* Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М., 2011.
- 26 *Кренке Н.А., Беляев Л.А.* Монастырский некрополь XVI–XVII вв.: Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVIII вв.: Материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. М., 2006; *Беляев Л.А.* В Зачатьевском монастыре: Опыт инвентаризации древностей в церковную среду // Московское наследие. № 11. 2009. С. 28–30.
- 27 *Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черношвилов П.Ю.* Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
- 28 *Ивакин Г.Ю.* Некрополь церкви Спаса на Берестове и в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // Росс. археология. 2008. № 2. С. 107–117.
- 29 *Беляев Л., Бужилова А., Петров А.* Патриотический скелет в народном шкафу: Опыт фальсификации с помощью археологии и судебной криминалистики // Фальсификации источников и национальной истории. Материалы круглого стола. 17 сент. 2007 г. М., 2007. С. 9–15.
- 30 *Трутнева Н.Ф.* Александр Тимофеевич Лебедев – фотолетописец московского некрополя // Надежда Федоровна Трутнева – москвовед, музейный работник, человек... / Сост.: В.Ф. Козлов, Н.Д. Трутнев. М., 2008. С. 70–75.
- 31 *Смирнов С.А.* Некрополь: История Покровского монастыря и монастырского кладбища: Архивные и библиографические изыскания к проекту восстановления утраченного монастырского кладбища. М., 2006.
- 32 Первый опыт подобной работы – идентификация надгробия композитора П.П. Булахова на Ваганьковском кладбище и его восстановление по фотографии Лебедева, датированной 1928 г., – был осуществлен в 1990-е годы по

инициативе известного некрополиста М.Д. Артамонова (*Артамонов М.Д.* Московский некрополь. М., 1995. С. 58, 59). В 2007–2010 гг. на основании комплексного анализа различных источников, методов фотограмметрии, георадарной съемки и натурных исследований был восстановлен семейный некрополь Третьяковых на Даниловском кладбище (*Бехтиева Е.* Третьяковский некрополь // Русское искусство. № 4. 2010. С. 90–99). Значительная работа по реконструкции кладбища Спасо-Андроникова монастыря была проведена сотрудниками Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева А.А. Малиновым, И.Ю. Ледовской, Е.Н. Гуровой и Т.Н. Кудрявцевой. Составлен план монастыря в масштабе 1:100, на который нанесены существующие архитектурные сооружения, данные археологических изысканий, проекции исторических планов, планировочная структура некрополя по чертежу П.Д. Барановского и генеральный план монастыря 1950 г. В числе источников для составления плана и обозначения на нем конкретных захоронений использовались фотографии, выполненные в 1927 г. В.Н. Моргуновой-Рудницкой. Итогом работы стал проект частичной реконструкции исторического некрополя Спасо-Андроникова монастыря, который так и не был осуществлен (*Ледовская И.Ю., Малинов А.А.* Некрополь Спасо-Андроникова монастыря // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1996. С. 35–38; *Малинов А.А., Ледовская И.Ю.* Некрополь Спасо-Андроникова монастыря: по материалам П.Д. Барановского // Донской монастырь: история и современность. Вып. 6. М., 1996. С. 26–31).

³³ *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 285–324.

³⁴ РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 424.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7280.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 2. Д. 5, 6; ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 1735.

³⁷ О методике этой работы: *Беляев Л.А.* Некрополь Данилова монастыря... С. 13.

³⁸ *Филаткина Н.А.* Некрополь Алексеевского монастыря: 1841–1924 гг. М., 2016. Для составления полного списка погребенных на кладбище Данилова монастыря могут быть использованы материалы из фонда монастыря в РГАДА. Это – могильные книги, вкладные книги, билеты на погребение, список погребенных и другие документы за 1781–1918 гг.

Хроника

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

Научный семинар
по геральдике и вспомогательным
историческим дисциплинам ИАИ РГГУ:
хроника заседаний *(продолжение)*

2014, 4 декабря

Заседание 174

М.Ю. Романов, член Союза краеведов России

«О гербовых знаменах стрелецких полков (к вопросу об иконографии государственного герба России в конце XVII века)»

2015, 18 февраля

Заседание 175

С.В. Зверев, канд. ист. наук, заведующий Отделом нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля; А.Г. Баранов, канд. ист. наук
«Серия пробных банкнот для Монголии 1916 г.»

2015, 1 апреля

Заседание 176

В.В. Мишин, член Союза геральдистов России

«Геральдика Крыма: прошлое, настоящее и будущее»

2015, 6 мая

Заседание 177

Л.П. Зайцева, канд. ист. наук, заведующий учебно-методическим кабинетом ВШ ИВСИД ИАИ РГГУ

«История научного кабинета-музея кафедры вспомогательных исторических дисциплин»

2015, 2 июня

Заседание 178

В.И. Кагановский, коллекционер-скриптофилист

«Скриптофилия как предмет коллекционирования и изучения»

2015, 30 сентября

Заседание 179 (выездное)

Экскурсия А.С. Кручина по выставке «Утешение в нашей беженской жизни»: О России и русском зарубежье – языком филателии» (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына).

2015, 29 октября

Заседание 180

М.А. Шуткина, ст. науч. сотр. Отдела нумизматики ГИМ
«Две английские литые медали первой половины XIX в. из собрания Государственного исторического музея (Все могут короли)».

2015, 25 ноября

Заседание 181

К.А. Елохин, науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
«Геральдика инков в XVI–XVII вв.»

Abstracts

K. Erusalimsky

Herik-Rurik, his companions and descendants
in works by prince A.M. Kurbsky

By the example of Prince A.M. Kurbskii's historic visions the author of the article demonstrates how roots of the Russian ruling dynasty and Muscovite boyars were reinterpreted in the history-writing of the second part of the 16th century. Kurbskii asserted the legend about Rurik's and his companions' German ethnicity so far as ideas of original imperial status of the "Grand Rus", priority of saint princes and their descendants in the rights for the power in Russian lands and especially Princes Ostrozhskaa and Slutskii's rights to become sovereigns in Russian lands of the Polish-Lithuanian commonwealth and the whole Russian land.

Key words: historical culture, Rurikovichs, Varangian question, A.M. Kurbskii, Kurbskii's literary collection.

V. Gerasimova

"Life and adventures" of a converted Jew. To the issue
of adaptation of neophytes
in the Russian empire of the 18th century

The article analyses a group of sources highlighting stages of biography of a converted Jew from Salonica whose name was Ivan Pavlov. He came to Russia in 1753. During his stay in the Russian empire he gained rich experience in interaction with the state bureaucracy. He also personally came to the reception to the Empress Elizabeth. On the basis of archival sources the author reconstructs one of the possible ways of adaptation of the neophyte of Jewish origin to a new socio-cultural environment. The article is accompanied by the publication of the neophyte's petitions to her Majesty. It sets out an extraordinary personal story of the applicant, which claims to be a «track record», so important for getting governmental support.

Key words: conversion to Orthodoxy, Jews in the Russian empire, judaists, heterodoxes, adaptation.

A. Malygina

Drawing of the reception of Polish ambassadors by Dmitry the False I in Faceted chamber on the 3^d(13th) of May 1606 from the manuscript of Herzog August bibliothek (Duke August library) Wolfenbuttel (Germany).
Source study

The article considers an image of the reception of Polish ambassadors by Dmitry the False I from manuscript of Philipp Hainhofer in comparison with the same plot painting from Budapest National Museum and its copy from The State Historical Museum Moscow.

Key words: Dmitry the False, Time of Troubles, Russian history, Art history.

L. Molchanov

“The Soviet government established an unprecedented national oppression in Turkestan”

This publication is dedicated to the history of the Civil war in Central Asia in 1918. The published document allows events of 1918 to be seen through the eyes of a Russian officer, who managed to escape from the red Turkestan, and had a long way to white Siberia through India. This report was transferred from the General staff to the Department of the Council of Ministers of the Russian government. Kolchak’s authorities paid great attention to the situation in Soviet Turkestan, but were unable to assist anti-Bolshevik forces in that region.

Key words: Civil war, Central Asia, Kokand autonomy, Turkestan Krai, the Emirate of Bukhara, Kokand autonomy, Basmach movement, Soviet government.

D. Polonsky

Rome primacy in Byzantine and Slavonic hymnography.
Canon to pope Leo the Great

The article considers historic circumstances of the creation and dissemination of Byzantine, Eastern and South Slavonic hymnography of the church service dedicated to pope Leo the Great included in the 12th–17th centuries into manuscripts of the Service Menaion for

February. The content of the Canon to pope Leo the Great, that was unusual for Orthodox hymnography, could be explained by views of Canon's author Theophanes the Branded (Graptus) who belonged to the monastic opposition to the iconoclastic government in Byzantine Empire in the first half of the 9th century.

Key words: Leo the Great, Rome primacy, hymnography, Byzantium, Slavonic manuscripts, Service Menaion, Theophanes the Branded (Graptus).

D. Ramazanova

Greek manuscripts from the library of the Moscow Synodal printing-house. On the basis of documents from Russian state archive of ancient acts

The article investigates the Greek manuscripts belonged to the library of the Moscow Synodal Printing-house and stored now in RGADA (fund 381). Mainly these manuscripts contain the educational texts that were prepared for printing in Synodal printing-house (A-B-C books, primers, Greek language manuals, lexicons). Those codices in that fund are not numerous, however they have played an important role in the history of education and perception of the Greek culture in Russia in the 18th–19th centuries.

Key words: Greek manuscripts, Moscow Synodal printing-house, library, Lexicon, Primer, Fedor Polikarpov.

S. Shokarev

The monograph by L.A. Belyaev “Necropolis of Danilov monastery in 18–19th centuries” (M., 2012) and perspective studies of the Moscow necropolis

This is a review on the monograph by the outstanding specialist of the Moscow archaeology L.A. Belyaev, devoted to the study of Donskoy monastery necropolis, and on prospects of further study of the Moscow necropolis associated with the archival and archaeological search and the application of photogrammetric techniques for the reconstruction of lost cemeteries.

Key words: archaeology, source studies, nekropolistics, Moscow necropolis.

Yu. Shustova

Artist Ostap Beliavsky as a seller of books from Lviv's Stauropigion Confraternity printing-house (1788–1791)

The article is an attempt to perform an in-depth study of the mechanism of selling books printed in the Lviv Stauropigion Confraternity printing-house in 1788–1791. The article names the author of sales register: it is an artist Ostap Belyavskiy. There is a detailed analysis of attribution of sold books and reconstruction of Stauropigion printing-house publications repertoire. The number of sold books, their prices and the amount of sales are defined.

Key words: Lviv Stavropihiyan Confraternity printing-house, sale of books, sources on the history of bookselling

N. Zhilina

Byzantine art and its Slavic-Russian contemporaneity. Based on medieval jewelry art of 6–11th centuries

One of the main principles of the pagan art – an idea of the ability of creative product to real action in the natural and human world.

In the 6–7th centuries in Byzantine philosophy is a struggle of opinions about the role of jewelry in Christian art was going on.

Slavic elite jewelry of 6–8th centuries had no expressed symbolism. In the 8–9th centuries jewelry was blurred with images of pagan culture aesthetics. The coexistence of two aesthetic cultures, the Byzantine and Slavic pagan jewelry, in 9–13th centuries may be noted by jewelry of plain technologies. The ornamentation and beauty were main features in the guise of crafts of ancient Russia filigree complex of jewelry of 10th century. Aesthetics of rising Russian nobles in the sacred aspect turns out to be free of ideology.

Key words: aesthetics, jewelry, art, Slavs, Byzantium, Russia.

S. Zverev

The regional monetary reforms in the South West of Russian state in 1677 and 1683–1686

The article is devoted to regional monetary reforms in the South-West of the Russian state: to legalizing the circulation of Polish coins

in the region in 1677 and in 1683–1686, limiting the use of only “Czechs” – a 1½ grosh coin – and try to enter into circulation in 1686 low-brow «Sevsk Czechs» which were soon devalued and banned in 1689.

Key words: monetary reform, Polish coins, Sevsk Czechs.

Сведения об авторах

Герасимова Виктория Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-технического отдела, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, gerasimova@bk.ru

Ерусалимский Константин Юрьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры ИТК ОСКИ РГГУ, kerusalimski@mail.ru

Жилина Наталья Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, nvzhilina@yandex.ru

Зверев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий отделом, Музей «Московский Кремль», svzverev@yandex.ru

Малыгина Алла Александровна – научный сотрудник, отдел рукописей и старопечатных книг, Государственный исторический музей, histarhive@gmail.com

Молчанов Леонид Алексеевич (1956–2013) – доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Пашков Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, pashkov@petsu.ru.

Полонский Дмитрий Георгиевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Архива РАН, преподаватель, кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин, факультет архивного дела, РГГУ, dpolon@gmail.com

Пчелов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин, РГГУ, evg-pchelov@yandex.ru

Рамазанова Джамиля Нуровна – кандидат исторических наук, заведующий НИО редких книг РГБ, доцент, РГГУ, jamilyara@gmail.com

Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра источниковедения, факультет архивного дела, РГГУ, shokarevs@yandex.ru

Шустова Юлия Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин, факультет архивного дела, РГГУ, shustova@yandex.ru

General data about the authors

Erusalimski Konstantin Y. – Dr. in History, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, keralimski@mail.ru

Gerasimova Viktoria A. – Ph.D. in History, researcher, Scientific and Technical Department, F.M. Dostoevsky Omsk State University, gerasimova@bk.ru

Malygina Alla A. – researcher, Department of Manuscripts and Old Printed Books of the State Historical Museum

Molchanov Leonid A. (1956–2013) – Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities

Pashkov Alexandr M. – Ph. D. in History, professor of the Department of Russian History, Institute of History and Political and Social Studies, Petrozavodsk State University, pashkov@petrsu.ru

Pchelov Evgeniy V. – Ph. D. in History, associate professor, Department of Supporting and Special Historical Disciplines, Faculty of Archive-keeping, Russian State University for the Humanities, evg-pchelov@yandex.ru

Polonski Dmitri G. – Ph.D. in Engineering, senior researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences; lecturer, Department of Supporting and Special Historical Disciplines, Faculty of Archive – keeping, Russian State University for the Humanities, dpolon@gmail.com

Ramazanova Dzhamilya N. – Ph.D. in History, Head of Rare Book Department of Russian State Library, associate professor, Russian State University for the Humanities, jamilyara@gmail.com

Shokarev Sergey Y. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Source Studies, Faculty of Archive-keeping, Russian State University for the Humanities, shokarevs@yandex.ru

Shustova Julia E. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Supporting and Special Historical Disciplines, Faculty of Archive – keeping, Russian State University for the Humanities, shustova@yandex.ru

Zhilina Natalia V. – Dr. in History, leading researcher, Institute of Archaeology RAS, nvzhilina@yandex.ru

Zverev Sergey V. – Ph. D. in History, head of the department, State Historical and Cultural Museum-Preserve «The Moscow Kremlin»; svzverev@yandex.ru

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 23.03.2017.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 66

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
